

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

10(4) 2024

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77-67557 от 31 октября 2016 г.
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 10. № 4. 2024

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 10. № 4. 2024

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: Новак М.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Чистякова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагић С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: MARGARITA V. NOVAK, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: EKATERINA YU. CHISTYAKOVA, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, PhD. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – *Chairman*

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Shirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Belgorod National Research University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Человенко Т. Г. Особенности русской духовной традиции как формирующего начала отечественной культуры 5	Chelovenko T. G. Characteristics of the Russian spiritual tradition as a formative source of national culture 5
Лекус Е. Ю. Человек постсовременности в поисках священного (культурно-антропологический ракурс) 19	Lekus E. Yu. Postmodern Man in Search of the Sacred (cultural and anthropological perspective) 19
Баринов Н. Н. Возможность апокатастасиса: к платоновским истокам дихотомичности мысли святителя Григория Нисского 33	Barinov N. N. Plato's Origins of the Dichotomies of St. Gregory of Nyssa in his Views on the Problems of Apokatastasis 33
Ольхов П. А. Эпистолярный Н.Н. Страхова как автобиографический нарратив (по материалам переписки с А.Г. Достоевской) 40	Olkhov P. A. N.N. Strakhov's Episolari as autobiographical narrative (based on correspondence with A.G. Dostoyevskaya) 40
Севальников А. Ю., Сагикызы А. К определению сущности виртуальной реальности 47	Sevalnikov A. Yu., Sagikyzy A. Defining the essence of virtual reality 47
Шалимов А. Б. Структура медиадискурса российских региональных Telegram-каналов 60	Shalimov A. B. The Media Discourse's Structure of Russian Regional Telegram-channels 60
Монастырская И.А. Мальков А. В. Герменевтико-феноменологический опыт интерпретации проблемы инвективной лексики 69	Monastyrskaya I. A., Malkov A. V. Hermeneutic and phenomenological experience of interpreting the problem of invective vocabulary 69
Даценко П. А. Иоганн Карл Бертрам Штюве и проблема объединения Германии в 1848–1849 гг. 85	Datsenko P. A. Johann Carl Bertram Stüve and the Problem of German Unification in 1848–1849 85
Зайцева Д. С. Вклад итальянского кино в трансформацию советских досуговых практик 1960–1980-х гг. 97	Zaitseva D. S. The contribution of Italian cinema to the transformation of Soviet leisure practices in the 1960–1980-s 97
Богданова М. А. Печенкина М. О. Попов Д. Г. Маскоты как инструмент позиционирования на рынке общественного питания Санкт-Петербурга 113	Bogdanova M. A., Pechenkina M. O., Popov D. G. Mascots as a Positioning Tool in St. Petersburg's Catering Market 113

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

Адамьянц Т. З. Ментальные технологии современных образовательных процессов	128	Adamyants T. Z. Mental technologies of modern educational processes	128
Лисеев И. К. Экологические вызовы современности и информационная политика	141	Liseev I. K. Environmental challenges of our time and information policy	141
Яцкив Е. О. Литературные усадьба и дача как особый тип художественного пространства (обзор исследовательского проекта)	145	Yatskiv E. O. Literary estate and dacha as a special type of artistic space (a research project overview)	145
Унукаев Г. А. Познавательный потенциал фэнтези 1985–2000-х гг.	152	Unukaev G. A. The cognitive potential of fantasy in the 1985-2000s	152
Щедрина И. О., Чистякова Е.Ю. Международная научная конференция «Чтения памяти Н.Н. Страхова»: сфера разговора ученых и философов. Субъективные заметки участников	160	Shchedrina I. O., Chistyakova E. Yu. Readings in Memory of N.N. Strakhov: The Sphere of Conversation Among Scholars and Philosophers	160
Гэ Цили, Чжоу Цзе Одиссей и резонанс: рецензия на книгу Юка Хуэя «Искусство и космотехника» (М.: Издательство АСТ, 2024. 384 с.)	175	Ge Jili, Zhou Jie Odysseus and Resonance: review of the book by Yuk Hui "Art and Cosmotechincs" (Moscow, AST Publishing House, 2024. 384 p.)	175

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК: 008 (82-96)

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-1

Человенко Т. Г.

**Особенности русской духовной традиции как формирующего
начала отечественной культуры**

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, Российская Федерация, 302026; chelovenko@inbox.ru

Аннотация. В статье изучается влияние русской духовной традиции на отечественную культуру в ее основных ценностно-смысловых коннотациях, основу которых составляет духовно-нравственное отношение к жизни в самом широком понимании последней. Феноменологический подход в его классическом изводе, тесно связанном с теологией, позволил автору не только объемно рассмотреть явления, продуцируемые русской религиозной традицией, но и с опорой на принцип «от феномена к сущности», как она дана в опыте Церкви, вывести понимание культурного кода России на метаонтологический уровень. Благодаря сравнительно-историческому методу была исследована личность как явление восточно- и западно-христианской культур, соотнесены особенности ее качества (Л.П. Карсавин) в разных религиозных традициях с культурно-цивилизационными изменениями, присутствующими сегодня в европейском обществе; осмыслен концепт «нравственной напряженности» в русской культуре в историческом и метафизическом аспектах. Автор приходит к выводу, что живое восприятие Троицыного Бога, являясь особенностью русского религиозного сознания, не только с необходимостью присутствует в традиции духовно-нравственного совершенствования личности, но и проявляет себя в отечественной духовно-интеллектуальной культуре, а также в реалиях общественной жизни России.

Ключевые слова: личность; культурный код русского мира; русская духовно-интеллектуальная традиция; особенности русского религиозного сознания; христианский принцип «распятия миром»; служение Отечеству

Для цитирования: Человенко Т. Г. Особенности русской духовной традиции как формирующего начала отечественной культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 5-18. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-1

T. G. Chelovenko

Characteristics of the Russian spiritual tradition as a formative source of national culture

Turgenev Orel State University,
95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation; chelovenko@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the Russian spiritual tradition on the national culture in its main value and semantic connotations, which are based on the spiritual and moral attitude to life in the broadest sense. The phenomenological approach in its classical version, closely connected with theology, allowed the author not only to consider in detail the phenomena produced by the Russian religious tradition, but also, on the basis of the principle "from the phenomenon to the essence", as it is given in the experience of the Church, to bring the understanding of the Russian cultural code to the meta-ontological level. With the help of the comparative-historical method, the personality has been studied as a phenomenon of Eastern and Western Christian cultures; the peculiarities of its quality, as they developed in different religious traditions, have been correlated with the cultural and civilisational changes present in European society today; the concept of "moral tension", as it was historically and metaphysically present in Russian culture, has been understood. The author concludes that the living perception of the Triune God, as a peculiarity of Russian religious consciousness, is not only necessarily present in the tradition of spiritual and moral perfection of the individual, but is also manifested in the domestic spiritual and intellectual culture, as well as in the socio-cultural realities of public life in Russia.

Keywords: personality; cultural code of the Russian world; Russian spiritual and intellectual tradition; peculiarities of Russian religious consciousness; Christian principle of "crucifixion by the world"; service to the Fatherland

For citation: Chelovenko T. G. (2024), "Characteristics of the Russian spiritual tradition as a formative source of national culture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 5-18, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-1

Совершенство личности заключается в отдаче.
Вл. Лосский. «Очерк мистического богословия Восточной Церкви»

Мы подошли к такой исторической эпохе, когда в обществе созрел запрос на создание принципиально иной духовно-нравственной обстановки, называемой классиками русской религиозной философии «духовным обновлением»

(И.А. Ильин). Существует несомненная связь личностного преображения с преображением общества, но в культурах Запада и Востока присутствуют разные концептуальные представления о качественности личности¹, имеющие для

¹ Качественность – один из терминов, используемых Л.П. Карсавиным для построения концепции всеединства, с помощью которого он выделяет моменты или явления, входящие в высшие

(все)единства, и в то же время придает качественности смысл связующего по отношению к объемлющей их цельности (см.: Карсавин, 1992). Поскольку заявленная в статье проблема уже в силу

заданной проблематики методологическое значение: в западной культуре – это «свободная личность», а в русской культуре – «совершенная личность» (см., напр.: (Черноусова, 2007)). Темы совершенствования и свободы человека действительно были и остаются значимыми и для Запада, и для Востока, но интерпретируются они по-разному, исходя из особенностей самосознания, а также из приоритета в общественном дискурсе тех или иных ценностей и смыслов, влияющих в то же время и на их формирование.

В своих подходах к пониманию личности христианский Запад и христианский Восток разошлись уже в раннем христианстве: для латинской Церкви были характерны теологические дискуссии о соотношении свободы и благодати, а духовно-интеллектуальная жизнь христианского Востока проходила в атмосфере размышлений грешника, «обожженного» благодатью с акцентом на преобразующий человека опыт богообщения. Таким образом, богословские споры, характерные и для христианского Востока, особенно для эпохи святых отцов, «никогда не были “абстрактными” и чисто “интеллектуальными”, но всегда – сотериологическими и экзистенциальными... ибо они затрагивали природу человека, смысл его жизни и цель его *прахих* (деятельности)» (Шмеман, 2011: 55). Отсюда «для Востока высшая форма общения с божественным не умственный акт, а участие в жизни и деятельности» (Брэдшоу, 2012: 344; курсив наш. – Т. Ч.), синергия человеческой воли и Божией благодати.

Нам важно обратить на это внимание, потому что произошедший в западной

традиции разрыв между богословием и духовным опытом со временем привел к тому, что «место дистанции заняла автономность» (там же: 346) и, что особенно значимо в свете изучаемой проблемы, автономность морали от Откровения. Впоследствии, в эпоху Просвещения, сформировалась не просто новая система ценностей, «восходящая» к абсолютной свободе, которая приобрела сегодня столь нетрадиционные формы, но и новый духовный тип личности, тесно связанный с новым типом религиозности (см., напр.: Будущее религии..., 2010), с дальнейшим отчуждением религии как института от религии как личного религиозного опыта.

Справедливости ради надо отметить, что разуму, как базовой характеристике личности, придавалось большое значение и в восточно-, и в западно-христианской традициях. Но исторически приоритет автономности и свободы личности стал утверждаться на Западе с известной формулы Боэция: личность – это «индивидуальная субстанция разумной природы» (Боэций, 1990: 172). С началом гносеологического поворота в западной культуре, вершиной которого стала новоевропейская концепция личности, выраженная декартовским *cogito*, личность стала окончательно отождествляться с мышлением, сознанием и самосознанием. Теоцентрический подход сменился антропоцентрическим.

Дж. Локк, отождествив личность с самосознанием, определил человека как свободную личность, на столетия вперед повлияв на социально-политический и культурный мейнстрим западной цивилизации: каждый имеет право, говорил он, «распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими

своей предметности не поддается осмыслению исключительно в парадигме причинно-следственных связей, мы обращаемся к методологии Л.П. Карсавина, исследующего связи как порождение целостности (сегодня эта методология изучается системным анализом), так называемого высшего единства, где сотворенное бытие мыслится

как отражение божественной троичности. Совершенствование и свободу мы рассматриваем как некие качества, порожденные такой «целостностью», как религиозную культуру Запада и России, где религиозная традиция является ее ценностно-смысловым ядром.

действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется» (Локк, 1988: 283-294). Немецкая классическая философия окончательно закрепляет этот подход, подчеркивая самоценность и автономность личности, называя в качестве ее главного показателя абсолютную свободу.

На христианском Востоке размышления о личности шли параллельно с развитием догматической терминологии и были неразрывны с устремленностью к преобразению человека. В отличие от западно-христианской традиции, здесь много внимания уделялось духовному опыту и подвижнической деятельности, невозможных, по мнению отцов Церкви, без духовно-нравственного совершенствования. Да и само становление богословской мысли тесно сопрягалось с подвижническим образом жизни, единство которых во «внутреннем человеке» было обеспечено самим Духом христианского Благовестия: «Ужели же тебе кажется, – восклицал свт. Иоанн Златоуст, – что напрасно мы боимся за жизнь и *заботимся с великим усердием о нравственной части любомудрия?*» (Иоанн Златоуст; курсив наш. – Т. Ч.).

Мистико-аскетическая традиция христианского Востока IV–VI вв. преодолевала онтологический дуализм духовно-опытным путем. Русская монашеская традиция, начиная уже с Феодосия Печерского (XI в.), имеет некоторые особенности: для личного спасения важен не только собственно духовный акт «умного делания», но и подвиг любви к людям, что одинаково невозможно без духовно-нравственного возрастания человека. Уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь, через отдачу себя «миру», поэтому и затворничество стало средством совершенствования не только ради

собственного спасения, но и *ради помощи миру и служения ему примером*. Эта особенность русского монашества, вошедшая своим духом «в плоть и кровь» русской культуры, имела для нас, если говорить государственным языком, *цивилизационное значение, воспитав загадочную «русскую душу», ставшую родной для многих народов будущей России, несмотря на присутствовавшие в их истории разные жизненные обстоятельства*.

Особенно ярко это нравственное отношение к жизни проявилось у русских нестяжателей, создавших «поведенческую модель идеального христианина» (Перевезенцев, 2011: 72). Прп. Нил Сорский, основатель скитского монашества на Руси, в своем уставе иноческого жития впервые в общественно-философской мысли обратился к идее духовно-нравственного совершенствования личности, акцентируя внимание не на «истязании плоти», а на стремлении к «осветлению души» и «чистоте сердца» (Нил Сорский, 1852: 71). Большое влияние на него оказал прп. Сергей Радонежский именно проповедью внутреннего совершенствования.

Надо отметить, что представители нестяжательства, утверждая идеал Святой Руси, придавали особое значение апостольскому «распятию миром», значимому в контексте личного спасения, что сегодня приобретает коннотации общественного служения или служения Отечеству. Независимость от мира (отшельничество), сосредоточенность на внутреннем делании обеспечивали им независимость от светской власти, но одновременно давали моральное право и возможность судить и учить мир, оставаясь, с точки зрения общественных идеалов, государственниками².

² Нельзя не отметить, что религиозно-нравственный идеал («Святая Русь») нестяжателей и духовно-политический идеал («Москва – Третий Рим»)

иосифлян сегодня одинаково востребованы в ходе возвращения России к своим цивилизационным основам, поскольку трансформации, происходящие

Духовно-нравственная ориентация повлияла и на особенности становящейся духовно-интеллектуальной культуры Древней Руси. Просветительство и образование постепенно становятся признанным богоугодным делом. Уже кирилло-мефодиевская мыслительная традиция сближала философско-богословские идеи с делами нравственного отношения к жизни. В культуре Древней Руси сложился определенный тип древнерусского книжника, считавшего мировоззренчески важным выразить в житийной литературе собственное отношение к поступку, событию (Лихачев, 1987: 124). Начиная с писателя-агиографа прп. Нестора, начал формироваться тот «нравственно-деятельный тип мудрости» (История русской философии, 2016: 37), который характеризует не отвлеченное морализаторство, а создание образов подвижников, следовавших жизни в истине согласно Божественному Откровению. Исторические события и государственная политика также оценивались древнерусскими мыслителями с точки зрения православной духовности и нравственности (например, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о рассуждении любви и правды» Ермолая-Еразма), часто демонстрируя сочетание христианского рационализма с деятельным началом средневекового философствования.

Если не учитывать традиционный опыт понимания жизненных основ, невозможно понять исторические особенности человеческого разума, данные в древнерусской книжности (Герасимова, Мельков, 2018: 110). Рациональность Древней Руси, а также особенности мышления и «абстрагирующие приемы стиля» конца XIV–XV вв. имеют тесную связь с мировоззрением и системой ценностей исихастской духовности

писателей того времени (Лихачев, 1986: 34, 35-36).

Эта традиция, придающая важное значение духовно-нравственному совершенствованию, продолжилась и при утверждении на Руси рациональной системы мышления. Фактически одновременно с просветительскими идеями Т. Гоббса и Д. Локка, формировавшими концепцию свободного человека, в русской культуре Симеон Полоцкий вдохновлялся в своем творчестве библейской идеей: «*Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен*» (2 Тим. 3:17). Одним из первых утверждая в русском сознании «разумность», Симеон следовал акцентам, расставленным восточно-христианской традицией: он оставлял первенство за воспитанием совершенного человека, утверждая, что в нравственных качествах заложена его духовная основа. Детей, говорил он, необходимо учить «прежде добронравию, неже витийству: яко сие без оного, аки тело без души есть» (цит. по: (Перевезенцев)). XVI век – «век расцвета русской публицистики» (С.В. Перевезенцев) дает нам яркие примеры осмысления философских, религиозных и политических вопросов, где обязательно присутствуют духовно-нравственные коннотации: например, в проектах «идеального общества» Ф.И. Карпова и И.С. Пересветова мы видим в качестве основы не только закон, но и правду, и милость.

Следующее столетие, откликнувшись на запросы времени, стало относиться к просвещению и просветительству как к подвижническому отношению к жизни, а общество перестало воспринимать невежество как некую необходимость в исповедании веры. Знаковой фигурой является митрополит Димитрий Ростовский, который и своей личностью, и своим духовно-интеллектуальным

в современном мире, носят уже не только цивилизационный, но и антропологический характер.

творчеством явился примером нового подхода к теме святости: «Святитель Димитрий был не просто духовно талантливым, образованным человеком, ученым-энциклопедистом, стремящимся к совершенству и духовной пользе для самого себя, но человеком, стремящимся к совершенству себя и мира, а также, окружающих людей» (Сазонов; курсив наш. – Т. Ч.). Святитель внес существенный вклад в строительство системы духовно-нравственного просвещения и образования.

Тема совершенного человека по-прежнему остается важной для русской культуры и в XVIII в. Но традиционное русское представление о духовном смысле исторического бытия России начало сменяться идеями религиозно-философского гуманизма, которые проникали и в богословско-академическую среду. Россия вошла в эпоху реформ. Выстраиваемая светская система образования развивалась в условиях духовного противоречия между традиционной православной духовностью и светским миропониманием, формировавшимся под влиянием западноевропейского исторического, религиозного и культурного опыта, известного секулярно-смысловыми акцентами и ориентацией на просветительскую идею «общего блага». В этих обстоятельствах традиционные представления об идеале совершенного человека сохраняются благодаря примерам русской святости «века Просвещения» (свт. Митрофан (Воронежский), прп. Паисий (Величковский), блж. Ксения Петербургская и др.).

В середине и второй половине XVIII в., несмотря на новые условия реформирующейся России, традиции древнерусского любомудрия восстанавливались в среде «ученого монашества». Благодаря своим предшественникам – святителям Димитрию Ростовскому и Иоанну Тобольскому – христианский принцип

распятия миром (Гал. 6:14) как императив духовного совершенствования зазвучал в русско-платоновской богословской школе (митр. Платон (Левшин)), обосновывая не просто личное, а «самоотверженно-личное право на творческое служение по образу и подобию Христа» (История русской философии, 2016: 88). Отличительной чертой любомудрия «ученых монахов» было следование святоотеческой идее отвержения от своего «я» в традиции апофатического толкования бытия Божия. Это и есть свидетельство их интереса к онтологической проблематике – вопросам соотношения бытия и мышления, отношения человека к Богу, миру и Его проявлениям, что позднее будет развиваться и в русском богословии, и в светской религиозной мысли.

Благодаря подвижникам, исповедующим святоотеческие и исихастские идеи, новая Россия не потеряла преемственности с духовной традицией Древней Руси: нравственный идеал по-прежнему стоял неизмеримо выше прагматичного и корыстолюбивого существования человека в миру, воспринимаясь как необходимое условие «стяжания благодати»; богословская мысль тяготела не к классификациям и «чистоте» метафизического знания, а к онтологическим проблемам; а служение обществу воспринималось как особый императив духовно-нравственного отношения к жизни.

Все эти особенности говорят о том, что христианское совершенствование и стремление к преобразению культуры стало характерным для отечественного этнокультурного типа, востребованного сегодня в коннотациях «русского мира». Следовательно, трудно согласиться с суждением, что «социальная деятельность аскетов не принесла должных результатов и общественная жизнь России в XIX в. не одухотворилась христианскими началами» (Калитин, 2022: 39). Общественное служение не было чем-то необычным для XIX в., скорее наоборот. А заблуждения

в понимании сути развивавшейся социальной активности начинаются тогда, когда мы смотрим на феномен русской традиции благотворительности через призму светского или западноевропейского христианского гуманизма, отождествивших милосердие и филантропию, хотя их ценностно-смысловые начала принадлежат разным религиозным традициям и культурам.

Сегодня, в условиях обострившихся ценностно-мировоззренческих противоречий, мы должны по достоинству оценить и нравственно-этический императив отечественной педагогики в сравнении с дидактизированной западноевропейской, что прослеживается и в профессиональном образовании. Например, инженерная специальность в России никогда не была «узким» ремеслом (см.: (Волков)), русские инженеры порой превосходили своих зарубежных коллег по уровню культуры, а русские врачи всегда считали, что нравственные начала являются фундаментальной составляющей профессии. Это объясняется тем, что в основе подготовки специалистов было три основания: западноевропейская наука, отечественное естествознание и православная этическая культура, мировоззренческие коннотации которой были отрефлексированы духовно-интеллектуальной традицией православия, имевшей глубокие связи с опытным богопознанием.

Русская богословская мысль XIX в., развиваясь уже в условиях централизации духовно-учебной системы, утверждала православную традицию «духовной учености», преодолевая зависимость от западной школы. При всех научно-образовательных сложностях русскому богословию удалось стать «единым», «стройным организмом», поскольку оно опиралось на собственные внутренние силы, сообщившие ему «типическую индивидуальность» (Глубоковский, 1992: 112). Источником этих внутренних сил было отношение к христианству не столько

как к доктрине и теоретическому учению, сколько как к жизни в самом глубинном ее понимании, данном в опытном богопознании. Такой путь христианизированной включенности в «жизненный мир» и в человеческие экзистенции имел, как показывает Н.Н. Глубоковский, целый ряд положительных последствий. Во-первых, русскому богословию удалось избежать не только обособленности «школ», но и схоластической мертвенности, сохранив жизненную динамику. Во-вторых, исповедуя жизнь как глубочайшую тайну Божью, русская богословская мысль не ограничивалась констатациями и обобщениями, но стремилась проникать внутрь предметов, обнаружить их идейную основу, сосредоточившись в итоге на их мировоззренческом истолковании. Это трудный путь, на котором возникает больше вопросов, чем ответов. Но этот путь горячей пылкости о высших идеалах позволил расцвести русской религиозной философии. Интересна в этом смысле антропологическая богословская школа, возрождавшая святоотеческий метод как «синтез догматического и нравственного богословия, сочетания строгости философского анализа и... пастырского педагогического воздействия» (Лисовой, 2002: 28). Сумев творчески переосмыслить достижения светской религиозной мысли, ее представители соединили в своей аргументации позитивное знание и Откровение. Это был очень интересный опыт развивавшегося «нового богословия», который сегодня востребован университетской теологией, но уже в условиях современных теоретико-методологических поисков.

Духовно-нравственный императив был важен и для русской философии, несмотря на ее различную включенность в православную традицию, ведь ее беспокоила не только истина, но и правда – как истина, воплощенная в жизнь. Важно, что этот «экзистенциальный тип философствования» (Бердяев, 1991: 107) не

только интенционально, но и духовно был связан со святоотеческой традицией: русские мыслители относились к Священному Преданию не как к литературному памятнику, но как к живому источнику, благодаря которому не иссякает «сакраментальная преемственность общения святых в истории» (Мейендорф, 1997: 16). Но «живое предание» (С.Н. Булгаков) усваивается и присваивается нами только через наше участие в нем, через экзистенциальное усилие и трансляцию смыслов, не только связующих Горнее и Дольнее в перспективе личного бытия, но и служащих живой связи поколений в истории. «Живое предание», невозможное без «живого общения как некой единой смысловой реальности, охватывающей русско-православный мир» (Семенюк, 2008: 57), осуществляется внутренним его принятием, одновременно ставя проблему социального идеала. Все это свидетельствует о значимости для русской философии духовно-нравственного постижения жизни, выходящего за границы лишь ее интеллектуального уразумения, придавая ей антропоцентрическую и социокультурную окрашенность.

Славянофильство стало закономерным этапом в развитии оригинального отечественного философствования, связанного с русско-платоновской школой (Калитин, 1999: 5), о сути которой мы говорили выше. Свою теорию познания, основной лейтмотив которой явлен в таких понятиях, как «цельность духа», «цельное знание», «живое знание», «целостная личность», «всецелый разум», «соборность» и т. д., представители этого направления сумели создать именно потому, что придавали ведущее значение ценностям любви и свободы, видя в них *не только этическую, но и сущностную силу*, обеспечивающую познание безусловной Истины. Религиозно-философский дискурс славянофилов – поиск не просто «цельного», но «живого знания» –

предполагал поиск богословского метода, отвечающего принципиально новым для науки того времени экзистенциальным целям. За границами схоластического рационализма начала складываться предфеноменологическая традиция (см.: Антология..., 2000: 13-36; Соловьев, 2006), особенностью которой явился поиск жизненных стратегий (сегодня часто обозначаемых как коммуникативные), основывающихся на «законе любви». Здесь интересны богословские идеи А.С. Хомякова, его поиск метода, ориентированного на «опытное Богопознание». А.С. Хомяков исходит из внутреннего опыта Церкви, подчеркивал Г.В. Флоровский. Он описывает реальность Церкви, «как она открывается изнутри, через опыт жизни в ней» (Флоровский, 2009: 349; курсив наш. – Т. Ч.). Таким образом, оригинальность богословия А.С. Хомякова, несмотря на противоречивые отзывы современников, определяется именно новизной его метода, который есть метод живого религиозного опыта, развиваемый сегодня в экзистенциально-феноменологическом дискурсе.

Позднее русская религиозная философия (Вл.С. Соловьев, С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, Н.О. Лосский и др.) продолжает осваивать в эпистемологической структуре «живого знания» нравственную честность и любовь. Этот фокус их рефлексии был несомненно значим, но явно выходил за границы общепринятого в то время научного дискурса. Более того, их теоретические искания, по мнению прот. Г.В. Флоровского, можно рассматривать как «вспомогательную лестницу для решения моральных и именно социально-моральных задач», граничащую с «проповедью смысла деятельной жизни» (Флоровский, 1998: 18). И с этим мы не можем не согласиться.

Гносеология в ее чистом виде не получила развития в русской философии

(если ее отличать от «философии в России»). Она стремилась к синтезу, примером цельности которого было «согласие ума и сердца» (см., напр.: (Феофан Затворник, 2003: 229-231)), описанное святыми отцами. Можно сказать, что восточно-христианская традиция «умного делания» не только повлияла на создание особого онтогносеологического дискурса, но и сформировала ценностное миропонимание русского человека, теоретически развитое сегодня в философском синтезе понятий «ценность» и «благо». Уже целый ряд авторов констатируют, что русская философия значима не только эпистемологическими поисками, но и наличием оригинальной теории ценностей, основанной на религиозном онтологизме. Более того, как нам представляется, именно «религиозная онтологизация ценности оказала воздействие на все дальнейшее развитие русской философской мысли» (Лукьянов, 2015: 12), а не наоборот.

Ну а теперь о главном. Почему в культурах России и Запада мы наблюдаем такую разницу ценностно-смысловых приоритетов несмотря на то, что их законодательства в отношении образования и воспитания исторически одинаково опирались на традицию христианизированного римского права (Сапрыкин, 2009: 76)? На наш взгляд, суть проблемы заключается в наличии такой черты русской религиозности, как *живое восприятие Троицкого Бога* (Питирим (Нечаев), 2009), устремлявшейся не столько к теоретическому, сколько к практическому поиску предельных смыслов, утверждая их неразрывность. Именно такое отношение к Богу и сформировало в русской культуре не только базовую систему ценностей и принципы нравственного поведения, но и в целом – определенные смысловые и целевые установки и бытия, и познания. Имея это в виду, позволим себе не согласиться с суждением о том, что именно «русская философия порождала

многочисленные токи – к науке, литературе, искусству, религии, политике, праву», духовно оплодотворяясь их влиянием (Маслин, 2016: 18). Религия в этом контексте упомянута через запятую. На наш взгляд, именно живое отношение к Богу и вере воспитало религиозное мировоззрение русского человека, пронеся через испытания секуляризмом обостренное чувство справедливости и жажду абсолютного совершенства, изначально повлияв на формирование «нравственно-деятельного типа мудрости». Русские мыслители и в философской, и в теологической парадигмах были едины в стремлении передать мистический смысл и содержание жизни и бытия, что невозможно без веры и пережитого (а потом уже осмысленного) духовного опыта. Отсюда постоянное присутствие в отечественном дискурсе духовно-нравственной проблематики, «нравственной напряженности» (Маслин, 2016: 15), которая никуда не уходит, несмотря на иногда присутствующую разницу в осмыслении религиозности церковными мыслителями и русскими философами.

Именно это отличает православие от католицизма, в котором тема духовного опыта как связующего начала Бога и человека «предельно ослаблена» (Евлампиев, 2020: 15) бесконечной ничтожностью человека, а идея возможного абсолютного совершенства через богообщение считается неприемлемой в рамках сотериологического учения. На этой основе и сложились разные подходы не только к духовно-интеллектуальной традиции, но и к культуре в целом, что не раз отмечали и отечественные, и зарубежные мыслители. У нас «один и тот же Бог, но мы перед Ним, – отмечает И. Конгар, – различные люди и не можем одинаково мыслить о природе наших к Нему отношений» (цит. по: Лосский, 1991: 19). Но еще сложнее – справедливо указывает прот. А. Шмеман – Западу понять православное

миропонимание и опыт, которые стоят «за догматическими определениями и учением Восточной Церкви, образуя их живой, “экзистенциальный” контекст» (Шмеман, 2011: 39).

Конечно, мы не можем сказать, что у выдающихся отцов Русской Церкви отсутствует интерес к проблеме свободы. Эта тема справедливо всплывает каждый раз, когда речь заходит о базовых принципах отношения государства и Церкви. Хороший пример тому – известная полемика нестяжателей и иосифлян, в ходе которой нестяжатели первыми заострили вопрос о необходимости защиты духовной свободы человека от посягательства государственной власти. В то же время и русское государство в эпоху наиболее явно состоявшейся симфонии – в эпоху Московской Руси – воспитывало у своего народа христианское понимание свободы как жертвенного служения, данного в ценностях духовно-нравственного понимания жизни.

Русская и западноевропейская культуры, ориентированные на разные личностные идеалы, со временем повлияли и на понимание сути субъекта гражданского общества. В западноевропейском менталитете, благодаря его ориентации на идеал свободной личности, исторически важными становится борьба за права и свободы и за наличие независимых от государства источников существования. Быть гражданской личностью в России, в основании которой, напомним, идеал нравственного совершенствования, означало служить обществу независимо от собственного экономического и правового статуса. Общественное служение – это служение Отечеству, что само по себе является особым способом бытия и в духовно-нравственном, и в социокультурном смысле: это мотивация не только гражданской активности в обыденном смысле, но и готовности жертвовать. Значит, сегодня духовно-нравственные коннотации понимания

Отечества должны вернуться в общественный дискурс. Это важно не только с точки зрения исторической справедливости, но и с точки зрения культурно-цивилизационного самоопределения современной России.

Даже беглый взгляд на особенности русской духовности, которая тесно сопряжена с образом жизни и уникальной духовно-интеллектуальной традицией, говорит о том, что воспитанный в ее лоне идеал совершенной личности существенно отличается от идеала свободной личности, как он сложился в западной культуре, либерально-индивидуалистический мейнстрим которой привел сегодня к известному индивидуалистическому произволу.

Живое восприятие Троицкого Бога как феномен русской религиозности имеет значение не только с сотериологической точки зрения, но и с точки зрения его формирующего влияния на отечественную культуру и понимание общественного служения.

Современной России необходимо выдержать вектор культурно-цивилизационного развития. Для этого идеал «совершенной личности», данный нам в «отношениях подлинной любви», должен стать тем нравственным императивом, универсальность и фундаментальность которого хорошо осознается в традиционных религиях России. Но этот идеал делает реальностью православное понимание онтологии личности (Зизиулас, 2013), выводя «онтологическую разгадку тайны человеческой личности» (Лосский, 2000: 302) на уровень метаонтологии. Человек, следуя за Христом как видимым *образом Бога невидимого* (Кол. 1:15), меняется прежде всего внутренне, что проявляется и в отношениях, то есть в образе совершенного человеческого бытия, осуществленного во Христе. При этом важно понять, что мы становимся теми, кто

мы есть, благодаря нашему участию/неучастию в общении с Богом Отцом, Сыном и Святым Духом. И здесь актуализируется проблема богообщения, ее понимание в богословских традициях Запада и Востока. Мы считаем, что православный подход способен «активировать» культурный код нашей цивилизации, суть которого в движении от преображения личности к преображению самих основ нашего бытия³. В этом случае стремление к духовно-нравственному совершенствованию через осознание поврежденности человеческой природы и критическое отношение к собственному «Я», станет той мировоззренческой парадигмой, которая, преображая человека, повлияет и на преображение общества.

Литература

- Антология феноменологической философии в России: В 2-х т. Т. 2 / сост., общ. ред., предисл. и ком. И.М. Чубарова. М.: Логос, Прогресс-Традиция, 2000. 527 с.
- Бердяев, Н.А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 395 с.
- Бозций. Против Евтихия и Нестория // Бозций. «Утешение Философией» и другие трактаты / отв. ред., сост. и авт. ст. Г.Г. Майоров. М.: Наука, 1990 (Серия «Памятники философской мысли»). С. 167-189.
- Брэдшоу, Д. Аристотель на Востоке и на Западе: Метафизика и разделение христианского мира / отв. ред. А.Р. Фокин. М.: Языки славянских культур, 2012. 383 с.
- Будущее религии в Европе: Сб. ст. / под ред. И.Х. МаксUTOва, О.К. Горевой. СПб.: Алетейя, 2010. 287 с.
- Волков, С. Интеллектуальный слой в советском обществе // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/volkov_sergey/intellektualniy_sloy_v_sovetskom_obshchestve.html#0 (дата обращения 23.05.2024).
- Герасимова, И.А., Мельков, В.В. Рациональность в культуре Древней Руси // Идеи и Идеалы. 2018. Т. 2. № 4 (38). С. 94-115.
- Глубоковский, Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1992. 113 с.
- Даренский, В.Ю. Парадигма преображения человека в русской философии XX века. СПб.: Алетейя, 2018. 328 с.
- Евлампиев, И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 920 с.
- Зизиулас, И. Что значит быть личностью: к вопросу об онтологии личности // Богословие личности / под ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М.: Изд. ББИ, 2013 (Серия «Современное богословие»). С. 193-209.
- Иоанн Златоуст, свт. К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни // Иоанн Златоуст, свт. Собр. соч. в 12-ти т. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/sobraniye-sochinenij/#t1 (дата обращения 25.04.2024).
- История русской философии / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: ИНФРА-М, 2016. 640 с.
- Калитин, П.В. Аскетизм // Русская философия: Энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, Мир философии, 2022. С. 38-39.
- Калитин, П.В. Философско-богословская мысль в России во второй половине XVIII – начале XIX веков (историко-философский и логико-семантический анализ): Автореферат дис. ... д-ра философ. наук. М., 1999.
- Карсавин, Л.П. О личности // Карсавин, Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1 / сост. и вступит. ст. С.С. Хоружего. М.: Ренессанс, 1992 (Серия «Памятники религиозно-философской мысли»). С. 3-232.
- Лисовой, Н.Н. Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX – начале XX столетия // Богословские труды. 2002. Сб. 37. С. 5-127.
- Лихачёв, Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1986. 405 с.
- Лихачёв, Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев, Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1987. С. 3-164.

³ См. о культурном коде России: (Макаров, 2008; Даренский, 2018).

Локк, Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3 / пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсона, Е.С. Лагутина и др.; ред. и сост., прим. А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. (Серия «Философское наследие»; т. 113).

Лосский, В.Н. Богословское понятие человеческой личности // Лосский, В.Н. Богословие и Боговидение. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 2000. С. 288-302.

Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 287 с.

Лукиянов, В.Г. Русская религиозная аксиология. СПб.: Алетейя, 2015. 224 с.

Макаров, Д.В. Идея преображения в русской духовной культуре. М.: ГАСК; Ульяновск: Изд. УлГТУ, 2008. 279 с.

Маслин, М.А. Русская философия как единство в многообразии // Тетради по консерватизму. 2016. № 2. С. 9-48.

Мейендорф, И., прот. Живое предание: Свидетельство Православия в современном мире. СПб.: Изд. РХГИ, 1997. 272 с.

Нил Сорский, прп. Предание ученикам своим о жительстве скитском. СПб.: Изд. Синодальной Типографии, 1852. 206 с.

Перевезенцев, С.В. Симеон Полоцкий [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-slovo.ru/history/35573.php> (дата обращения 03.05.2024).

Перевезенцев, С.В. «Умное делание» преподобного Нила Сорского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 4. С. 63-72.

Питирим (Нечаев), митр. Церковь как претворение Тринитарного Домостроительства (1975) // Преданный служитель Церкви. О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева): Сб. трудов и воспоминаний. М.: Московская Патриархия; Фонд «Наследие митрополита Питирима», 2009. С. 391-399.

Сазонов, Д. прот. Святитель Димитрий Ростовский как феномен русской святости и просвещения // Публикации Костромского церковно-исторического общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kocio.mrezha.ru/index.php/2010-09-02-15-23-30/176-2012-03-16-17-23-01> (дата обращения 23.03.2024).

Сапрыкин, Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Семенюк, А.П. Православная традиция и экзегеза в осмыслении русской религиозной философии XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 55-59.

Соловьев, Вл. Теоретическая философия // Антология реалистической феноменологии / под ред. Д. Атласа, В. Куренного. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 95-104.

Феофан Затворник, свт. О непрестанной молитве // Феофан Затворник, свт. Страсти и борьба с ними: Выдержки из творений и писем / сост. игумен Феофан (Крюков). М.: Даниловский благовестник, 2003. С. 229-231.

Флоровский, Г., прот. Из прошлого русской мысли // Флоровский, Г., прот. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 7-27.

Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

Черноусова, Л.Н. Добродетель как способ существования личности: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2007. 176 с.

Шмеман, А., прот. Православный мир: прошлое и настоящее // Шмеман, А., прот. Собрание статей, 1947–1983 / сост. Е.Ю. Дорман, предисл. А.И. Кырлежева. 2-е изд. М.: Русский путь, 2011. С. 39-69.

References

Berdyayev, N. A. (1991), *Samopoznanie* [Self-knowledge], Lenizdat, Leningrad, Russia (in Russ.).

Boethius (1990), “Against Eutyches and Nestorius”, “*Consolation in Philosophy*” and other treatises, in Mayorov, G. G. (ed.), Nauka, Moscow, USSR, 167-189 (in Russ.).

Bradshaw, D. (2012), *Aristotel na Vostoke i na Zapade: Metafizika i razdeleniye khristianskogo mira* [Aristotle in the East and in the West. Metaphysics and the division of Christendom], in Fokin, A. R. (ed.), Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia (in Russ.).

Chernousova, L. N. (2007), “Virtue as a way of existence of a person: a socio-philosophical analysis”, Ph.D. dissertation (Philosophical Sciences), Krasnoyarsk, Russia (in Russ.).

Chubarov, I. M. (ed.) (2000), *Antologiya fenomenologicheskoy filosofii v Rossii: V 2 t. T. 2* [Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia: in 2 vols. Vol. 2], Logos, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Darenskiy, V. Yu. (2018), *Paradigma preobrazheniya cheloveka v russkoy filosofii XX veka* [The paradigm of human transformation in Russian philosophy of the twentieth century], Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Evlampiev, I. I. (2020), *Istoriya russkoy metafiziki v XIX-XX vekakh. Russkaya filosofiya v poiskakh Absoluta* [The history of Russian metaphysics in the 19th–20th centuries. Russian Philosophy in Search of the Absolute], Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Feofan Zatvornik, svt. (2003), “On unceasing prayer”, *Strasti i borba s nimi: Vyderzhki iz tvoreniy i pisem* [Passions and the fight against them: Excerpts from creations and letters], Danilovskiy blagovestnik, Moscow, Russia, 229-231 (in Russ.).

Florovsky, G., archpriest (1998), “From the past of Russian thought”, *Iz proshlogo russkoy mysli* [From the past of Russian thought], Agraf, Moscow, Russia, 7-27 (in Russ.).

Florovsky, G. V. (2009), *Puti russkogo bogosloviya* [The ways of Russian theology], in Platonov, O. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow, Russia (in Russ.).

Gerasimova, I. A. and Melkov, V. V. (2018), “Rationality in the culture of Ancient Russia”, *Ideas and Ideals*, 2 (4 (38)), 94-115 (in Russ.).

Glubokovskiy, N. N. (1992), *Russkaya bogoslovskaya nauka v ee istoricheskom razvitii i noveyshem sostoyanii* [Russian theological science in its historical development and the latest state], Publishing house of the St. Vladimir Brotherhood, Moscow, Russia (in Russ.).

John Chrysostom, St. “To those who are at war with those who attract to monastic life”, *Sobranie sochineniy: V 12 t. T. 1* [Collected works: In 12 vols. Vol. 1] [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/sobranie-sochineniy/#t1 (Accessed 25 April 2024) (in Russ.).

Kalitin, P. V. (2022), “Asceticism”, *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian Philosophy: An Encyclopedia], in Maslin, M. A. (ed.), Algoritm, Mir filosofii, Moscow, Russia, 38-39 (in Russ.).

Karsavin, L. P. (1992), “About personality”, *Religiozno-filosofskie sochineniya. T. 1* [Religious and philosophical works. Vol. 1], in Khoruzhiy, S. S. (ed.), Renessans, Moscow, Russia, 3-232 (in Russ.).

Lisovoy, N. N. (2002), “Review of the main directions of Russian theological academic science in the 19th – early 20th century”, *Bogoslovskie trudy* [Theological works], 37, 5-127 (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1986), *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Research on Old Russian Literature], Nauka, Leningradskoye otdeleniye, Leningrad, USSR (in Russ.).

Likhachev, D. S. (1987), “*A man in the literature of Ancient Russia*”, *Izbrannye raboty: V 3 t. T. 3* [Selected works: In 3 vols. Vol. 3], Khudozhestvennaya literature, Leningrad, USSR, 3-164 (in Russ.).

Locke, J. (1988), *Sochineniya: V 3 t. T. 3* [Works: In 3 vols, Vol. 3], Transl. by Davidson, Yu. M. and Lagutin, E. S., in Subbotin, A. L. et al. (eds), Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Lossky, V. N. (2000), “Theological concept of human personality”, *Bogosloviye i Bogovideniye* [Theology and God-vision], Publishing house of the St. Vladimir Brotherhood, Moscow, Russia, 288-302 (in Russ.).

Lossky, V. N. (1991), *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic theology], Tsentr “SEI”, Moscow, Russia (in Russ.).

Luk'ianov, V. G. (2015), *Russkaya religioznaya aksiologiya* [Russian religious axiology], Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Makarov, D. V. (2008), *Ideya preobrazheniya v russkoy dukhovnoy kulture* [The idea of transformation in Russian spiritual culture], GASK; Publishing House of Ulyanovsk State Technical University, Moscow; Ulyanovsk, Russia (in Russ.).

Maksutov, I. H. & Gorevaya, O. K. (eds) (2010), *Budushchee religii v Evrope: Sbornik statey* [The future of religion in Europe: collection of articles], Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Maslin, M. A. (ed.) (2016), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy], INFRA-M, Moscow, Russia (in Russ.).

Maslin, M. A. (2016), “Russian philosophy as unity in diversity”, *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2, 9-48 (in Russ.).

Meiendorff, I., archpriest (1997), *Zhivoe predanie: Svidetelstvo Pravoslaviya v sovremennom mire* [Living Tradition: Evidence of Orthodoxy in the Modern World], Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Perevezentsev, S. *Simeon Polotsky* [Online], available at: <https://portal-slovo.ru/history/35573.php> (Accessed 03 May 2024) (in Russ.).

Perevezentsev, S. (2011), “‘Smart Doing’ by St. Nil of Sorsky”, *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 4, 63-72 (in Russ.).

Pitirim (Nechaev), metropolitan (2009), “The Church as the implementation of the Trinitarian Economy”, *Predanny sluzhitel Tserkvi. O tserkovnoy i obshchestvennoy deyatel'nosti mitropolita Pitirima (Nechaeva). Sbornik trudov i vospominaniy* [A devoted servant of the Church. On the church and social activities of Metropolitan Pitirim (Nechaev): collection of works and memoirs], Publishing House of the Moscow Patriarchate, Fond “Nasledie mitropolita Pitirima”, Moscow, Russia, 300-306 (in Russ.).

Saprykin, D. L. (2009), *Obrazovatelnyy potentsial Rossiiskoy imperii* [The educational potential of the Russian Empire], Publishing House of the Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology, RAS, Moscow, Russia (in Russ.).

Sazonov, D., archpriest, “Saint Demetrius of Rostov as a phenomenon of Russian holiness and enlightenment”, *Publikatsii Kostromskogo tserkovno-istoricheskogo obshchestva* [Publications of the Kostroma Church Historical Society], available at: <http://www.kocio.mrezha.ru/index.php/2010-09-02-15-23-30/176-2012-03-16-17-23-01> (Accessed 23 March 2024) (in Russ.).

Schmeman, A., archpriest. (2011), “Orthodox world: past and present”, *Sobranie statey, 1947-1983* [Collection of articles, 1947-1983], in Dorman, E. Yu. and Kyrlezhev, A. I. (eds), 2nd ed., Russky put, Moscow, Russia, 39-69 (in Russ.).

Semeniuk, A. P. (2008), “Orthodox tradition and exegesis in the understanding of Russian religious philosophy of the 19th-20th centuries”,

Tomsk State University Journal, 317, 55-59 (in Russ.).

Soloviev, V. S. (2006), “Theoretical philosophy”, *Antologiya realisticheskoy fenomenologii* [Anthology of realistic phenomenology], Atlas, D. and Kurennoy, V. (eds), Publishing house of the Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, Moscow, Russia, 95-104 (in Russ.).

Volkov, S. “The intellectual layer in Soviet society”, *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [Electronic library RoyalLib.com] [Online], available at: https://royallib.com/read/volkov_sergey/intellektualniy_sloy_v_sovetskom_obshchestve.html#0 (Accessed 23 May 2024) (in Russ.).

Zizioulas, I. (2013), “What it means to be a person: on the question of the ontology of personality”, *Bogoslovie lichnosti* [Theology of personality], in Bodrov, A. and Tolstoluzhenko, M. (eds), Publishing house of the Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, Moscow, Russia, 193-209 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Человенко Татьяна Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Юридический институт, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, Российская Федерация, 302026; chelovenko@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana G. Chelovenko, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Turgenev Orel State University, 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation; chelovenko@inbox.ru

УДК: 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-2

Лекус Е. Ю.

**Человек постсовременности в поисках священного
(культурно-антропологический ракурс)**

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная
академия им. А.Л. Штиглица,
Соляной пер., д. 13, г. Санкт-Петербург, 191028, Россия; lekus_elena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема дезориентации человека XXI столетия в пространстве культуры. Показано, что неопределенность является ключевой характеристикой современной социальной реальности. Применяя в исследовании культурно-антропологический подход, автор выдвигает гипотезу, что одной из главных причин сегодняшней утраты ориентиров стали трансформации представлений об экзистенциальных дихотомиях «трансцендентное/имманентное», «сакральное/профанное», «континуальное/дискретное», свидетельствующие о тектонических сдвигах, которые происходят в общественном и индивидуальном сознании. Автор анализирует причины и особенности этих преобразований на различных исторических этапах (классика, модернизм, постмодернизм) и рассматривает «оптимистический» и «пессимистический» сценарии в дальнейших поисках человеком сакрального и трансцендентного. Показаны альтернативные религиозной практике способы обретения трансцендентного опыта и переживания чувства священного, к которым прибегает современный индивид. Делается вывод о множественности форм сакрального в обществе XXI века, что, с одной стороны, свидетельствует о непрерывном процессе индивидуализации, а с другой, является подтверждением работы механизма самосохранения, отвечающего за сбережение человеческого в человеке.

Ключевые слова: человек; сакральное; трансцендентное; культура; культурно-антропологический подход; дезориентация; неопределенность; индивидуализация

Для цитирования: Лекус Е. Ю. Человек постсовременности в поисках священного (культурно-антропологический ракурс) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 19-32. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-2

E. Yu. Lekus

**Postmodern Man in Search of the Sacred
(cultural and anthropological perspective)**

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
13 Solyanoy Ln., Saint Petersburg, 191028, Russia; lekus_elena@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of disorientation of a 21st century person in the cultural space. It shows that uncertainty is a key feature of modern social reality. The author applies a cultural-anthropological approach to the study and puts forward a hypothesis about the preconditions for this phenomenon. The transformation of ideas about existential dichotomies such as "transcendent-immanent", "sacred-profane", "continuous-discrete" is one of the main reasons for today's disorientation. This, in turn, points to tectonic shifts in public and individual consciousness. The author analyses the causes and characteristics of these transformations at different historical stages (classical, modern, postmodern) and considers the "optimistic" and "pessimistic" scenarios in man's continuing search for the sacred and the transcendent. The article identifies "alternative" ways to religious practice to gain transcendental experience and a sense of the sacred that are used by the modern individual. On this basis, the author concludes that there are multiple forms of the sacred in the society of the 21st century, which on the one hand indicates a continuous process of individualisation, and on the other hand is a confirmation of the work of the self-preservation mechanism responsible for preserving the human in man.

Keywords: man; sacred; transcendental; culture; cultural and anthropological approach; disorientation; ambiguity; individualization

For citation: Lekus E. Yu. (2024), "Postmodern Man in Search of the Sacred (cultural and anthropological perspective)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 19-32, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-2

Постановка проблемы

Проект модернизма строился на принципиальном пересмотре или (более радикально) отказе от ценностей и идей традиционного («старого») мира, предлагая взамен новый образ реальности, общества, человека, культуры. В отличие от классики, постмодернизм снимает вопрос не только о разделении между «старым» и «новым», но и между всеми бинарными противопоставлениями, избегая однозначных ответов на экзистенциальные вопросы. В этом ключе уместно вспомнить ироничное высказывание А.Г. Дугина: «...парадигма Традиции утверждает в своем центре "Бога". Парадигма модерна утверждает "Нет, не Бог в центре, в

центре – человек"». А парадигма постмодерна говорит: "Нет, не человек, он умер, но и не Бог, он тоже умер, а что – мы точно не знаем, знаем лишь наверняка, что не Бог и не человек, они умерли"» (Дугин, 2023: 47-48).

Независимо от выбора термина для обозначения современного исторического этапа – будь то постмодернизм, поздний постмодернизм или любая другая дефиниция, взятая из многочисленных постпостмодернистских версий, – одной из его центральных характеристик остается состояние перманентной неопределенности, присущее практически всем сферам жизни. Осознается это состояние или же воспринимается

неосознанно, но, так или иначе, оно порождает чувства невнятной тревоги и уязвимости.

«Неопределенность, предельным выражением которой является хаос, – это свойство жизни, по отношению к которому большинство людей испытывают широкий спектр отрицательных эмоций от дискомфорта до паники и стараются ее в своей жизни минимизировать» (Леонтьев, 2018: 37).

Совершенно нейтральная, на первый взгляд, приставка «пост-», закрепившаяся за понятиями, ранее имевшими вполне определенное значение («человек» → «постчеловек», «общество» → «постобщество», «культура» → «посткультура», «история» → «постистория», «правда» → «постправда» и др.)¹, обозначает изменения, по своей сути столь же радикальные, как и перемены, произошедшие в модерне. Однако осмысление этих изменений требует сравнения «того, что было» с «тем, что стало». Именно здесь и возникает основное затруднение: определить «что стало» категорически невозможно, так как оно все еще продолжает *становиться*².

Для характеристики человека, живущего в непрерывно становящемся, то есть изменяющемся, непредсказуемом, а потому неопределенном мире, в

психологии используется понятие «синдром диссонанса современника», описывающее рассогласованность индивидуума со скоростью постоянных изменений действительности, из-за которой он оказывается «заложником акселерации бытия» (Асмолов, 2018: 78). Неопределенность проникает даже в мир повседневного, который всегда отличали стабильность и упорядоченность. В результате человек постсовременности попадает в ситуацию *дезориентации*, которую С.А. Смирнов объясняет тем, что сегодня отсутствуют базовые опоры в виде привычных культурных кодов, используемых в прошлые исторические периоды. «Принимаемые человеком классических эпох культурные нормы и образцы перестают быть таковыми. Тем самым, можно говорить об определенной расфокусировке взгляда, в результате чего современный человек потерял ориентиры – культурные, социальные, мыслительные, жизненные, экзистенциальные» (Смирнов, 2018: 94).

К анализу неопределенности можно подходить по-разному. В данной статье выбран культурно-антропологический ракурс, в котором одной из главных причин сегодняшней дезориентации видится трансформация представлений о

¹ По поводу приставки «пост-» Ж.-Ф. Лиотар пишет следующее: «Тебе должно быть ясно, что приставка “пост” в слове “постмодерн”, понятая подобным образом, обозначает не движение типа *come back*, *flash back*, *feed back*, т. е. движение повторения, но некий “ана-процесс”, процесс анализа, анамнеза, аналогии и анаморфозы, который перерабатывает нечто “первозабытое”» (Лиотар, 1994).

² Эта процессуальность и незавершенность в равной степени характерны как для сегодняшнего мира в целом (в самом широком понимании термина «мир»), так и для языка его описания. Рассуждая о теории постмодернизма, Ф. Джеймисон сравнивает ее с попыткой «измерить температуру эпохи без инструментов и в ситуации, когда мы даже не уверены, что остались еще такие вещи, как “эпоха”, “дух времени”, “система” или собственно “актуальная ситуация”» (Джеймисон, 2019: 60). Единого мнения по поводу того, что представляет собой постмодернизм, не существует, поскольку

каждый автор фактически выстраивает свою систему объяснений этого феномена/ парадигмы/ состояния/ языка/ ситуации/ проекта. «Ощущение невозможности общего смысла, постоянно подчеркиваемое постсовременной философией, нашло свое подтверждение в самых различных областях, в том числе и быть может в первую очередь, в суждениях о ней самой», – пишет В.В. Савчук (Савчук, 2010: 144). Кроме того, целый ряд исследователей вообще не рассматривает постмодернизм в качестве самостоятельного явления. Ситуация осложняется еще и тем, что с 1990-х годов появляются концепции, заявляющие о *конце постмодернизма* и предлагающие версии того, что идет ему на смену. Все эти многочисленные альтернативы объединены под зонтичным термином «постпостмодернизм» и проанализированы в фундаментальной работе А.В. Павлова (Павлов, 2019).

соотношении между элементами экзистенциальных дихотомий, задающих оси координат в культуре как месте обитания человека. Речь идет о таких дихотомиях, как «трансцендентное/имманентное», «сакральное/профанное», «континуальное/дискретное».

Изменения представлений о трансцендентном, священном, континуальном

О том, как и почему меняются представления человека о священном, трансцендентном, и о том, что обеспечивает «всеобщую онтическую связь всего со всем» (то есть о континуальном) (Пелипенко, Яковенко, 1998: 43), размышляют многие отечественные и зарубежные исследователи второй половины XX – XXI вв. (М. Элиаде, В. Франкл, Э. Фромм, Дж. Лэнди и М. Салер, Д. Агамбен, С.Н. Зенкин, С.С. Аванесов, Н.А. Хренов, Ю.В. Рыжов и др.).

В частности, механизмы таких преобразований подробно рассмотрены в основополагающем труде Ч. Тейлора «Секулярный век», где он исследует появление новых форм духовности, в условиях современности заменивших традиционные религиозные верования. Тейлор с оптимизмом оценивает нынешнее положение, полагая, что в секулярном обществе есть все предпосылки для духовного обновления человека, сохраняющего стремление к трансцендентному и сакральному (Тейлор, 2017).

С позиции культурно-антропологического подхода нелинейный характер изменений, которые происходят в современном мире, предполагает создание прогноза, учитывающего множество возможных направлений поиска человеком духовных оснований, а не только рассмотрение сценария, связанного с возвращением к традиционным религиозным ценностям в их институциональном понимании. В пользу этой точки зрения свидетельствует сама история, на протяжении которой представления о сакральном³, принадлежащем трансцендентной реальности⁴, изменялись и имели различные формы – мифологическую, религиозную, идеологическую. Так, священными объектами в процессе переживания трансцендентного опыта выступают, например, *природа, мировая душа, Бог (или боги)* (в традиционном мире), *идея*, на которой строится идеология, власть или ее представитель (в модернизме), вполне «земные» объекты (в постмодернизме).

В процессе секуляризации, начавшейся в Новое время, действие законов, регулирующих мировой порядок, и их объяснение постепенно переместились в сферу социального. В конце XIX – первой половине XX века на передний план вышли преемники религии – *большие идеологии*⁵, а также их противоположность – «эксклюзивный гуманизм». Как отмечает Ч. Тейлор, для такой формы гуманизма характерно замыкание человека в своем «плоском» мире и постановка акцента на эмпирическом знании, что сужает его

³ В соответствии с антропологическим подходом, священными являются вещи, обладающие высшей ценностью для человека или социальной группы (Дюркгейм, 2018; Рыжов, 2006; Зенкин, 2012). Представления о вещах, имеющих значение сверхценности, меняются на протяжении истории, что позволяет говорить об изменении форм проявления сакрального (феноменах) при сохранении самого понятия «священное» (как ноумена).

⁴ Под трансцендентным понимается та сфера, которая лежит за границей эмпирического знания. К ней принадлежат «пустые понятия», такие как бог, душа, истина и др. (Мамардашвили, 2019: 26), она содержит «весь космос возможных культурных смыслов» (Пелипенко, Яковенко, 1998: 39).

⁵ Ряд исследователей рассматривает идеологию как квазирелигию (Тиллих, 1995), секулярную религию (Wach, 1988) или десакрализованную религию (Nye, 1994).

восприятие и понимание им экзистенциальных вопросов (Тейлор, 2017: 35). Во второй половине прошлого столетия эта антропоцентристская линия привела к появлению такого феномена, как «экспрессивный индивидуализм» (Тейлор, 2017: 381-382), тогда как большие идеологии сошли на нет за исключением ряда стран (Китай, Северной Кореи, Вьетнама, Кубы).

Религия, без сомнения, продолжает играть важную роль в современном обществе. Кроме того, на протяжении XX и XXI веков мы продолжаем наблюдать дискуссии и конфликты, корни которых лежат именно в религиозно-политической сфере (Кудряшова, 2002: 66-77). Тем не менее, усиление секуляризации позволяет считать ее доминирующей тенденцией в значительной части современного мирового сообщества: «Пропорции веры меньше, а пропорции неверия – шире, чем когда-либо раньше» (Тейлор, 2017: 543).

Экзистенциальные дихотомии

Человеку свойственны поиск внутренних оснований и смысла своей жизни, стремление к пониманию того, как устроен мир и какое место он в нем занимает. Эти потребности Э. Фромм определяет как экзистенциальные, жизненно важные для самоосуществления личности (Фромм, 1990). В кризисные моменты даже убежденный скептик обращается за поддержкой к той запредельной силе, которая становится для него единственной надеждой на спасительный исход.

Схожей точки зрения придерживается В. Франкл, который рассматривает самотрансценденцию как проявление «духовного бессознательного»: «Человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим <...> В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя» (Франкл, 1990: 30).

Иными словами, трансцендентное, сакральное и континуальное как

важнейшие социокультурные конструкты неизменно являлись и остаются основополагающей частью общечеловеческого опыта. На протяжении всей истории они в сочетании с имманентным, профанным и дискретным сохраняются в качестве экзистенциалов, без которых немислимо существование человека.

На неразрывную связь этих противоположных и обуславливающих друг друга начал, которые задают диалектику человеческого бытия, указывает Р. Кайуа: «Два мира – мир сакрального и мир профанного – строго говоря, могут быть определены лишь один через другой. Они взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга. Напрасно пытаться свести их оппозицию к какой-либо другой: она предстает поистине как непосредственная данность сознания» (Кайуа, 2003: 151). Это замечание справедливо и в отношении двух других дихотомий:

«трансцендентное/имманентное» и «континуальное/дискретное». И.Т. Касавин напоминает, что данные полюса создают два измерения в культуре: человеческая жизнь протекает в их неослабевающем противостоянии и зависит от того, к какому из них в тот или иной момент приближается человек (Касавин, 2010: 9). Представления об этих полюсах и характере отношений между ними исторически менялись, так как менялся человек и его представления о самом себе и об окружающем его мире.

Так, в европейском обществе модерна, которое объявляет себя секулярным, на место изгнанного Бога ставится человек. Это человек, представляющий собой «еще не установившийся животный тип», который имеет шанс стать сверхчеловеком (Ницше, 1997); это интеллектуально развитый культурный человек («Я»), способный взять под контроль разума свое бессознательное и обуревающие его инстинкты (Фрейд, 1991); это наделенный «несчастливым сознанием» человек, который

всем своим естеством ощущает экзистенциальное одиночество от «заброшенности в мир» (Сартр, 2000); это человек, слышащий в себе «экзистенциальный зов» (Ясперс, 2012). В отечественной трактовке советского периода место священного занимает человек, включенный в процесс социального творчества и обретающий статус творца истории (Булавка-Бузгалина, 2020: 68).

Индивид, стоящий посреди модернистского мира, содержит в себе целый комплекс противоречий, но вместе с тем и потенциал их разрешения. Так, благодаря личной свободе выбора и вере в собственные возможности создания лучшей действительности, он может уступить свое центральное место идее, являющейся для него священной – идее прогресса и либерализма, трудового подвига и свободы, эмансипации и культурной революции и т. д.

Поиск «небожественного сакрального» (С.Н. Зенкин) продолжился во второй половине XX века, но уже в принципиально иных условиях. В отличие от всех предыдущих исторических периодов в центре постмодернистского мира не существует того, что могло бы выступить в качестве *всеобщей священной ценности*. Для этого есть несколько причин: 1) отсутствует сам *центр*, ему на смену пришла полицентричность, 2) отсутствует само *всеобщее* как таковое, 3) число ценностей настолько велико, что не представляется возможным определить, какая из них может быть поставлена на вершину иерархии. По этому поводу Ж. Деррида заметил: «Ни одно слово, никакой концепт, никакой важный тезис не претендуют на подытожение и организацию, исходя из теологического присутствия центра» (Деррида, 2007: 23).

Сакральное и трансцендентное в XXI веке

Сегодняшний полицентризм предполагает сосуществование множества путей к сакральному знанию. Эта особенность рассматривается некоторыми исследователями (Ю. Хабермасом, М. Розатти, Дж. Милбанком, Д. Узланером и др.) в качестве подтверждения начавшегося процесса постсекуляризации современного мира и поиска «альтернативных» способов обретения трансцендентного опыта и переживания чувства священного. Рассмотрим основные из них.

Подсознательный Бог⁶, или Неведомый Бог (Ignoto Deo)

Человек признает существование некоего начала (трансцендентного мира, высших сил, мирового разума и т. д.), которое, не обладая конкретной формой, превосходит человека и управляет миром и его законами. Так, проводя параллели между «Трансценденцией» К. Ясперса и «Бытием» М. Хайдеггера, Е.В. Золотухина-Аболина называет их формами богоискательства, возникшими в поисках «иногo сакрального», отличного от его религиозного понимания, – священного без Бога-личности (Золотухина-Аболина, 2017: 86-87). Данная тенденция проявилась в XIX веке и сохранила свою актуальность сегодня – как в гуманитаристике, так и в обыденных взглядах и убеждениях людей. Как отмечает Ю.В. Рыжов, современный человек находит священное «не в старых церквях, а на улицах мегаполисов и в толчее супермаркетов, в шуме дискотек и на страницах гламурных журналов, на экране телевизора и в сети Интернет» (Рыжов, 2006). Эту цитату можно было бы отнести и к характеристике современного западноевропейского мира, в котором наблюдается профанизация сакрального, но в данном случае Рыжов говорит о

⁶ Подсознательным богом В. Франкл называет персонализированную совесть: «За “Сверх-Я” человека стоит не “Я” сверхчеловека, – говорит

Франкл. – Скорее, за совестью стоит “Ты” Бога» (Франкл, 2022: 9).

возможности трансценденции к земным вещам, поскольку священное скрыто в самой действительности, окружающей человека.

Трансцендентное и сакральное в эстетическом

Такой подход к переживанию трансцендентного опыта и поиску священного может быть рассмотрен на примере одной из концепций постпостмодернизма – перформатизме. В данном случае соприкосновение с высшей реальностью происходит в процессе переживания эстетического опыта, заставляя вспомнить о «сверхчувственной способности» И. Канта. Искусство в перформатизме (будь то отдельное произведение или целая выставка) через форму (*per formam*) создает «целостное, замкнутое пространство, в рамках которого возможно возникновение положительных идентификаций, влекущих за собой такие позитивные эмоции, как любовь, вера, смирение, доверие, искренность, ощущение трансцендентности и др.» (Эшельман, 2021: 4). Творец термина «перформатизм» Р. Эшельман пишет о том, что такой опыт не является религиозной или культовой практикой и не имеет отношения к другим видам коллективного действия, поскольку он связан с персонализированным переживанием трансцендентного «в свободной эстетической сфере» (Эшельман, 2021: 19).

Трансцендентное и сакральное в новой мифологии

Новые мифы, которые, воспользовавшись терминологией М. Элиаде, можно назвать «неподлинными мифами», представляют собой конструкты, создаваемые для разного рода манипуляций общественным сознанием. Они искусственно конструируются в разных сферах – в культуре и науке, в политике и экономике. Такие псевдомифы имеют тождество и различия с традиционными мифами. Например, для неподлинного мифа характерны технологическая «сделанность» и прагматизм, тогда как

традиционный миф «стремится выйти наружу, пытается раскрыть свое содержание, чтобы, превратившись в повествование, выразить отношение человека к предельным основаниям собственного бытия» (Гонсалес, 2006: 27). Псевдомифологические конструкты, создаваемые в условиях полистилистической культуры, множественны и временны (а, следовательно, не всеобщи) в отличие от укорененных архаических мифов, формирующих мировоззренческую систему.

Однако и те и другие имеют свои символические формы проявления, которые признаются социальной группой в качестве высшей ценности. Помимо этого, неподлинные мифы, как и традиционные, ориентированы на глубинные слои бессознательного, на хранящиеся в нем архетипы.

Трансцендентное и сакральное в эзотерике, мистике и оккультизме

Эта тенденция объединяет множество альтернативных версий переживания сакрального и приобщения к трансцендентному посредством нетрадиционной науки, искусства, терапии и т. д. (Wallis, 2019; Крутоус, 2000; Эпштейн, 2005; Торчинов, 2000). Существуют различные причины, по которым люди прибегают к такого рода практикам: при помощи измененного состояния сознания или обращения к сверхъестественному человек надеется обрести истину и просветление, получить ответы на волнующие его жизненно важные вопросы, найти объект поклонения, чтобы унять «экзистенциальный зов» и укрепить основания собственной жизни.

Сакрализация профанного и профанизация сакрального

Этот феномен, характерный для доминирующей сегодня парадигмы, подтверждает тот факт, что процессы сакрализации и десакрализации (профанизации), определяющие чередование культурно-исторических

моделей, в современных условиях происходят нелинейно, непредсказуемо и очень быстро. Так, на фоне продолжающегося «расколдовывания мира» (М. Вебер), в ходе которого человек рискует потерять веру в какие-либо ценности вообще, наделяются статусом священного объекты массовой культуры и банальные вещи из мира повседневного, активно продвигаемые разными медиа в обществе массового потребления. «Доминирующая в Постмодерне идеология потребления сакрализует само потребление как единственный способ достижения счастья» (Мусин, 2015: 127).

Индивидуализированное сакральное

Эта тенденция, в общем-то, объединяет многие характеристики, уже рассмотренные выше. Тем не менее она заслуживает отдельного внимания, поскольку позволяет зафиксировать два параллельных процесса, разворачивающихся из одной точки.

1) Использование множества отдельных фрагментов разных духовных учений, убеждений, этических норм для создания персональной «веры». «Личности, субъекту, в ходе опыта сакрального в эпоху постмодерна соответствует даже не единое, пусть и индивидуальное, оторванное от традиции (как в модерне), сакральное пространство, а бесконечное множество ответвлений дискретных сакральных пространств, в которых проявляется непрерывный процесс сакрализации» (Савкина, 2012: 149). В ходе такой деконструкции сакральное утрачивает значение Центра как источника высшей – священной для человека – силы, на его месте возникает ризоматическая структура, которая отражает состояние современного социума. Таким образом, система

ценностей становится нестабильной, поскольку и входящие в нее элементы, и связи между ними начинают зависеть от множества социокультурных факторов, под влияние которых попадает индивид. Продолжая мысль Л. Фейербаха, утверждавшего, что человек сотворил бога по своему образу и подобию (Фейербах, 1955: 701), можно сказать, что нынешний плюралистичный характер сакрального есть проявление процессов, происходящих в современном обществе и внутреннем мире личности.

2) Поиск и присоединение человека к мини-сообществам, члены которых разделяют его собственные верования, представления и ценности. Данная практика свидетельствует о непрекращающейся индивидуализации современных индивида и общества⁷, и в то же время подтверждает завершенность «дисциплинарного мира»⁸, вместо которого формируется новый тип социальности, отличающийся высокой подвижностью и многообразием.

Подводя итог этого краткого обзора направлений, по которым происходит поиск сакрального в XXI столетии, можно сделать вывод, что в современном социальном пространстве сосуществуют разные представления о священном и его проявлениях, включая традиционные формы трансцендентного и сакрального опыта.

Анализируя место сакрального в современном мире, Г.В. Луговский отмечает, что «история, рассмотренная с точки зрения сакрального, есть линейный процесс переструктуризации “духа” – распадение культур, измельчания масштабов сакрального, уход его во все более малые социальные образования

⁷ В трудах социологов З. Баумана и У. Бека индивидуализация рассматривается как «освобождение от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье», обретение «индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями» (Бек, 2000: 106), а также как избавление человека «от

предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли» (Бауман, 2005: 181).

⁸ Подробно см. работу Ж. Липовецки «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» (Липовецки, 2001).

вплоть до атомизации» (Луговский, 2015: 57). При этом то, что возникает в ходе этого последовательного процесса, обладает противоположной характеристикой – нелинейностью.

«Оптимистический» и «пессимистический» сценарии

Можно ли рассматривать распыление, умножение или даже атомизацию сакрального как признак кризиса современного общества, как проявление обесценивания священного, которое может привести к антропологической катастрофе? В этом вопросе мнения исследователей разделяются и порой противоречат друг другу. В частности, К. Хьюбнер пишет о том, что непрерывно набирающее обороты научно-технологическое освоение мира «создает вместе с тем гнетущее впечатление пустоты и недостатка чего-то. В будущем видится почти неудержимое технологическое развитие, которое может привести, в конце концов, к самоуничтожению человека. Поэтому многие впадают в мифоподобные эрзац-религии, священные учения или политические доктрины, от которых ждут освобождения» (Хьюбнер, 1996: 3). Другой исследователь – М. Кинг оценивает нынешнюю ситуацию с противоположной позиции: с его точки зрения, сегодня мы являемся свидетелями завершения эпохи «гегемонии секуляризма как антирелигиозной идеологии» и начала новой *эры духовности*, в которой вера и разум, наука и религия объединяются на благо раскрытия и укрепления человеческого в человеке (Добреньков, 2012: 8).

Приведенные примеры весьма показательны, поскольку демонстрируют наличие как минимум двух существующих на сегодня сценариев дальнейшего развития событий – «оптимистического» и «пессимистического», которые озвучиваются в исследовательских прогнозах. Любопытно, что практически все авторы, независимо от того, какой

позиции они придерживаются, обращают внимание на неопределенность сегодняшней ситуации: «Подавляющее большинство, практически все, во что-то немножко вроде бы и верят, но вроде бы и не верят, торжество мировоззренческой неопределенности» (Каарияйнен, Фурман, 2000: 42). Из чего напрашивается вывод/предположение: возможно, современный период – это переходный этап к принципиально иной стабильности, в которой неопределенность является константой сложного мира? Но тогда человеку придется усложниться самому и научиться жить, выстраивать навигацию и заново создавать ориентиры в условиях непрерывно меняющейся действительности.

Анализ экзистенциальных процессов, связанных с трансформацией представлений о трансцендентном и священном в XXI столетии, а также стохастическое «дробление континуума на отдельные элементы» (Пелипенко, Яковенко, 1998: 43), отличающее мировосприятие современного человека, убеждают в беспрецедентности масштаба и глубины изменений, затрагивающих культуру, общество и каждого его представителя.

Заключение

Изменения в экзистенциальных дихотомиях являются одновременно и показателем, и катализатором фундаментальных социокультурных сдвигов, которые происходят в современном мире. В условиях нарастающей индивидуализации утрачивают свою силу общие ценностные нарративы, что влечет за собой фрагментацию социальных и культурных связей, дробление личной и групповой идентичностей. Так внутри дихотомии «*трансцендентное/имманентное*» происходит постепенное замещение всеобщих значимых смыслов на индивидуальные переживания. С одной стороны, это открывает возможности для

усиления саморефлексии, а с другой, способствует замыканию человека в самом себе, закрывает для него перспективу движения и приобщения к тому, что является чем-то большим, заставляющим выходить индивида за пределы самого себя и «выращивать» себя как личность.

Расширение смыслов, вкладываемых в понятие «священное», а также смещение акцентов в диалектической паре «сакральное/профанное» являются показателем свободы выбора в том, что конкретный человек считает для себя сверхценным, но в то же время ведет к распылению, дискретности сакрального, что способствует еще большей социальной дезинтеграции и затрудняет поиск глубинных оснований жизни.

В свою очередь, сегодняшняя цифровизация мира и колоссальные объемы информации, с которыми ежедневно сталкивается человек, меняют отношение внутри дихотомии «континуальное/дискретное»: восприятие и мышление становятся дробными, клиповыми. Сегодня мы имеем доступ к колоссальным объемам данных, но при этом испытываем большие сложности в их систематизации, а следовательно, и в построении целостного образа реальности.

Поскольку эти дихотомии определяют координатные оси в культурном, социальном, личностном пространстве-времени, то изменения, происходящие с ними и внутри них, становятся одними из ключевых факторов, способствующих сегодняшней дезориентации. Это проявляется на различных уровнях – от неопределенности в личной и коллективной идентичности до неуверенности и страха перед будущим как отдельного человека, так и всего человечества.

В ходе тысячелетней борьбы за независимость, которую вел человек с фатумом, Богом, природой, официальной идеологией (с тем, что находится по ту сторону повседневного), сегодня он оказался на том рубеже, где диалог с

Великим Другим оказывается почти невозможен. Однако и внутренний монолог не способен дать ему удовлетворительных ответов, поскольку в них находят отражение его собственные мысли и сомнения.

Таким образом, стремясь отстоять право на свободу и индивидуальность, современный человек вновь оказывается перед необходимостью искать трансцендентное и сакральное в качестве «противовесов» своему земному существованию. «Человек XX в. кажется то бесконечно далеким от религии, то стоящим на пороге обретения новой веры. Побывав на самом дне ужасающей бездны безверия, экзистенциального страха и покинутости, он снова вызывает *de profundis* – из глубины своего переполненного отчаянием сердца вызывает к вечности» (Сурова, 2001).

Насколько успешными окажутся реализуемые в наше время поиски сакрального и удастся ли человеку в принципе сохранить связь с трансцендентным? На эти вопросы пока рано давать ответы, однако осуществляемые попытки лишь подтверждают, что механизм самосохранения, отвечающий за сбережение человеческого в человеке, все еще находится в действии.

Литература

- Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / под общ. ред. А. Асмолова. М.: ЯСК, 2018. С. 76-100.
- Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Булавка-Бузгалина, Л.А. Становление субъекта истории: противоречия

разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 5. С. 66-80.

Гонсалес, М.А. Что такое миф? / пер. с исп. М.А. Малышева // Дискурс Пи. 2006. № 6. С. 26-29.

Деррида, Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Библихина. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.

Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.

Добреньков, В.И. Христианская и православная социология // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 3-24.

Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Академический проект, 2023. 503 с.

Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.

Зенкин, С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012. 537 с.

Золотухина-Аболина, Е.В. Новые-старые пути сакрального // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2017. Т. 3 (1). С. 82-88.

Каарияйнен, К., Фурман, Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. проф. К. Каарияйнена и проф. Д.Е. Фурмана. СПб.: М: Летний сад, 2000. С. 7-48.

Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. М.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

Касавин, И.Т. Повседневность: сакральное и профанное // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 6-13.

Крутоус, В.П. Новоязычество в современной культуре // Свободная мысль. 2000. № 7. С. 78-89.

Кудряшова, И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 66-77 [Электронный ресурс]. URL:

<https://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.06> (дата обращения: 15.10.2024).

Леонтьев, Д.А. Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А. Асмолова. М.: ЯСК, 2018. С. 29-39.

Лиотар, Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост». После времени: французские философы постсовременности / пер. с фр. А.В. Гараджи [Электронный ресурс]. URL: https://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (дата обращения: 05.11.2024)

Липовецки, Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

Луговский, Г.В. О природе сакрального. К истокам духовного опыта. М.: Издательские решения, 2015. 170 с.

Мамардашвили, М.К. Введение в философию. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. 656 с.

Мусин, М.З. Сакрализация и профанизация в развитии культуры // Вестник социально-политических наук. 2015. № 14. С. 122-127.

Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / пер. Ю.М. Антоновского // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: РИПОЛ-Классик, 1997. С. 5-170.

Павлов, А.В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019. 560 с.

Пелипенко, А.А., Яковенко, И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.

Рыжов, Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006. 328 с.

Савкина, А.В. Сакральное в постсекулярном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17). Ч. II. С. 148-150.

Савчук, В.В. Метафора поворота в философии // Философские науки. 2010. № 10. С. 135-150.

Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

Смирнов, С.А. Проблема ориентирования и навигации личности в

антропологии: методологическая рамка // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 93-101.

Суrowa, О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: Учебное пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С. 221-291 [Электронный ресурс]. URL: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Surowa.htm. (дата обращения: 24.11.2023).

Тейлор, Ч. Секулярный век / пер. с англ.; под ред. А. Бодрова. М.: ББИ, 2017. 967 с.

Тиллих, П. Избранное: Теология культуры / пер. с англ. М.: Юрист, 1995. 479 с.

Торчинов, Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.

Фейербах, Л. Избранные философские сочинения: В 2 т. Т. II / под общ. ред. М.М. Григоряна. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 942 с.

Франкл, В. Подсознательный бог: Психотерапия и религия / пер. с нем. Т.В. Куличенко, Д.А. Леонтьев. М.: Альпина, 2022. 218 с.

Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс. 1990. 368 с.

Фромм, Э. Бегство от свободы / пер. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2017. 288 с.

Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М.: Наука, 1991. 456 с.

Хюбнер, К. Истина мифа / пер. с нем. И.Т. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.

Эпштейн, М.Н. Новое сектанство. Самара: БАХРАХ-М, 2005. 256 с.

Эшельман, Р. Перформатизм как преодоление постмодерна // Логос. 2021. № 31 (6). С. 1-34. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-6-1-31

Ясперс, К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Канон+, Реабилитация, 2012. 448 с.

Nye, D.E. American Technological Sublime. Cambridge; London: The MIT Press, 1994. 362 p.

Wach, J. Sociology of religion // Essays in the History of religions / ed. by J.M. Kitagawa and

G.D. Alles. N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1988. Pp. 81-113.

Wallis, R. The Elementary Forms of the New Religious Life. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. 156 p.

References

Asmolov, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M. (2018), "Pre-adaptation to uncertainty as a strategy for navigation of developing systems: evolution routes", *Mobilis in mobili: lichnost v epokhu peremen* [Mobilis in mobili: personality in an era of change], in Asmolov, A. (ed.), YASK, Moscow, Russia, 76-100 (in Russ.).

Bauman, Z. (2005), *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Transl. in Inozemtsev, V. L. (ed.), Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Beck, W. (2000), *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards Another Modernity], Transl. by Sedelnik, V., Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bulavka-Buzgalina, L. A. (2020), "Formation of the Subject of History: Contradictions of Alienation", *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 5, 66-80 (in Russ.).

Caillois, R. (2003), *Mifi chelovek. Chelovek i sakralnoe* [Le Mythe et l'Homme. L'homme et le Sacré], Transl. by Zenkin, M. N., United Humanitarian Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Derrida, J. (2007), *Pozitsii* [Positions], Transl. by Bibikhina, V. V., Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Dobrenkov, V. I. (2012), "Christian and Orthodox Sociology", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2, 3-24 (in Russ.).

Dugin, A. G. (2023), *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Post-philosophy. Three paradigms in the history of thought], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Durkheim, E. (2018), *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Les Formes Élémentaires de la Vie Religieuse: Le Système Totémique en Australie], Transl. by Apollonov, A. and Kotelnikova, T., Publishing house "Delo" of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (in Russ.).

Epstein, M. N. (2005), *Novoe sektantstvo* [New sectarianism], BAKHRAKH-M, Samara, Russia (in Russ.).

Eshelman, R. (2021), "Performatism as Overcoming Postmodernism", *Logos*, 31 (6), 1-34. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-6-1-31 (in Russ.).

Feuerbach, L. (1955), *Izbrannye filosofskie sochineniya: V 2 t. T. II* [Selected philosophical works in 2 vols. Vol. II], in Grigoryan, M. M. (ed.), State Publishing House of Political Literature, Moscow, Russia (in Russ.).

Frankl, V. (2022), *Podsoznatelny bog: Psikhoterapiya i religiya* [The unconscious God : psychotherapy and theology], Transl. by Kulichenko, T. V. and Leontiev, D. A., Al'pina, Moscow, Russia (in Russ.).

Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik* [Man's Search For Meaning], Transl. in Gozman, L. Ya. and Leontiev, D. A. (ed.), Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Freud, S. (1991), *Vvedenie v psikhoanaliz: Lektsii* [Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse Und Neue Folg] [Introduction to Psychoanalysis: Lectures], Transl. by Baryshnikova, G. V., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Fromm, E. (2017), *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom], Transl. by Alexandrova, A. V., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Huebner, K. (1996), *Istina mifa* [The Truth of Myth], Transl. by Kasavin, I., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Gonzalez, M. A. (2006), "What is a myth?", Transl. by Malyshev, M. A., *Discourse-P*, 6, 26-29 (in Russ.).

Jameson, F. (2019), *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism], Transl. by Kralechkin, D., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Jaspers, K. (2012), *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book II. Enlightenment of Existence], Transl. by Sudakov, A. K., Canon+, Reabilitatsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Kaariainen, K. and Furman, D. (2000), "Religiosity in Russia in the 90s", *Starye tserkvi, novye veruyushchie: religiya v massovom soznanii postsovetsoy Rossii* [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia], in PhD Kaariainen, K. and

PhD Furman, D. (eds), *Letniy sad*, Saint Petersburg, Moscow, Russia, 7-48 (in Russ.).

Kasavin, I. T. (2010), "Everyday life: sacred and profane", *World of the Russian Word*, 2, 6-13 (in Russ.).

Krutous, V. P. (2000), "Neo-paganism in modern culture", *Svobodnaya mysl* [Free thought], 7, 78-89 (in Russ.).

Kudryashova, I. V. (2002), "Fundamentalism in the space of the modern world", *Polis. Political Studies*, 1, 66-77 [Online], available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.06> (Accessed 15 October 2024) (in Russ.).

Leontiev, D. A. (2018), "Life on the Waves of Chaos: Lessons from Prigogine and Taleb", *Mobilis in mobili: lichnost v epokhu peremen* [Mobilis in mobili: personality in an era of change], in Asmolov, A. (ed.), YASK, Moscow, Russia, 29-39 (in Russ.).

Lyotard, J.-F. (1994), *Zametka o smyslakh "post". Posle vremeni: frantsuzskiye filosofy postsovremennosti* [Note on the meanings of "post". After time: French philosophers of postmodernity], Transl. by Garadzh, A. V. [Online], available at: https://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (Accessed 5 November 2024) (in Russ.).

Lipovetsky, G. (2001), *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [L'Ere du Vide. Essais sur l'Individualisme Contemporain], Transl. by Kuznetsov, V. V., Vladimir Dal, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Lugovskiy, G. V. (2015), *O prirode sakralnogo. K istokam dukhovnogo opyta* [On the nature of the sacred. To the origins of spiritual experience], Izdatelskiye resheniya, Moscow, Russia (in Russ.).

Mamardashvili, M. K. (2019), *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy], Publishing house of the Merab Mamardashvili Foundation, Moscow, Russia (in Russ.).

Musin, M. Z. (2015), "Sacralization and profanation in the development of culture", *Vestnik social'no-politicheskikh nauk* [Bulletin of Socio-Political Sciences], 14, 122-127 (in Russ.).

Nietzsche, F. (1997), "Thus Spoke Zarathustra", *Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Transl. by Antonovsky, Yu. M., RIPOL-Klassik, Moscow, Russia, 5-170 (in Russ.).

Nye, D. E. (1994), *American Technological Sublime*, The MIT Press, Cambridge, Mass., London.

Pavlov, A. V. (2019), *Postpostmodernizm. Kak sotsialnaya i kulturnaya teorii obyasnayut nashe vremya* [Postpostmodernism. How social and cultural theories explain our time], Delo, Moscow, Russia (in Russ.).

Pelipenko, A. A. and Yakovenko, I. G. (1998), *Kultura kak sistema* [Culture as a system], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Ryzhov, Yu. V. (2006), *Ignoto Deo: Novaya religioznost v kulture i iskusstve* [Ignoto Deo: New Religiosity in Culture and Art], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Sartre, J.-P. (2000), *Bytiye i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique] [Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology], Transl. by Kolyadko, V. I., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Savchuk, V. V. (2010), "Metaphor of a Turn in Philosophy", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 10, 135-150 (in Russ.).

Savkina, A. V. (2012), "The Sacred in a Post-Secular Society", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 3 ((17) II), 148-150 (in Russ.).

Smirnov, S. A. (2018), "The problem of orientation and navigation of the individual in anthropology: a methodological framework", *Cultural-Historical Psychology*, 14 (2), 93-101 (in Russ.).

Surova, O. Yu. (2001), "Man in modernist culture", *Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000: Uchebnoe posobie* [Foreign Literature of the Second Millennium. 1000–2000: A Textbook], in Andreev, L. G. (ed.), Vysshaya shkola, Moscow, Russia, 221-291 [Online], available at: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Surova.htm (Accessed 3 November 2024) (in Russ.).

Taylor, Ch. (2017), *Sekulyarniy vek* [A Secular Age], in Bodrov, A. (ed.), Publishing House of Biblical-Theological Institute of St. Apostle Andrew, Moscow, Russia (in Russ.).

Tillich, P. (1995), *Izbrannoe: Teologiya kultury* [Favorites: Theology of Culture], Transl. by a group of authors, Yurist, Moscow, Russia (in Russ.).

Torchinov, E. A. (1998), *Religii mira: opyt zapredelnogo. Psikhotehnika i transpersonalnye sostoyaniya* [Religions of the world: experience of the beyond. Psychotechnics and transpersonal states], Publishing house of the Center "Petersburg Oriental Studies", Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Wach, J. (1988), "Sociology of religion", *Essays in the History of religions*, in Kitagawa, J. M. and Alles, G. D. (eds), Macmillan Publishing Company, New York, 81-113.

Wallis, R. (2019), *The Elementary Forms of the New Religious Life*, Routledge, Taylor & Francis Group, London & New York.

Zenkin, S. N. (2012), *Nebozhestvennoe sakralnoe: Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [The Undivine Sacred: Theory and Artistic Practice], Publishing house of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (in Russ.).

Zolotukhina-Abolina, E. V. (2017), "New-old ways of the sacred", *Yuzhny polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii*, 3 (1), 82-88 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лекус Елена Юрьевна, кандидат культурологии, доцент Центра инновационных образовательных проектов, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Соляной пер., д. 13, Санкт-Петербург, 191028, Россия; lekus_elena@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elena Yu. Lekus, PhD in Culturology, Associate Professor of Centre for Innovative Educational Projects, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, 13 Solyanoy Ln., Saint Petersburg, 191028, Russia; lekus_elena@mail.ru

УДК 159.923.32

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-3

Баринов Н. Н. | **Возможность апокатастасиса: к платоновским истокам
дихотомичности мысли святителя Григория Нисского**

Приход храма в честь святых Царственных страстотерпцев г. Рязани Рязанской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат),
Московское ш., д. 65 Б, г. Рязань, 390020, Россия; o.nikolaos@yandex.ru

Аннотация. По поводу проблемы апокатастасиса в трудах святителя Григория Нисского со времен средневековья существует множество теорий. Их авторы в основном рассматривали с разных позиций саму идею «всеобщего восстановления», практически не затрагивая противоположных мыслей в трудах святителя Григория, а они имеют место и требуют специального анализа. Кроме того, практически не было исследований, рассматривающих развитие противоположных идей в его работах в течение жизни. Частично рассмотрение проводилось с позиции антропологии, в определенной степени проблема антиномичности рассмотрена в книге автора данной статьи (2017), но в ней не исследованы античные источники. Поэтому в настоящей работе изучается укорененность проблемы в древнегреческой философии, а именно у Платона, и в этом состоит ее научная новизна. Предметом исследования, таким образом, является эволюция дуализма мыслей в трудах святителя Григория Нисского, берущая начало в древнегреческой философии Платона. Как показало исследование, дихотомия Платона связана с апорией между традиционными представлениями древних греков об Аиде, где бесконечно томятся души усопших, и разработанной самим Платоном космологической системой. Противоположные мысли и у Платона, и у святителя Григория Нисского обнаружены также в аспекте утверждения разумно-свободных личностей как в добре, так и во зле. Первый тезис подтверждает гипотезу всеобщего апокатастасиса, второй – опровергает. Возможно, данный дуализм мыслей был унаследован Нисским пастырем у Платона. Помимо этого, в работе показаны следы происхождения из платоновской философии идей Оригена о круглой форме тел небесных жителей, о звездах как живых существах, о предсуществовании душ. Космологическая система Платона, изложенная им в «Тимее», идентифицирована здесь как одна из разновидностей концепции всеобщего апокатастасиса.

Ключевые слова: апокатастасис; Григорий Нисский; Платон; переселение душ; утверждение во зле; вечные муки

Для цитирования: Баринов Н. Н. Возможность апокатастасиса: к платоновским истокам дихотомичности мысли святителя Григория Нисского // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 33-39. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-3

N. N. Barinov

**Plato's Origins of the Dichotomies of St. Gregory of Nyssa
in his Views on the Problems of Apokatastasis**

Orthodox Parish of the Church in honor of the Holy Royal Passion-Bearers of Ryazan,
Ryazan Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate),
65 B Moskovskoe Hgw., Ryazan, 390020, Russia; o.nikolaos@yandex.ru

Abstract. Since the Middle Ages, there have been many theories on the problem of apocatastasis in the works of St Gregory of Nyssa. However, their authors have mainly considered the idea of "all restoration" from different positions, practically without touching the opposing thoughts in the works of Saint Gregory, but they exist and require special analysis. Moreover, there have been practically no studies that have examined the development of opposing thoughts in his works during his lifetime. Partly, the reflection has been carried out from the position of anthropology, to a certain extent the problem of antinomy is considered in the book of the author of this article (2017), but it does not examine ancient sources. Therefore, this work investigates the roots of the problem in ancient Greek philosophy, namely in Plato, and this is its scientific novelty. The subject of the study is therefore the development of the dualism of thought in the works of Saint Gregory of Nyssa, which has its origin in the ancient Greek philosophy of Plato. As the study has shown, Plato's dichotomy is linked to the aporia between the traditional ideas of the ancient Greeks about Hades, where the souls of the dead languish endlessly, and the cosmological system developed by Plato himself. In Plato and St Gregory of Nyssa we also find opposing views on the affirmation of rationally free individuals, both in good and in evil. The first thesis confirms the hypothesis of universal apocatastasis, the second refutes it. Perhaps the Shepherd of Nyssa inherited this dualism of thought from Plato. In addition, the work shows traces of the origin of Origen's ideas about the round shape of the bodies of the heavenly dwellers, about the stars as living beings, about the pre-existence of souls from Platonic philosophy. Plato's cosmological system, as presented in the "Timaeus", is identified here as one of the variants of the concept of universal apocatastasis.

Keywords: apocatastasis; Gregory of Nyssa; Plato; transmigration of souls; confirmation in evil; eternal torment

For citation: Barinov N. N. (2024), "Plato's Origins of the Dichotomies of St. Gregory of Nyssa in his Views on the Problems of Apokatastasis", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 33-39, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-3

Введение

Святитель Григорий, епископ Нисский – один из крупнейших деятелей Церкви IV века. Он получил хорошее философское образование, которое успешно применял в теологических спорах Церкви, внес огромный вклад в святоотеческое богословие, отстаивал догмат о Божестве Святого Духа на Втором Вселенском соборе и завоевал репутацию

защитника Православия. Но впоследствии, после осуждения Оригена (553 г.), оказавшего сильное влияние на образ мыслей Григория, его богословский престиж несколько пострадал, так что понадобилось снова его подтверждать, что и сделали отцы Седьмого Вселенского собора (Мейендорф, 2007: 191). Причиной падения его авторитета стала теория всеобщего апокатастасиса (греч.

ἀποκατάστασις τῶν πάντων) – всевосстановления или, по-другому, всеспасения. О ней написано огромное количество литературы, начиная со средних веков, и существует множество самых разнообразных гипотез ее происхождения (Баринов, 2017: 47-48). Но все они сводятся к рассмотрению с разных сторон идеи апокатастасиса, и лишь некоторые авторы слегка затрагивают другую сторону творчества святителя Григория Нисского, опровергающую его же «всевосстановление» в вечном блаженстве всех по окончании «очистительных» мучений в аду. А эта сторона явно присутствует в творениях отца Церкви. Например, святитель Филарет Черниговский пишет, что Нисский пастырь в некоторых сочинениях явно говорит о бесконечности мучений грешников (Филарет, 1859: 204), то есть опровергает свою же теорию «всеспасения». Таким образом, мы видим две линии мысли в работах святителя Григория Нисского, опровергающих одна другую. Диссертация на тему апокатастасиса Нисского пастыря защищена А.А. Лиходедовым. В ней он затрагивает данное противоречие, но не ставит задачи его объяснить и всю свою работу направляет в основном на истоки идеи «всеспасения» через историю антропологии, начиная с античности (Лиходедов, 2006: 3-4). Однако вопрос намного шире. Чтобы разрешить загадку дилеммы взглядов святителя Григория Нисского, необходимо проследить эволюцию его мысли не в одном, а в двух противоположных направлениях, по его трудам от самых истоков из древнегреческой философии до его последних работ. Частично это сделано в книге (Баринов, 2016), но в ней не затронуты возможные античные корни гипотезы «всевосстановления». Чтобы более полно исследовать указанный вопрос, написана эта статья.

Основная часть

Святитель Григорий Нисский в детстве получил прекрасное образование, при этом обнаружилась его необычайная склонность к философии (Мейендорф, 2007: 189). Это не могло не отразиться на его работах, которые И. Мейендорф даже называет «святоотеческим "платонизмом"» (Мейендорф, 2007: 195). Поэтому, безусловно, первоначальные истоки дихотомии взглядов святителя Григория нужно искать в античной мысли.

Эсхатологические предпосылки противоположных апокатастасису взглядов в дохристианских представлениях древних греков можно увидеть у Гомера в Одиссее. В ней изображены непрекращающиеся бесконечные мучения в Аиде Тантала, Тития и Сизифа, «казнимых страшною казнию», а также безрадостное существование других душ, не имеющих надежды вырваться оттуда (Гомер, 1981: 184, 401).

Р. Бакстон в своем исследовании также приводит сведения о понятиях древних греков, что бесконечному наказанию подвергаются Иксион, его сын Пейрифон, титан Атлас и Данаиды (Buxton, 2004: 133, 188-190, 264, 284, 348, 358, 456). Кары эти описаны как продолжающиеся всегда (вечно) страдания (англ. everlasting suffering) (Buxton, 2004: 189-190).

Платон разделял общие представления древних греков об участи душ после смерти: «Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду» (Платон, 2007: 180). «В Аиде либо нас самих, либо детей наших детей ждет кара за наши здешние несправедливые поступки» (Платон, 2007: 152). В одном из поздних трудов, в диалоге «Тимей» он разработал свое видение космологии. Данная система взглядов Платона не является открытием, но едва ли кто-нибудь четко и ясно придавал ей значение именно апокатастасиса всех, а она является именно таковой. Например, Г. Флоровский только слегка касается указанной платонической схемы генезиса вселенной, называя ее «гаданиями о

"странствиях" или "переселениях" душ» (Флоровский, 1935: 143). Затрагивает эту тему в своем труде и А.А. Лиходедов, но подходит к платоновскому «всевосстановлению» кружным путем через интерпретацию образа «бессмысленных кукол», играющих в «бесконечные игры», «постоянно побеждая силы зла в нескончаемой битве» (Лиходедов, 2006: 40-41). Такой подход дополнительно подтверждает наименование «апокатастасис» или «всевосстановление» Платона в настоящей работе. А.А. Лиходедов характеризует систему мироустройства в «Тимее» как «репрессивный прижизненный апокатастасис человечества», однако он делает это, «произведя некоторое насилие над языком в пользу анализа» (Лиходедов, 2006: 41). На самом деле А.А. Лиходедов сделал правильный вывод, напрасно он «насиловал» свой язык. Система Платона, изложенная в «Тимее», и есть «всевосстановление», только совершенно другого свойства, чем у Оригена или у святителя Григория Нисского. Возможно, ранее никто не заметил такой характеристики концепции Платона, поскольку ее составные части лежат под многими и протяженными рассуждениями древнегреческого философа.

Платон составил свою схему генезиса мироздания, в которой Аиду уже нет места. Его заменяют страдания и перерождения в земной жизни. Хотя в данном произведении один раз это место мучений затрагивается – туда сходят неразумные, но, судя по всему, Платон так и не придумал, куда его вставить в этой новой схеме Вселенной. Поэтому сразу после краткого упоминания о нем он пишет: «Но об этом позднее» (Платон, 2007: 527). Однако «позднее» Аид нигде в «Тимее» больше не появляется. Об Аиде несколько раз говорится в написанных позже «Законах», но и там нет ни одного намека, как место, где происходят бесконечные мучения грешников, уживается со всеобщим апокатастасисом. Возможно,

этот дуализм взглядов Платона оказал влияние и на святителя Григория Нисского.

По представлениям Платона, вечный бог-демиург из совечного ему вещества творит мир как единый организм, мировую душу, а также небесных богов, которые потом творят тела живых существ. Этих богов он сотворил из огня, они имеют «безупречную округлую форму». Звезды у него – живые существа (Платон, 2007: 511-521). Здесь видны истоки происхождения гипотез Оригена о живых звездах, «совершенной» шарообразной форме тел небесных жителей и, как показано далее, о предсуществовании душ.

По Платону, демиург создал число душ равное числу звезд и «возвел их на звезды, как на некие колесницы». Затем души перенесли на «орудия времени» – различные тела – и стали живыми существами. Если они будут властвовать над страстями, то будут жить справедливо и после отмеренного им срока вернутся в обители своих звезд. А если они поработятся страстям, то будут переселяться в худшие тела: сначала в женские, потом в животных и далее во все более низшие, соответствующие их порочному состоянию. Их перерождения и мучения будут продолжаться до тех пор, пока они не победят рассудком буйство страстей, и тогда вернутся в первоначальную обитель звезд, чтобы проводить блаженную жизнь (Платон, 2007: 523-524). Таким образом, в системе Платона происходит всеобщее восстановление в наилучшее первоначальное состояние.

Сам Платон в «Тимее» не употребляет слова ἀποκατάστασις. Он пишет о душах: *κратήσας εἰς τὸ τῆς πρώτης καὶ ἀρίστης ἀφίκοιτο εἶδος ἐξέως* (укореняются, удерживаются, усиливаются в первоначальном и лучшем превосходном пребывании, знании) (Πλάτων, 2013: 222). Укоренение здесь у Платона – это апокатастасис душ, на своем опыте познавших несчастья в перерождениях земной жизни, и своей

волей утвердившихся в добре. В отличие от полной извечной предопределенности стоиков, Платон дает место свободной воле. Но он полагает, что в результате перерождений и страданий, тем не менее, все поймут свои ошибки и укоренятся, утвердятся в добре, даже если процесс перерождений будет продолжаться многими веками. И здесь можно видеть один из возможных истоков самого принципа апокатастасиса святителя Григория Нисского – катарсис через мучения, хотя структура апокатастасиса у него совсем другая. У последнего процесс происходит в аду: «Как ныне те, кому во время лечения делают порезы и прижигания, негодуют на врачей, мучимые болью от резания, но если от этого выздоравливают и болезненное ощущение прижигания пройдет, то принесут благодарение совершившим над ними это врачевание... – таким точно образом [в аду. – Н. Б.] <...> совершится восстановление пребывающих ныне во зле в первоначальное состояние, единогласное воздастся благодарение всей твари и всех, претерпевших мучение при очищении» (Григорий Нисский, 1862: 69-70). Но, приводя аналогию из окружающего мира, когда выздоровевшие после прижиганий благодарят врачей, Нисский святитель забывает о примере врачевания Христом из Евангелия, когда исцелились десять прокаженных, и только один возвратился с благодарностью. «Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять?» (Лк. 17:17). Здесь показана человеческая неблагодарность и употребление людьми своей свободной воли не во благо, несмотря на освобождение от страданий и исцеление. Поэтому в приведенной цитате святителя Григория платонизм в его сознании перевешивает слова Евангелия.

Из системы апокатастасиса Платона видна цель цепи перерождений и страданий – осознание вреда порочной жизни и утверждение в добре, чего, по его представлениям, не было изначально после творения душ. По принципу действия это

напоминает библейское повествование об испытании Адама и Евы древом познания добра и зла. Если бы прародители прошли это испытание и не нарушили повеление Божие, то утвердились бы в добре. И после грехопадения это испытание на земле остается в силе для их потомков. Святитель Григорий Нисский сравнивает испытания и страдания со школой гимнастики. Как атлеты набираются силы в результате тренировок, так *святые* «узами и темницею усовершенствуются в благочестии» (Григорий Нисский, 1871: 233). Кто победит греховные страсти и порок, укоренится в добре, получит блаженную вечную жизнь, как говорит и Священное Писание: «...побеждающему дам вкушать от древа жизни» (Откр.2:7). «Как земледелец сеет на земле многие семена и сажит многие растения, но не все посеянное сохранится со временем, и не все посаженное укоренится, так и те, которые посеяны в веке сем, не все спасутся» (3 Ездры:8-41) (курсив мой. – Н.Б.). Но и святитель Григорий Нисский в вышеприведенной цитате, как и данный библейский текст, говорит также не обо всех, а только о *святых* (Григорий Нисский, 1871: 233). Наоборот, в его творениях существуют мысли о возможности укоренения индивидов не только в добре, но и во зле. Например, он пишет о порочных нравах вавилонян: «...болезнь эта затвердела и сделалась неизлечимою» (Григорий Нисский, 1871: 514). И у Платона можно найти подобные противоположные мысли. Хотя он считает, что благо должно побеждать, но упоминает про «укоренившееся в душе невежество» (Платон, 2007: 176).

Структура рассуждений Платона отличается от мыслей святителя Григория Нисского, но отдельные ключевые идеи и принципы похожи и могли быть восприняты последним у античного мудреца. Нисский пастырь, безусловно, великий мыслитель, не плагиатор, который заимствует «под копиру» ход рассуждений, поэтому не могло быть

такого повторения и текстологического сходства. Дихотомия взглядов в вопросе «всеспасения» присутствует в творениях святителя Григория Нисского на самых разных уровнях и, возможно, берет начало в рассуждениях древнегреческих философов, в частности Платона.

Выводы

В работе исследованы античные предпосылки дилеммы взглядов святителя Григория Нисского на проблему всеобщего апокатастасиса, а именно творения Платона, которого Нисский пастырь называл «мудрым из язычников» (Григорий Нисский, 1862: 330). Дихотомия взглядов у Платона, как показывает исследование, связана с апорией между традиционными представлениями древних греков об Аиде, где бесконечно томятся души усопших, и разработанной философом космологической системой апокатастасиса всех «в обители звезд». Для этого, по Платону, нужно сначала пройти земные испытания, перерождения и страдания, чтобы осознать благо и укорениться в нем. Но в концепции древнегреческого мыслителя присутствуют и противоположные идеи, говорящие о возможности укоренения во зле. Это показывает недорешенность вопроса. Учитывая хорошее образование святителя Григория Нисского, склонность с детства его к философии, а потому хорошее знание творений мудрецов античности, уважение к интеллекту Платона, даже до того, что Мейендорф характеризовал его творения как «святоотеческий платонизм», схожесть отдельных положений и принципов, возможно, дуализм взглядов о всеобщем апокатастасисе в трудах Нисского пастыря берет начало в древнегреческой философии Платона. Именно в античной мысли и зародилась идея «всевосстановления», которая потом проникла в христианство, хотя и претерпела там большие изменения. Святитель Григорий в своей гипотезе отверг предсуществование душ, а также заменил платоновский катарсис через

страдания в земной жизни – очистительным огнем после смерти.

Также в работе показаны следы происхождения в платоновской философии идей Оригена о круглой форме тел небесных жителей, о звездах как живых существах, о предсуществовании душ, которые были отвергнуты христианством. Космология вселенной Платона в «Тимее» идентифицирована как одна из античных систем всеобщего апокатастасиса.

Литература

Баринов, Н.Н. прот. Опровержение учения о всеобщем спасении на основании Священного Писания, трудов святых отцов и деяний Вселенских Соборов. К вопросу о вечных муках. Рязань: Зёрна-Слово, 2017. 112 с.

Баринов, Н.Н. прот. Учение об апокатастасисе в трудах святителя Григория Нисского. К вопросу о вечных муках. Рязань: Зёрна-Слово, 2016. 96 с.

Гомер. Одиссея / пер. с древнегреч. В. Жуковского; вступит. ст. А. Тахо-Годи; примеч. С. Ошерова. М.: Художественная литература, 1981. 407 с.

Григорий Нисский, свт. Творения святого Григория Нисского. Т. 40. М.: Типография В. Готье, 1862. 400 с.

Григорий Нисский, свт. Творения святого Григория Нисского. Т. 45. М.: Типография В. Готье, 1871. 536 с.

Лиходедов, А.А. Учение Григория Нисского об апокатастасисе в свете античных источников его антропологии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2006. 136 с.

Мейендорф, И.Ф., прот. Введение в святоотеческое богословие. Мн.: Лучи Софии, 2007. 384 с.

Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.

Флоровский, Г.В. О воскресении мертвых // Переселение душ: проблема бессмертия в оккультизме и христианстве. Сб. статей. Paris: YMCA Press, 1935. С. 135-167.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об отцах церкви. Т. II. СПб.: Типография императорской академии наук, 1859.

Buxton, R.G.A. The complete World of Greek Mythology. London: Thames & Hudson Ltd., 2004. 256 p.

Πλατων. Τιμαιος. Αθηνά: Ι Α Κολλαρου & Σιας Α.Ε., 2013. 568 σ.

References

Barinov, N. N. (2017), *Oproverzhenie ucheniya o vseobshchem spasenii na osnovanii Svyashchennogo Pisaniya, trudov svyatykh ottsov i deyaniy Vselenskikh Soborov. K voprosu o vechnykh mukakh* [Refutation of the doctrine of universal salvation based on the Holy Scriptures, the works of the Holy Fathers and the acts of the Ecumenical Councils. On the question of eternal torment], Zorna-Slovo, Ryazan, Russia (in Russ.).

Barinov, N. N. (2016), *Uchenie ob apokatastasis v trudakh svyatitelya Grigoriya Nisskogo. K voprosu o vechnykh mukakh* [The Doctrine of Apocatastasis in the Works of Saint Gregory of Nyssa. On the question of Eternal Torment], Zorna-Slovo, Ryazan, Russia (in Russ.).

Buxton, R. G. A. (2004). *The complete World of Greek Mythology*, Thames & Hudson Ltd, London, UK.

Filaret (Gumilevsky) Archbishop (1859), *Istoricheskoe uchenie ob otsakh tserkvi* [Historical teaching about the Church Fathers], vol. 2, Printing house of Imperial Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Florovsky, G. V. (1935), "On the Resurrection of the Dead", *Pereselenie dush: problema bessmertiya v okkul'tizme i khristianstve*, [Transmigration of Souls: The Problem of Immortality in Occultism and Christianity], YMCA Press, Paris, France, 135-167 (in Russ.).

Gregory of Nyssa (1862) *Tvorenija svjatogo Grigoriya Nisskogo* [The Works of Saint Gregory of Nyssa], vol. 40, V. Gautier's Printing house, Moscow, Russia (in Russ.).

Gregory of Nyssa (1871) *Tvorenija svjatogo Grigoriya Nisskogo* [The Works of Saint Gregory of Nyssa], vol. 45, V. Gautier's Printing house, Moscow, Russia (in Russ.).

Homer (1981), *Odiseya* [The Odyssey], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR (in Russ.).

Likhodedov, A. A. (2006) "The Teaching of Gregory of Nyssa on Apocatastasis in Light of the Ancient Sources of His Anthropology", Ph.D. Thesis in Philosophy, Moscow, Russia (in Russ.).

Meyendorff, J. F. (2007), *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology], Luchi Sofii, Minsk, Belarus (in Russ.).

Plato (2007), *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes], vol. 3, part 1, Publishing House of Saint Petersburg University, Publishing house of Oleg Abyshko, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Plato. (2013), *Timaios*, I. A. Kollarou & Sias S. A., Athens, Hellenic Republic (in Greek).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Баринов Николай Николаевич, протоиерей, настоятель храма в честь святых Царственных страстотерпцев г. Рязани, Местная религиозная организация православный Приход храма в честь святых Царственных страстотерпцев г. Рязани Рязанской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), Московское ш., д. 65 Б, г. Рязань, 390020, Россия; o.nikolaos@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0007-3858-2877

Researcher ID (Web of Science): LRB-3234-2024

ABOUT THE AUTHOR:

Nikolay N. Barinov, Archpriest, Rector of the Church in Honor of the Holy Royal Passion-Bearers of Ryazan, 65 B Moskovskoe Hgw., Ryazan, 390020, Russia; o.nikolaos@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0007-3858-2877

Researcher ID (Web of Science): LRB-3234-2024

УДК 1(091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-4

Ольхов П. А.

Эпистолярный Н.Н. Страхова как автобиографический нарратив
(по материалам переписки с А.Г. Достоевской)*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105066, Россия
olkhov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье уточняются автобиографические свидетельства Н.Н. Страхова – русского мыслителя разностороннего научно-философского склада, не оставившего после себя обширных мемуаров, но определенно сохранившего себя в долговременных переписках со своими современниками. В статье впервые вводится в научный оборот переписка Н.Н. Страхова и А.Г. Достоевской. Статья содержит материалы, содействующие целостному представлению об опыте интеллектуального и экзистенциального общения русских мыслителей в конкретно-всеобщем контексте «архива эпохи».

Ключевые слова: эпистолярный; автонарратив; Н.Н. Страхов; А.Г. Достоевская; переписка; разговор

Для цитирования: Ольхов П. А. Эпистолярный Н.Н. Страхова как автобиографический нарратив (по материалам переписки с А.Г. Достоевской) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 40-46. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-4

P. A. Olkhov

N.N. Strakhov's epistolary as an autobiographical narrative
(based on correspondence with A. G. Dostoyevskaya)*

Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya St.,
Moscow, 105066, Russia
olkhov@bsu.edu.ru

Abstract. The article clarifies the autobiographical evidence of Nikolai N. Strakhov, a Russian thinker of versatile scientific and philosophical bent, who did not leave behind extensive memoirs, but definitely identified himself in long-term correspondence with his contemporaries. The article is the first to introduce into scientific circulation the correspondence of N.N. Strakhov and Anna Grigorievna Dostoyevskaya with some materials to a holistic understanding of the experience of intellectual and existential communication of Russian thinkers in the specific and general context of the "archive of the epoch".

* Исследование выполнено в рамках проекта НИУ ВШЭ, поддержанного грантом РФФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения».

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 23-28-01799 "Archive of an epoch of N.N. Strakhov: existential contexts and interdisciplinary intersections".

Key words: epistolary; autonarrative; N.N. Strakhov; A.G. Dostoevskaya; correspondence; conversation

For citations: Olkhov P. A. (2024), “N.N. Strakhov's epistolary as an autobiographical narrative (based on correspondence with A.G. Dostoyevskaya)”, *Reaserch Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 40-46, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-4

В уже опубликованных или ожидающих своего издательского часа переписках русского мыслителя с семьями Л.Н. Толстого, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского и других малоизвестных и неопубликованных архивных документах содержатся, как показывают исследования, факты «совместного мышления» Страхова и Достоевских, Страхова и Данилевских в их стилистико-смысловой общности. Анализ переписки позволяет существенно уточнить нравственно-смысловые тоны жизни и мышления – обязующие начала нетривиальной личности Н.Н. Страхова, «всепонимающего философа» (А.А. Григорьев), «не становившегося под знамена», но хлопотавшего о своем нравственном сбережении. Особенно показателен в этом отношении эпистолярный комплекс «Страхов – Достоевская», обращение к которому позволяет предпринять нарративную реконструкцию тех закрытых, нравственно интимных сторон автобиографии мыслителя, в которых его забота о себе была созвучна заботе о своих других.

Размышляя о летней повседневности, Николай Николаевич Страхов в письме к Анне Григорьевне Достоевской заметил: «время проходит... в разговорах». И, как это ни парадоксально, эта фраза очень ярко демонстрирует особенности становления русской философии в XIX столетии. Как указывал Т.И. Райнов, «мыслители первой половины XIX века были только эксцентричностью, не вызванными духовными потребностями русской среды и не находившими в ней никакого отклика. И только в 50–60 годах число этих эксцентричностей умножилось настолько, а

круг людей, заинтересованных ими, расширился до такой степени, что философская деятельность стала у нас впервые более или менее заметной функцией общественного сознания. Скучны были первые проявления этой функции, да и развивалась она медленно, протекая среди взаимного недовольства писателей и читателей» (Райнов, 2020: 60). Для понимания этого процесса мы обращаемся не столько к магистральным философским сюжетам, которые уже достаточно широко представлены в истории русской философии, сколько к экзистенциально нагруженному общению, запечатленному в эпистолярном разговоре, который фактически может быть осмыслен как автобиографический нарратив. Как указывает И.О. Щедрина, «с помощью автобиографического нарратива можно осуществить реконструкцию личностной составляющей Я, а также понять исторический контекст, время написания текста, экзистенциальное отношение пишущего к происходящему, ведь автонарратор обладает объективными и субъективными характеристиками, сочетание которых делает его единственным в этом мире. Однако автонарратор существует не сам по себе, но в отношениях с Другими, в актах взаимодействия происходит самокорректировка автонарратора и появляются разные “образы Я”, на пересечении которых остается целостное неизменяемое ядро личности» (Щедрина, 2022: 65).

Н.Н. Страхов, как свидетельствуют архивы и исследования, не оставил обстоятельных, систематических мемуаров, но экзистенциально-личные

факты его жизни вполне предстают и образуют некоторую автобиографическую событийную хронику в полноте его обширного эпистолярного наследия. В письмах он часто по дням (а иногда и часам), практически описывает свои духовные состояния – в зависимости от повседневной реальности, в которой находится в тот или иной момент своих умственных занятий. Судя по письмам (в том числе и к Анне Григорьевне Достоевской), работал Страхов практически непрерывно, перемежая продумывание текстов (его привычкой было мысленное письмо, подробное умозрительное представление о том, что будет изложено на бумаге и затем опубликовано) с постоянным общением – в различных его формах, от дружеских, со смысловой взаимностью, до полемических. Эти состояния непрерывной творческой фактичности речевого мышления Н.Н. Страхова вполне можно называть непрерывностью конкретно-духовного, герменевтического делания и переделки себя и своей изнутри принципиально открытой, жизненной сферы его встречного понимания.

Несмотря на то, что многие переписки Н.Н. Страхова уже опубликованы, в архивах все еще возможны интереснейшие эпистолярные находки, герменевтически плавкие свидетельства его духовных состояний. Среди таких как будто неглавных, но открывающих смыслы и контексты понимания и самого Страхова, и его эпохи, – переписка с А.Г. Достоевской после смерти Ф.М. Достоевского, продолжавшаяся, с перерывами, в течение пятнадцати лет (в 1880–1895 годах), вплоть до смерти уже самого Н.Н. Страхова. В этой переписке Страхов предстает не столько как «делатель интеллектуальной культуры» (Щедрин, Щедрин, 2022) – хлопотавший, совместно с Анной Григорьевной, об издании первого собрания сочинений Ф.М. Достоевского, но

одновременно и как длительно близкий человек к семье Достоевских (творчески-почвенно Федору Михайловичу, и утешительно, по мере своей отзывчивости, его вдове). Зная теперь о том, что отношения Страхова с Достоевским отличались особенной нравственной неустроенностью, трудно называть Страхова «другом» Достоевских¹; самой же Анне Григорьевне об этой неустроенности мало что было известно до самой смерти Страхова и еще более десяти лет после нее. В письмах к Николаю Николаевичу она рассказывает о своем мрачном настроении и душевных тревогах, беспокоится, чтобы биографию Федора Михайловича писал именно Страхов, долговременный сотрудник и товарищ Достоевского еще со времен издания журналов «Время» и «Эпоха» (Письмо А.Г. Достоевской к Н.Н. Страхову от 21 апреля 1881 г.). Он ответно открыт ей – той философской, понимающей открытостью, которая была свойственна ему всегда: «Очень мне жаль Вас, бедная Анна Григорьевна, и с глубоким состраданием и пониманием читал я Ваши жалобы. И главная беда все-таки та, что мучат Вас Ваши мысли, а не действительность. Настоящего горя у Вас много, но еще больше мыслей об горе, и это не действительное горе, разумеется, мучит не хуже действительного. Несчастное создание человек; он живет двойную жизнь – одну настоящую, другую мысленную – и обе исполнены тревог и мучений. Я иногда воображаю себе идеалы святого человека, и думаю, что главная его черта должна состоять в самообладании. Он должен иметь возможность откинуть всякую мысль и всякое чувство. Такой человек мог бы перенести всякую муку и мог бы, например, заснуть, когда ему угодно, потому что мог бы заставить душу молчать, как заставляем молчать язык. <...> ...Вместо того чтобы покоряться Воле Божией и спокойно выносить и волнения, и муки, мы похожи на людей, которые, когда

¹ См.: (Туниманов, 2006; Климова, 2021) и др.

в них попадет стрела, вместо того, чтобы спокойно вынуть ее и отбросить, хватаются за нее и селятся вонзять в себя все глубже и глубже. Мы любим волноваться и всякое наше чувство доводим до последней крайности» (Письмо Н.Н. Страхова к А.Г. Достоевской от 21 июля 1881 г. ОР РГБ, 93/II, карт. 9, ед. хр. 20). Анна Григорьевна, кажется, не замечала, что Страхов таким образом не только утешает и свидетельствует о себе, но и вполне нравственно напряженно – о Ф.М. Достоевском, насколько он ему был понятен; возможно, она и принимала это – в своем безусловном и трезво-деятельном почитании покойного супруга, жизненно зная, насколько был далек Фёдор Михайлович от такого идеала святости.

Исследователи уже неоднократно отмечали некоторую отстраненность эпистолярного стиля Страхова; его письма и записки к Анне Григорьевне написаны примерно в этой манере, без особых поминальных, милосердных поправок. Но Страхов в своем утешении без прикрас был искренно глубокомыслен – едва ли не единственный из многих понимая, как мучительно бездумное сочувствие, а то и притворная доброта. После смерти Федора Михайловича на Анну Григорьевну «обрушилось» людское, зачастую «пустое» сочувствие, оно заставляло ее возвращаться к этому трагическому событию и переживать его снова и снова. «...Всё портят люди. – пишет она Страхову в июне 1882 года – Они ...мучают меня своею добротою и внимательностью ко мне: знакомые и очень мало знакомые, узнав о моем приезде, приходят повидать меня и посочувствовать и не дают мне покоя ни минуты. Разумеется, у них это добрые побуждения, но я-то должно быть уж такой дрянный человек, что не чувствую за это благодарности и лучше бы желала, чтоб меня оставили одну с детьми. Не надо мне людей, тяжелы они для меня! А тут у каждого или каждой накопилось какое-нибудь горе, которое нужно поведать несчастной Анне Григорьевне. ...К

довершению всех моих бед меня выбрали Покровительницею или Попечительницею той лечебной колонии в 14 мальчиков, которая послана в Руссу и названа Колониею имени Федора Михайловича. Объявили мне официально с просьбою следить за нею и указать все недостатки и неровности в хозяйстве и порядках Колонии. Не правда ли, как это под стать моему характеру, распекаль и вмешиваться в чужие распоряжения. <...> Вы не поверите, как я мечтаю о том времени, когда останусь без людей». Сочувствие Страхова ответно и существенно: он «уводит» Анну Григорьевну в дело, в издание, в тот труд, что может дать успокоение и смысл. В этом рассуждении Страхова отчетливо проявляется антропологическая стилистика русской философии с ее почти повсеместной нравственной нацеленностью, практиками осмысления труда и молитвенного соприсутствия, целомудренного молчания (примечательно, что тема «святого человека», одна из ключевых для русской интеллектуальной традиции, у Страхова принимает вид практической триады – «справедливости, милосердия, святости»).

В своем «утешении философией» Страхов остается мыслителем, для которого характерно целостное, органическое понимание других и самопонимание. Получив от Достоевской июньское письмо 1882 года о ее восприятии внешнего «сочувствия», он рассказывает в ответ о своем летнем путешествии из Петербурга в Мшатку (в имение Данилевских), замечая при этом: «Я выехал из Петербурга 16 июня с твердым намерением ничего не делать и переносить с терпением всякие неудобства и скуки, предстоявшие мне в пути. Эта решимость послужила мне в великую пользу. Только подъезжая к Ясной Поляне, я изменил ей и поддался волнению. Но я совладал с ним и до сих пор наслаждаюсь полным спокойствием, чем, как мне кажется, произвожу очень благоприятное впечатление на посещаемых мною

знакомых и родных» (Письмо Н.Н. Страхова к А.Г. Достоевской от 9 июля 1882 г. ОР РГБ, 93/II, карт. 9, ед. хр. 20). Н.Н. Страхов показывает Анне Григорьевне, как можно достигать душевного равновесия из решимости быть, без подчинения абстрактным нравственным тревогам и назидательному высокомерию, внешней мере суждения о неподлинности происходящего и т. п.

Переписка Страхова с Анной Григорьевной посвящена, по большей части, проблемам издания посмертного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, над которым она в то время работала. Так, в письме от 7 июля 1881 года, Достоевская просит Страхова посмотреть корректуру одного из томов: «Не откажитесь, многоуважаемый Николай Николаевич, взглянуть на прилагаемую корректуру и сказать Григорию Фомичу <Пантелееву> Ваше мнение по поводу двух вопросов, которые я Вам предложу. Дело вот в чем: Как Вы видите, на одной странице напечатано: “Сочинение Ф.М. Достоевского”, а на другой странице – “Идиот”. На мой взгляд, слова эти печатать незачем, а следует оставить лишь нумерацию. Мне кажется, что только в таком случае надо ставить название романа, если в одном томе их помещается несколько». В ответном письме Страхов предлагает свой вариант: «Пантелеев был у меня за советом. Я решил поставить над каждою страницей Идиот, как это делается в хороших французских изданиях; а Сочинение Ф.М. Достоевского конечно выкинуть – так никто не делает. Что до того, 6й или 7й том ставить на заглавном листе, то решительно невозможно сказать, прежде чем сколько-нибудь определится объем биографии» (Письмо от 21 июля 1881 г.). Также обсуждается эпистолярный архив Достоевского. Судя по письмам, конкретная работа шла практически непрерывно. «Время проходит в питье чаю и кофею, в еде и купанье, а главное в разговорах, да так быстро и [вполне] проходит, что я и не видал этих десяти

дней. Работать невозможно, если бы я и хотел. Но думать и меняться мыслями можно, и я мысленно продолжаю писать биографию, и рассуждаю об ней с Н.Я. Данилевским» (Письмо Страхова Достоевской от 9 июля 1882 г.)

Переписка Страхова с Анной Григорьевной Достоевской показывает, что повседневность его жизни – это непрерывное, длящееся общение, «побеседуем же»: «Разумеется, можно бы еще много наговорить (Вы желаете длинного письма) о прелестях здешней жизни и природы, о разговорах с Толстым, Фетом и Данилевским, об выставке и т. д.; но лучше отложить это до свидания в Петербурге» (Письмо Страхова Достоевской от 9 июля 1882 г.). Он пишет не «расскажу», а именно «побеседуем же». В этом «побеседуем же» – секрет притягательности русской философии, которая объёмно повествовательна и диалогически проницательна. Объёмны, проницательны самоповествования, диалогические автонарративы Н.Н. Страхова – в его эпистолярном наследии, в том числе и в переписке с А.Г. Достоевской.

Эпистолярное общение постепенно сводится к «недлинным письмам», небольшим запискам, в которых, например, условливаются о встречах: Николай Николаевич проговаривается между прочим о себе; встречно ему говорит и Анна Григорьевна. В письме 1892 года Страхов пишет: «Не позволите ли мне обедать у Вас в Пятницу? Т. е. 17го? Если это Вам не противно, то прошу Вас назначить час – для меня всякий час возможен, так как я один из самых свободных людей на свете». Ответ Анны Григорьевны словно включается в автонарратив Страхова: «Вы пишете, что Вы один из самых свободных людей на свете. Как я Вам завидую и как бы я хотела иметь возможность сказать про себя то же самое. Но увы, я раба моих привязанностей, занятий и забот. Много наставила я себе задач, некоторые с успехом выполнила

(распространение сочинений покойного мужа, обеспечение семьи и др.) но многое, слишком многое из намеченного осталось не выполненным, и это мне жить не дает. Ну да еще поборемся!».

Проступающая в эпистолярных рассуждениях Страхова экзистенциальная составляющая неотделима от всецело жизненной, ответной реальности его мышления. Он, можно думать, ищет путь к «самоуспокоению» между умом и сердцем, но не в себе и не для себя; телеологический горизонт его мышления не является его исключительно внутренним делом; его автобиографический нарратив последовательно осмотрителен в смысловом отношении, именно совместен – практическим, путевым образом целесообразен. Это тот путь совместного мышления, в котором познавательные задания сопрягаются с нравственными в общем окоеме труда, непрерывного и неотложного, посильного и неперменного – молитвенного по своему настроению, трезво понимаемого и исполняемого долга дела. Надо полагать, этот автобиографичный, эпистолярно запечатленный путь ведет к общей биографии русской философии, ее путевому тезису – главной, принципиально открытой задаче редакции журнала «Вопросы философии и психологии»: «построить цельное, чуждое логических противоречий, учение о мире и о жизни, способное удовлетворить не только требованиям нашего ума, но и запросам нашего сердца» (Грот, 1889: IX). Сотворцом этого журнала был и Н.Н. Страхов.

Благодарности.

Никакое исследование не выполняется в сугубом одиночестве. Но бывают особенные случаи, когда не обойтись без благодарности.

Я весьма признателен своим коллегам и друзьям, известным и начинающим участникам страхововедческих исследований М.И. Щербаковой, щедро предоставившей транслитерированные и

текстологически выверенные копии рукописей писем Н.Н. Страхова, и Л.Е. Кусковой, принявшей активное участие в разыскании, расшифровке и транслитерировании рукописей писем А.Г. Достоевской.

Разработка концепции «архива эпохи» в значительной степени реализована Т.Г. Щедриной; концептуализация автобиографического нарратива применительно к историко-философским исследованиям осуществляется И.О. Щедриной. В разговорах с ними уточнялась структура и смысловые поля статьи.

Acknowledgments. No research is carried out in utter solitude. But there are special cases when gratitude is indispensable.

I am very grateful to my colleagues and friends, well-known and novice participants in insurance studies: Marina I. Shcherbakova, who generously provided transliterated and textually verified copies of manuscripts of N.N. Strakhov's letters, and Larisa E. Kuskova, who took an active part in finding, deciphering and transliterating manuscripts of A.G. Dostoevskaya's letters.

The development of the concept of the “archive of the epoch” was undertaken in a significant way by Tatiana G. Shchedrina; the conceptualization of the autobiographical narrative in relation to historical and philosophical research is carried out by Irina O. Shchedrina. In conversations with them, the structure and semantic fields of the article were clarified.

Литература

Грот, Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. № 1. С. V–XX.

Климова, С.М. Достоевский – Страхов – Толстой: к истории одного конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 72–88. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-72-88.

Тимофей Иванович Райнов. Очерки по истории русской философии 50–60-х годов. Части первая и вторая / Подготовка к

публикации С.С. Илизарова и В.А. Куприянова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2 (66). С. 59–68.

Туниманов, В.А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) // Русская литература. 2006. № 3. С. 38–96.

Щедрина, И.О. Историческая память и нарратив: экологические контексты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 174 с.

Щедрина, Т.Г., Щедрина, И.О. Издатель интеллектуальной литературы как делатель культуры // Человек. 2022. Т. 33. Вып. 6. С. 50-68. DOI: 10.31857/S004287440007351-1

References

Grot, N. Ya. (1889), “On the tasks of the journal”, *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 1, v–xx (in Russ.).

Iizarov, S. S. & Kupriyanov, V. A. (2020), “Timofey Ivanovich Rainov. Sketches on the history of Russian philosophy of the 50–60s. Parts one and two”, *Solov'yovskiye issledovaniya* [Soloviev's research], 2, 59–68 (in Russ.).

Klimova, S. M. (2021), “Dostoevsky – Strakhov – Tolstoy: Toward to the Story of One Conflict”, *RUDN Journal of Philosophy*, 25 (1), 72–88 (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-72-88

Shchedrina, I. O. (2022), *Istoricheskaya pamyat' i narrativ: ekologicheskiye konteksty* [Historical memory and narrative: environmental contexts], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shchedrina, T. G. & Shchedrina, I. O. (2022), “Publisher of Intellectual Literature as a

Maker of Culture”, *Chelovek*, 33 (6), 50–68 (in Russ.) DOI: 10.31857/S004287440007351-1

Tunimanov, V. A. (2006), “Dostoevsky, Strakhov, Tolstoy (labyrinth of couplings)”, *Russkaya Literatura* [Russian Literature], 3, 38–96 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, г. Москва, 105066, Россия; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; pavel.olkhov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St., 21/4, Moscow, 105066, Russia; Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; olkhov@bsu.edu.ru

УДК 141

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-5

Севальников А. Ю.¹,
Сагикызы А.²

К определению сущности виртуальной реальности

¹ Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; sevalnicov@rambler.ru

² Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, ул. Курмангазы, д. 29, г. Алматы, 050010, Республика Казахстан; ayazhan@list.ru

Аннотация. Современное человечество с самого начала XXI в. живет в условиях такой действительности, о которой оно не подозревало даже во второй половине XX в. Для этой действительности характерно прежде всего появление феномена, который получил название «виртуальная реальность». Этот феномен вот уже более двадцати пяти лет является предметом исследования множества авторов. Между тем, относительно него существуют самые различные точки зрения. В статье проведен критический анализ основных трактовок сущности феномена виртуальной реальности и предложено ее авторское понимание. Существующие в литературе толкования данного феномена сведены к четырем вариантам: 1) понятие виртуальной реальности распространяется на весь мир; 2) виртуальная реальность – сугубо природный феномен; 3) виртуальная реальность – продукт деятельности сознания и (или) подсознания; 4) виртуальная реальность есть артефакт, продукт человеческой деятельности. Авторами принимается последнее истолкование, но лишь по форме. Данное истолкование имеет целый ряд вариантов, анализ которых показал различную степень недостаточности каждого из них. В статье рассматривается сущность виртуальной реальности через такие категории, как идеальное, реальное, а также материя и форма. Форма здесь понимается в двух аспектах: архитектурном и композиционном. Виртуальная реальность представляется как реально-идеальный феномен, который проявляется только при взаимодействии с человеком-субъектом.

Ключевые слова: виртуальная реальность; идеальное и реальное; материя и форма; архитектурная форма; композиционная форма; реально-идеальный феномен

Для цитирования: Севальников А. Ю., Сагикызы А. К определению сущности виртуальной реальности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 47-59. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-5

A. Yu. Sevalnikov¹,
A. Sagikyzy²

Defining the essence of virtual reality

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; sevalnicov@rambler.ru

² Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee
of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,
29 Kurmangazy St., Almaty, 050049, Kazakhstan; ayazhan@list.ru

Abstract. The contemporary era is characterised by a reality that was not anticipated even in the latter half of the 20th century. This reality is characterised primarily by the advent of a phenomenon designated as "virtual reality." This phenomenon has been the subject of extensive research by numerous authors over the past twenty-five years. Meanwhile, there is considerable divergence of opinion regarding this concept. The article presents a critical analysis of the prevailing interpretations of the essence of the phenomenon of virtual reality and puts forward a novel understanding of the concept. The extant interpretations of this phenomenon across disparate sources can be distilled into four variants: 1) The concept of virtual reality is considered to extend to the whole world; 2) Virtual reality is regarded as a purely natural phenomenon; 3) Virtual reality is seen as a product of consciousness and (or) subconsciousness; 4) Virtual reality is viewed as an artefact, a product of human activity. The article assumes the latter interpretation, but only in form. This interpretation is subject to a number of variants, the analysis of which revealed the varying degrees of insufficiency of each. The article elucidates the essence of virtual reality through the categories of the ideal and the real, form and matter. Additionally, it considers form in two ways: as architectonic and as compositional. Virtual reality is understood as a phenomenon that exists simultaneously in both the ideal and the real, and is actualised when a human subject is connected to it.

Keywords: virtual reality; ideal and real; matter and form; architectonic form; compositional form; real-ideal phenomenon

For citation: Sevalnikov A. Yu., Sagikyzy A. (2024), "Defining the essence of virtual reality", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 47-59, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-5

Введение

Тема виртуальной реальности вновь становится актуальной в связи с появлением новых технологических возможностей и их выходом на принципиально новый уровень. В частности, в рамках программы Neuralink разработаны нейрочипы, которые непосредственно связываются с головным мозгом. Уже продемонстрировано, как с помощью «одной мысли» можно управлять

теми или иными гаджетами – компьютером, телефоном и т. д. Возможно и обратное влияние, в частности, в данный момент разрабатываются устройства на нейрочипах, которые могут вернуть зрение слепым (программа Blindsight). Очевидно, что с появлением продвинутых систем искусственного интеллекта становится возможным непосредственное погружение человека в виртуальную реальность и даже прямое управление сознанием человека.

Если раньше такие возможности рассматривались как фантастический потенциал будущего, то сегодня это становится реалиями нашего дня. Однако вызывает беспокойство отсутствие четкого понимания, чем является виртуальная реальность.

Методология исследования

В статье применены принцип целостности, принцип конкретного историзма, категории сущности, явления и существования, категории идеального и реального в их интерпретации Э.В. Ильенковым.

Основная часть

Понятие «виртуальная реальность» ввел в 1984 году американский ученый Дж. Ланье (J. Lanier), в то время возглавлявший компанию VPL Research. Многие современные исследователи виртуальной реальности предикат «виртуальная» выводят от слова “virtūs” классической латыни, которое в ней обозначало «мужество», «храбрость», «доблесть», «добродетель» (Дворецкий, 1976: 1084). Могло бы показаться непонятным, как могут эти значения соотноситься с тем феноменом, который сегодня именуется виртуальной реальностью. Но все проясняется, если мы вспомним, что латинское “virtūs” генетически связано со словом “vir” – «муж», «мужчина». Уже значительно позднее, в эпоху средневековой схоластики, оно напрямую стало соотноситься с греческим словом “δύναμις”, что означает «сила», «способность», «могущество», «значение», а также всей последующей цепочкой слов, которые связаны с “δύναμις” (Вайсман, 2006: 347). Таким образом, понятие “virtus” в схоластике является эквивалентом греческого понятия “δύναμις”, которое обозначает возможность, потенциальность, потенцию. В дословном переводе “virtus” означает силу, способность и могущество, является также актуализацией сущности

вещи, а также свойств интеллекта человека, как в свое время это было определено Дунсом Скотом (Скот Дунс, 2001: 347).

Если помнить, что понятие «виртуальное» тесно связано с понятием «возможность», которая может реализоваться, то отсюда следует, что «виртуальное» является той самой возможностью, а по Аристотелю, скорее, даже «способностью», которая актуализируется или проявляется особым образом, или точнее, при определенных условиях. В схоластике такое условие получило название «принцип индивидуации вещей», то есть та или иная возможность реализуется по-разному, в зависимости от определенного материального окружения. Именно в этом значении оно оказывается синонимичным слову «эвентуальный» (Словарь иностранных слов, 1988: 582). Но данным смыслом современное представление о виртуальной реальности не ограничивается.

Обратимся к рассмотрению ключевых интерпретаций сущности виртуальной реальности. Д.И. Лобанков выделяет пять пониманий «виртуального», которые превалируют в современной литературе. Он констатирует: «В современном философском знании сложились несколько подходов к толкованию виртуальной реальности. Во-первых, виртуальная реальность – иллюзорная, порожденная компьютерными технологиями реальность (Д. Ланье, А.И. Воронов). Во-вторых, это субъективная реальность, генерируемая интеллектуальными способностями человека, силой его собственного сознания (И.Г. Корсунцев, Е.В. Ковалевская). В-третьих, виртуальность – бытие особого рода, недовозмужщенное, недореализованное бытие, “недобытие” (В.В. Афанасьева, С.С. Хоружий). В-четвертых, виртуальная реальность – особое психическое состояние, часть психологической реальности человека (Н.А. Носов, С.А. Борчиков). В-пятых, виртуальная реальность есть способ

отчуждения человека, в процессе диалога сознания и машины от собственной плоти (А. Крокер, М. Вейнштейн)» (Лобанков, 2015: 102).

Такое определение не может избежать критики, а также нуждается в существенном дополнении. Здесь автор должен объяснить и растолковать, чем отличаются пункт второй и четвертый. В чем состоит различие «субъективной реальности» человека, связанной с его интеллектуальными возможностями, и его психологической реальности? Да, эти определения не совсем тождественны, так как понятие «психологическая реальность» является более широким и включает в себя необходимым образом не только интеллект, но и волю, влечения, эмоции и другие способности души человека.

Тут упущено одно из ключевых определений или, скорее, пониманий «виртуального», которое было дано «пионером виртуалистики» Николаем Александровичем Носовым. В его хорошо известном «Манифесте виртуалистики» в самом начале, в «Преамбуле», четко заявляется, что весь «мир виртуален» (Носов, 2001).

Если исходить из критики определения Д.И. Лобанкова и нашего дополнения, то, на наш взгляд, множество интерпретаций сущности виртуальной реальности может быть объединено в четыре основные. В соответствии с первой интерпретацией, соотносящейся с работами Н.А. Носова, виртуальная реальность, существуя во многих формах, согласно *охватывает весь мир*, начиная от реальности физической и вплоть до реальности социальной, и включает в себя все «промежуточные» реальности, в частности реальность психическую, техническую и т. д.

Позиция Носова обрела значительное количество сторонников. Например, А.А. Кириллова вторит исследователю и отмечает: «Мир скорее виртуален, чем реален» (Кириллова, 2009: 9). Мы считаем, что данное истолкование является

неубедительным и, более того, ключевой подход Носова несет в себе, если исходить от традиционной, классической философии, существенную ошибку и внутреннее противоречие. Н.А. Носов вводит понятия порожденной и порождающей реальностей и выделяет ряд их свойств: «Порожденность (виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; психологические виртуальные реальности порождаются психикой человека), актуальность (виртуальная реальность существует актуально, только “здесь и теперь”, только пока активна порожденная реальность), автономность (в виртуальной реальности свое время, свое пространство и свои законы существования), интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них)» (Носов, 2001). Далее, согласно его определениям, виртуальной реальности противопоставляется «константная реальность». Под константной реальностью Носов понимает то, с чем соотносится виртуальная реальность. Однако автора можно спросить, если **весь мир полностью** виртуален, то где же тогда коренится та самая константная реальность, отличающаяся от виртуальной. Если мы исходим от такого глобального и тотального понимания виртуального, то для «константной реальности» явно не остается никакого места. Далее, согласно его «Манифесту», способы существования реальностей порождающей и порожденной принципиально не различаются (!). С этим мы никак не можем согласиться. Возьмем к примеру компьютерную виртуальную реальность. Существует сам прибор – компьютер, программа, которая задает развертывание виртуальной реальности, и сам образ, предстающий в двух ипостасях. Во-первых, это изображение на экране монитора или на специальных очках

оператора, а также отражение его в сознании человека. В каждом случае мы имеем принципиально различные типы существования. Создается впечатление, что автор либо не знает, либо сознательно избегает понятия о различных способах становления, «инобытии», что принципиально не дает возможности отразить тончайшую диалектику становления, в данном случае виртуальной реальности.

Согласно второй позиции, виртуальная реальность – это объективный естественный феномен, который связан только с частью действительности. Так, например, в квантовой теории полей имеется понятие виртуальной частицы. Виртуальная частица, например, виртуальный фотон, является прежде всего носителем того или иного взаимодействия. В случае электромагнитного взаимодействия элементарные частицы, например, протон и электрон, взаимодействуя друг с другом, порождают виртуальный фотон, который их и связывает, вызывая притяжение. Как и обычный фотон, он описывается такими же квантовыми числами, что и обычный фотон. Но для всех виртуальных частиц нарушается одно из правил сохранения, если говорить конкретным образом, нарушается связь импульса частицы с ее энергией. Далее, если обычный фотон может быть наблюдаемым, то виртуальный фотон сам по себе принципиально не является наблюдаемым и никак не воплощается в бытии наличном.

По образу и подобию виртуальной частицы С.С. Хоружий и определил сущность виртуальной реальности. По его определению, «виртуальная реальность не выступает как автономный род бытия, онтологический горизонт. Она опознается как своеобразный субгоризонт в горизонте энергий “здешнего потолка”, представляя собою *не род, но недород бытия*. <...> Виртуальная реальность – недовыступившее, недорожденное бытие, не имеющее рода, не достигшее

“постановки в род”. Это недород бытия в смысле таксономических категорий, равно как и в смысле рождающего бытийного импульса» (Хоружий, 1997: 66). Работа С.С. Хоружего в смысле проработанности определений, понимания сущности и описания диалектики виртуальной реальности, ее особой темпоральности и с тонким пониманием *временных* процессов, является одной из самых глубоких. Однако не со всеми ее выводами и исходными положениями мы можем согласиться. К работе С.С. Хоружего мы еще вернемся, когда ниже будем излагать свое понимание проблематики виртуальной реальности.

Третья позиция относительно сущности виртуальной реальности прямо противоположна двум вышеизложенным. Согласно данной позиции, виртуальная реальность – феномен сугубо субъективный, включающий в себя продукты воображения, иллюзии, измененные состояния сознания и т. п. К примеру, И.Г. Корсунцев пишет, что «настало время сущностно и понятийно развести реальности – *материальную, несубъектную*, которую раньше называли “объективной”, и *виртуальную, субъективную*. Это значит, что виртуальная реальность – тоже реальность, но *другая*, отличающаяся от материальной, вещной» (Корсунцев, 1997: 53). Нет сомнения, что виртуальная реальность отличается от материальной реальности. Но, как нам представляется, это определение несет в себе некоторую ошибку. «Виртуальное» и «субъективное» в этом определении даются через запятую, и, как следует из смысла, они выступают как синонимы, то есть фактически субъективное и виртуальное выступают как нечто тождественное. С этим вряд ли можно согласиться. Субъективное всегда связано *либо с идеальным, либо с духовным*. Даже в марксизме, если брать одно идеальное, оно, хоть и связано с материей и ей производится, обладает реальным бытием. Да, оно не может быть сведено к *предметности*, но, тем не менее, обладает

наличным бытием, и оно никак не связано с понятием возможности, с чем как раз сущностно связано понятие *виртуального*.

Такое замечание мы сделали с определенной целью, так как понятие виртуальной реальности очень часто смешивается либо с феноменами психической реальности, либо вообще духовной. К первой позиции близка концепция О.И. Елховой, которая считает, что «виртуальная реальность есть явление внутри полисенсорного пространства (пространства восприятия), а визуализация виртуальной реальности является его изобразительной формой...» (Елхова, 2006: 6). А вот другой автор, Л.А. Тягунова, придерживается второго понимания виртуального: «Миф, религия, философия, наука представляют собой своеобразные виртуальные реальности, отличающиеся друг от друга по ряду особенностей как своеобразные сферы духовной культуры человечества. И в то же время они сходны по свойствам своей виртуальности. А это позволяет утверждать, что и другие сферы культуры, а значит, и культура в целом, могут быть рассмотрены в качестве своеобразных виртуальных реальностей» (Тягунова, 2007: 9). Если с первым определением еще можно поспорить и отметить связь виртуальной реальности с психической сферой человека, то отождествлять феномены виртуального и духовного, а также все другие феномены культуры вряд ли допустимо. Вместо критики такого положения дадим возможность представить читателю спор автора такого утверждения с христианином, когда автор будет настаивать на виртуальности Иисуса Христа (?), а, может быть, еще более образным и наглядным станет такой спор с последователем мусульманства. Интересно, какова будет реакция мусульманина, если автор в споре с ним будет настаивать на виртуальности пророка Мухаммеда?

Другой аргумент против такого понимания виртуального можно соотнести

с концепцией Н.А. Носова и его различением виртуальной и «константной» реальностей. Возникает вопрос, если в культуре все виртуально, то что тогда может являться константным (выражаясь терминами Носова)? Вряд ли автор такого определения может ответить на данный вопрос, ибо такого ответа быть не может. Следовательно, истолкование виртуальной реальности как исключительно субъективного феномена (порождения человеческого сознания, подсознания и т. д.) или как феномена духовного принять нельзя. Продукты воображения, иллюзии и т. п. — суть достояния породившего их субъекта и не имеют на другом своем полюсе другого субъекта. Феномены же духовной культуры вообще являются принципиально иными феноменами, которые никак не могут быть истолкованы в терминах *виртуального*.

Согласно другой точке зрения, виртуальное имеет символический характер. Такую точку зрения отстаивает В.М. Розин. В одной из работ он пишет, что виртуальное — «это такой вид символических реальностей, который создается на основе компьютерной техники, а также реализует принципы обратной связи, позволяющие человеку достаточно эффективно действовать в мире виртуальной реальности» (Розин, 1997: 56-57). Возражая В.М. Розину, можно отметить, что всякий символ является предметным воплощением того, *что* он своим наличным бытием представляет, символизирует, что за ним стоит то, что он символизирует. Символ как таковой чаще всего вряд ли можно выразить вербальным образом, и он может иметь несколько интерпретаций и значений. Но имитация не есть символизирование. С нашей точки зрения, мы только с большой натяжкой можем соотнести понятие символической реальности с понятием виртуальной реальности.

Понятие «имитации», которое мы только что употребили, тесно связано с понятиями «симуляции» и «симулякра», в

рамках которых также пытаются трактовать виртуальную реальность. Так, Н.Ю. Кликушина утверждает, что «виртуальная реальность – это симуляция действительности, порожденная сознанием субъекта в процессе взаимодействия и существования до тех пор, пока длится это взаимодействие» (Кликушина, 2007: 7). Заострим наше внимание на том, что виртуальное здесь рассматривается только как порождение сознания. Выше мы уже обращались к компьютерной виртуальной реальности. Прежде всего, должны наличествовать компьютер, программа, монитор. Далее, необходимо рассматривать работу компьютера, воспроизводящего определенные образы на мониторе, и уж только тогда начинает действовать сознание, которое вступает в обратную связь с этими образами. Таким образом, мы никак не можем принять это определение.

С понятием симуляции реальности связывает *виртуальное* в своей докторской диссертации и О.И. Елхова. Так, она пишет: «Виртуализация, т. е. возникновение и существование виртуальной реальности, представляет собой процесс замещения реальности ее симуляционным образом, смоделированным современными техническими средствами» (Елхова, 2011: 10).

На позицию, которая отождествляет феномен виртуальной реальности с симуляком и имитацией, можно дать такой ответ. В классической латыни слово “*simulācrum*” имело значения: 1) «образ», «изображение»; 2) «подобие», «видимость»; 3) «тень», «призрак», «привидение»; 4) сновидение (см.: Дворецкий, 1976: 932). В современной литературе это понятие соотносится с работами Жана Бодрийяра. В работе «Прецессия симулякров» он пишет: «Симуляция – это порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» (Бодрийяр, 2015: 5). Или еще более определенно, симулякр – это имитация несуществующего. Если мы применяем понятие «симулякра» к

пониманию виртуальной реальности, то оно уже будет расходиться с концепцией Н.А. Носова, так как он вводит константную реальность, находящуюся по ту сторону виртуальной реальности. *Симулякр* же по ту сторону самого себя ничего не имеет, если мы исходим из концепции Ж. Бодрийяра. Следовательно, на наш взгляд, данная трактовка виртуальной реальности является весьма сомнительной.

Согласно четвертому подходу, виртуальная реальность – феномен всецело социокультурный и представляет собой продукт человеческой деятельности, артефакт. Мы принимаем именно данную трактовку сущности виртуальной реальности, но лишь со стороны ее формы, так как истолкование виртуальной реальности как артефакта имеет множество вариантов. Рассмотрим некоторые. Так Е.Е. Таратута констатирует, что «виртуальная реальность представляет собой, прежде всего, конструкцию оперирования проблематизированной социальной реальностью. Она обеспечивает возможность частичной эксклюзии из общего континуума социальной реальности» (Таратута, 2007: 74). Иными словами, виртуальная реальность происходит от определенного элемента «константной реальности» (по Н.А. Носову), которой является социальная реальность.

Все-таки чаще всего под виртуальной реальностью понимается компьютерная виртуальная реальность, которая продуцирует аудиовизуальную среду, имеющую свойства интерактивности. Человек (оператор) активно взаимодействует с этой средой и ее изменяет, преобразует. Эта среда никак не может рассматриваться как мнимая. И здесь мы полностью согласны с С. Дацюком, который отмечает: «“Виртуальное” не есть мнимое или воображаемое... Виртуальное не есть несуществующее, просто мы не можем приписать ему объективное

существование... Виртуальная реальность отлична от содержания “идеального” и “потенциального”, поскольку, идя от теоретической традиции (“идеальное – реальное”, “идеальное – материальное” и “актуальное – потенциальное”), устанавливает совершенно иную оппозицию “виртуальное – актуальное” (Дацюк).

Нам представляется, что решить проблему сущности виртуальной реальности можно благодаря понятиям *идеальное* и *реальное*, а также *содержание*, *форма*, *материя* и *возможное*. Аристотель ввел категории материи и формы. Согласно ему, «все, что возникает вследствие чего-то, из чего-то и становится чем-то» (Аристотель, 1975: 197). То, из чего нечто возникает, он называет материей, то, сообразно чему оно возникает, – формой. Форма, согласно ему, определена и активна, материя же тесно связана с понятием возможности, предстающей в двух ипостасях – *δύναμις* (потенция, возможность, мощь) и *στέρησις* (лишенность). Их можно рассматривать как активную и пассивную возможности. Все возникшее образовано единством материи и формы. Концепцию Аристотеля во многом повторяет Г.В.Ф. Гегель, развивая диалектику материи и формы. Гегель отмечает, что «форма *предполагает* материю, с которой она соотносится. Но это не значит, что форма и материя *противостоят друг другу* внешне и случайно... И наоборот, форма предполагается материей...» (Гегель, 1971: 78). Но форма соотносится не только с материей, но и с содержанием. Отметим, что Гегель различает два вида формы – внешнюю и внутреннюю. Внешняя более тесно связана с материей, внутренняя же – с содержанием, она есть форма самого содержания. В своей «Науке логики» Гегель рассматривает категории на онтологическом уровне. М.М. Бахтин рассмотрел соотношение этих категорий на примере культурной действительности, притом дал трактовку их соотношения

несколько иначе, чем Гегель. По его мнению, «форма должна быть понята и изучена в двух направлениях: 1) изнутри чисто эстетического объекта как архитектурная форма, ценностно направленная на содержание..., отнесенная к нему, и 2) внутри композиционного материального целого произведения: это изучение техники формы» (Бахтин, 2003: 311). Следовательно, архитектурная форма является формой самого содержания, а композиционная форма – это форма воплощения в материале (материи, субстрате) содержания с его архитектурной формой. И здесь мы подключаем понятия *реального* и *идеального*. В классической латыни слово “*realis*” не существовало. Оно появилось в средневековой латыни, на которой философы и теологи вели так называемый спор об универсалиях. Слово “*realis*” означало «действительный», существующий в действительности, а не только в сознании и языке (*nominalis*). Как известно, согласно номиналистам, объективно существуют лишь единичные феномены, а универсалии суть лишь основанные на действительном сходстве обобщения, которым придаются имена. Реалисты же утверждали, что универсалии существуют объективно и независимо от сознания и языка (*universalia sunt realia*). Вообще говоря, существуют различные понимания реальности. Чаще всего под ней понимают бытие наличное, предметное бытие. Такому бытию (реальности) в классической традиции противопоставляются: 1) вечный, непознаваемый, а точнее говоря, апофатичный Абсолют, бытие которого может быть выражено только в виде отрицаний, и 2) бытие эйдетическое, бытие идей, эйдосов (Платон) или форм (Аристотель).

Эти две формы бытия трансцендентны обычному *сущему*, предметной реальности. Последняя может быть стратифицирована, и в этом смысле можно говорить о физической реальности,

биологической реальности и т. д., имея в виду, что та же физическая реальность составляет лишь некоторую часть онтологического Бытия. При этом традиционно считается, что реальное соотносится с идеальным (по-немецки *Ideelle*).

К. Маркс, анализируя товарный мир, выработал свою концепцию идеального. Он писал о цене, что она есть «идеальная, или представленная» (“*ideelle oder vorgestellte Form*”). Э.В. Ильенков показал, что в русских переводах «Капитала» и примыкающих к нему работ слово “*vorgestellte*” переведено не совсем верно, а именно как «существующий в представлении», то есть в субъективном мире человека. Между тем идеальная форма является *объективной*. Некий предмет представляет себя через другой предмет и тем самым существует для субъекта идеально. Э.В. Ильенков отмечает: «Определение идеального, таким образом, сугубо диалектично. Это то, чего нет и вместе с тем есть, то, что не существует в виде внешней, чувственно воспринимаемой вещи и вместе с тем существует как *деятельная способность человека*. Это бытие, которое, однако, равно небытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутреннего образа, потребности, побуждения и цели. Именно поэтому *идеальное бытие* вещи и отличается от ее *реального бытия*, как и от тех телесно-вещественных структур мозга и языка, посредством которых оно существует “внутри” субъекта. От структур мозга и языка идеальный образ предмета принципиально отличается тем, что он – *форма внешнего предмета*. От внешнего же предмета идеальный образ отличается тем, что он опредмечен непосредственно не во внешнем веществе природы, а в органическом теле человека и в теле языка как субъективный образ. Идеальное есть, следовательно, субъективное бытие предмета, или “инобытие” предмета, –

бытие одного предмета в другом и через другое, как выражал такую ситуацию Гегель» (Ильенков, 1962: 384-385).

Идеальное существует объективно, но без человека-субъекта оно является таковым лишь потенциально. Возьмем известную статью Э.В. Ильенкова «Идеальное», опубликованную в 1962 г. во втором томе советской «Философской энциклопедии» (Ильенков, 1962). Идеальное (содержание статьи) опредмечено в ней в виде текста, т. е. определенным образом оформленной системы знаков (в данном случае букв). Но открывается это содержание, то есть становится не только потенциальным, но и актуальным, для начавшего читать статью человека. В этом отношении идеальное становится одновременно объективным и субъективным: на стороне текста оно объективно, на стороне читателя субъективно, становится (разумеется, в меру понимания) его деятельностной способностью. Отсюда мы можем «перекинуть мостик» к понятию виртуальной реальности. Как совершенно правильно констатирует Т.А. Кирик: «Виртуальная реальность существует, пока действует порождающая реальность; человек, находящийся в виртуальной реальности, непосредственно в ней участвует (свойства актуальности и интерактивности)» (Кирик, 2004: 7).

Исходя из вышеизложенного, мы и можем дать определение виртуальной реальности. Первое, данный феномен можно попытаться определить как *реально-идеальный феномен*. Идеально в нем содержание и его (архитектоническая) форма. Реальным является опредмеченная посредством композиционной формы структура, в которую входят как минимум техническое устройство (компьютер) и программное обеспечение. Но при решении более сложных задач с виртуальной реальностью используются разного рода специальные гаджеты – шлем виртуальной реальности, перчатки виртуальной реальности, костюм виртуальной

реальности и др. А что является материей, в которой воплощена композиционная форма, а с ней (посредством нее) – содержание и архитектурная форма? Как таковой ею является электромагнитное поле, то, через что осуществляется взаимодействие. Оно, поле – естественный носитель, субстрат виртуальной реальности.

Таким образом, не надо изобретать никакие сложные нагромождения понятий, не надо определять данный феномен как некую особую, невиданную реальность. Эта реальность, конечно, по своей сложности отличается от телевидения, радио и тому подобного, но существует по тому же принципу. Когда, включая свой компьютер и намереваясь открыть интернет или посмотреть тот или иной фильм или нечто тому подобное, человек находит соответствующий сайт и, закрыв его, может снова на него зайти, – это все дело техники и технологий, которые, конечно, намного сложнее, чем телевизионные технологии.

Заключение

Все трактовки сущности феномена виртуальной реальности имеют своим основанием неправильное понимание соотношения реального и идеального, а также невладеение диалектикой соотношения формы и материи и неразличение двух видов формы. Применение этих понятий позволяет раскрыть сущность и способ существования виртуальной реальности.

Необходимо отметить, что диалектика становления включает в себя необходимым образом и понятие возможности. В результате становления реальным становится то, что до этого было потенциальным. Например, если мы рассматриваем компьютерную виртуальную реальность, актуализируется то, что было заложено возможностями соответствующей программы. Эта реализация, актуализация возможного носит свои особенности. В связи с этим

более внимательного анализа требует работа С.С. Хоружего и его понимание «недорода бытия». На формирование его концепции явно оказала влияние современная физика, конкретно, понимание виртуальной частицы, а с другой – попытка избежать эссенциалистского подхода. Однако мы должны отметить, что если мы отказываемся от понятия сущности, формы, то тогда все существующее оказывается недородом бытия! Вспомним его утверждение: «Виртуальная реальность – недовыступившее, недорожденное бытие» (Хоружий, 1997: 66). Если нет сущности, формы, возникает вопрос: что же тогда порождается или выступает в наличное бытие? Воплощается то, чего нет.

Если же мы касаемся понимания виртуальной реальности, то должны отметить, во-первых, что мы имеем дело не с *фюзис*, а с *тэхне*, если использовать язык античной философии. Далее, в виртуальной реальности реализуется, и реализуется двояким образом, то, что заложено в компьютерной программе. Во-первых, оно актуализируется на определенном гаджете (мониторе, шлеме с очками и т.д.), а во-вторых, в сознании человека. Несмотря на критику, мы можем все-таки согласиться с С.С. Хоружим, что виртуальная реальность – это «недород бытия», так как порождающим устройством является не природа, а конкретное техническое устройство, а воплощается оно не в обычной реальности, а, в конечном итоге, в нашем сознании.

Далее, в обычной реальности наше сознание отражает обычные вещи, а в случае виртуальной реальности – отражает и взаимодействует с образами компьютерной реальности. Мы можем даже менять реальность, если это позволяет изначальная программа. Таким образом, такое отражение прямым образом носит *деятельностный* характер, возникающий в результате взаимодействия с компьютерной средой. Отметим, что эта работа носит в большей степени характер

постановки проблемы, а вот *аналитика* виртуальной реальности, которая оказывается тесно связана с понятиями формы, материи, возможности, становления, отражения, идеального и реального, требует более обстоятельной работы, которую авторы планируют выполнить в ближайшее время.

Литература

Аристотель. *Метафизика* // Сочинения. В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 63-367.

Бахтин, М.М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин, М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 266-325.

Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное / пер. с лат. Г.Г. Майорова, И.В. Лупандина, А.В. Апполонова. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. 584 с.

Бодрийяр, Ж. Прецессия симулякров // Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2015. С. 5-61.

Вайсман, А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. 1370 с.

Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.

Дацюк, С. Виртуальная реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.netstalking.org/storage/cyberlib/lib/critica/sd1.html> (дата обращения: 02.09.2024).

Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

Елхова, О.И. Онтологические аспекты визуализации виртуальной реальности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2006. 22 с.

Елхова, О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2011. 38 с.

Ильенков, Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории // Э.В. Ильенков. Собрание сочинений. Т. 4. Диалектическая логика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 222-449.

Ильенков, Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. Дизъюнкция – Комическое. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 219-227.

Кирик, Т.А. Виртуальная реальность: сущность, критерии, типология: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004. 23 с.

Кириллова, А.А. Проблема виртуальной реальности: социально-философский аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2009. 20 с.

Кликушина, Н.Ю. Виртуализация действительности в сознании субъекта как элемент социальной реальности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2007. 16 с.

Корсунцев, И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность. Философские и психологические проблемы. М.: Б. и., 1997. С. 37-55.

Лобанков, И.Д. Современные концепции виртуальной реальности // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). С. 98-103.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: В 30 т. Т. 23. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1960. С. 43-784.

Носов, Н.А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. 17 с. (Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 15) [Электронный ресурс]. URL: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (дата обращения: 02.09.2024).

Носов, Н.А. Словарь виртуальных терминов (Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. Труды центра профориентации). М.: Путь, 2000. 69 с.

Розин, В.М. Виртуальная реальность как форма современного дискурса // Виртуальная реальность. Философские и психологические проблемы. М.: Б.и., 1997. С. 56-64.

Словарь иностранных слов. Изд. 16-е, испр. М.: Русский язык, 1988. 622 с.

Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб.: СПбГУ, 2007. 147 с.

Тягунова, Л.А. Виртуализация социума: сущность и тенденции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 18 с.

Хоружий, С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53-68.

References

Aristotle (1975), *Metafizika* [Metaphysics], Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (2003), *Problema formy, soderzhaniya i materiala v slovesnom*

khudozhestvennom tvorchestve [Self-knowledge of man as a culture-creative being: three levels of task complexity], *Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kultury*, Moscow, Russia (in Russ.).

John Duns Scotus (2001), *Izbrannoe* [Favorites], Transl. by Mayorov, G. G., Lupandin, I. V., Appolonov, A. V. Franciscan Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Baudrillard, J. (2015), "Precession of simulacra", *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation (Simulacres et Simulation)], POSTUM, Moscow, Russia (in Russ.).

Datsuk, S. *Virtualnaya realnost* [Virtual reality] [Online], available at: <https://museum.netstalking.ru/cyberlib/lib/critica/sd1.html> (Accessed 02 September 2024).

Dvoretzkiy, I. Kh. (1976), *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian dictionary], *Russkiy yazyk*, Moscow, USSR (in Russ.).

Elkhova, O. I. (2006), "Ontological aspects of virtual reality visualization", Abstract of Ph.D. dissertation, Ufa, Russia (in Russ.).

Elkhova, O. I. (2011), "Ontological content of virtual reality", Abstract of D.Sc. Dissertation, Ufa, Russia (in Russ.).

Hegel, G. V. F. (1971), *Nauka logiki. Kn. 2* [Science of Logic. Book 2], Mysl, Moscow, USSR (in Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1962), "Ideal", *Filosofskaya entsiklopediya: V 5 t. T. 2* [Philosophical Encyclopedia: In 5 vols. Vol. 2. Disjunction – Comic], *Sovetskaya entsiklopediya*, Moscow, USSR, 219-227 (in Russ.).

Ilyenkov, E. V. (2020), "Dialectical logic. Essays on history and theory", *Sobranie sochineniy. T. 4. Dialekticheskaya logika* [Collected works. Vol. 4. Dialectical logic], Kanon+, Reabilitatsiya, Moscow, Russia, 222-449 (in Russ.).

Khoruzhiy, S. S. (1997), "Genus or subgenus? Notes on the ontology of virtuality", *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 6, 53-68 (in Russ.).

Kirik, T. A. (2004), "Virtual reality: essence, criteria, typology", Abstract of Ph.D. Dissertation, Omsk, Russia (in Russ.).

Kirillova, A. A. (2009), "The problem of virtual reality: socio-philosophical aspect", Abstract of Ph.D. Dissertation, Murmansk, Russia (in Russ.).

Klikushina, N. Yu. (2007), "Virtualization of reality in the mind of the subject as an element

of social reality", Abstract of Ph.D. Dissertation, Omsk, Russia (in Russ.).

Korsuntsev, I. G. (1997), "Philosophy of virtual reality", *Virtualnaya realnost. Filosofskie i psikhologicheskie problemy* [Virtual reality. Philosophical and psychological problems], Moscow, Russia, 37-55 (in Russ.).

Lobankov, I. D. (2015), "Modern virtual reality concepts", *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 1 (46), 98-103 (in Russ.).

Marx, K. (1960), "Capital. Criticism of political economy. Vol. 1. The process of capital production", *Marks, K., Engels, F. Sochineniya: V 30 t. T. 23* [Marx, K., Engels, F., Essays: In 30 vols. Vol. 23], Politizdat, Moscow, Russia, 43-784 (in Russ.).

Nosov, N. A. (2015), *Manifest virtualistiki* [Virtualistics Manifesto] [Online], available at: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (Accessed 02 September 2024) (in Russ.).

Nosov, N. A. (2000), *Slovar virtualnykh terminov (Trudy laboratorii virtualistiki. Iss. 7. Trudy tsentra proforientatsii)* [Dictionary of virtual terms (Proceedings of the Laboratory of Virtualistics. Vol. 7. Proceedings of the career guidance center)], Put', Moscow, Russia (in Russ.).

Rozin, V. M. (1997), "Virtual reality as a form of modern discourse", *Virtualnaya realnost. Filosofskie i psikhologicheskie problemy* [Virtual reality. Philosophical and psychological problems], Moscow, Russia, 56-64 (in Russ.).

Slovar inostrannykh slov [Dictionary of foreign words] (1988), *Russkiy yazyk*, Moscow, Russia (in Russ.).

Taratuta, E. E. (2007), *Filosofiya virtualnoy realnosti* [Philosophy of virtual reality], St. Petersburg State University Publishing House, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Tyagunova, L. A. (2007), "Virtualization of society: essence and trends", Abstract of Ph.D. Dissertation, Saratov, Russia (in Russ.).

Weisman, A. D. (2006), *Grechesko-russkiy slovar. Reprint 5 izdaniya 1899 g.* [Greek-Russian dictionary. Reprint of the 5th edition 1899], Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Севальников Андрей Юрьевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. г. Москва, 109240, Российская Федерация; sevalnicov@rambler.ru

Сагикызы Аяжан, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ул. Курмангазы, д. 29, г. Алматы, 050010, Республика Казахстан; ayazhan@list.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Andrey Yu. Sevalnikov, Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Department of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; sevalnicov@rambler.ru

Ayazhan Sagikyzy, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 29 Kurmangazy St., Almaty, 050049, Republic of Kazakhstan; ayazhan@list.ru

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6

Шалимов А. Б. | Структура медиадискурса
российских региональных Telegram-каналов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация; shalimovprav@gmail.com

Аннотация. Социальные медиа как социокультурное явление в настоящее время стремительно проникают в жизнь людей, однако дефицит целостного, институционального понимания логики их развития приводит к кризисным общественным ситуациям (уголовным преследованиям, общественным протестам и т. п.). Настоящее исследование построено как попытка комплексного анализа социальных медиа в качестве сложного социокультурного феномена на основе прикладных данных и научно-философского обобщения. В основе анализа структуры медиадискурса региональных Telegram-каналов лежит прикладное исследование 164 общественно-политических блогов в двух субъектах РФ. На основе изучения кейсов данных каналов, данных из сервиса аналитики TGStat, контрольных закупок и других прикладных методов у Telegram-каналов были выявлены охват аудитории, акторы и бенефициары. 70 % исследуемых Telegram-каналов являются анонимными, но было выявлено вероятное авторство 90 % анонимных каналов, а также их возможные бенефициары. В распространении информации в региональном медиадискурсе выделяются четыре важные роли: ньюсмейкер, региональный политический Telegram-канал, региональное медиа и Level-up-канал. Большинство каналов находятся в региональном информационном пузыре, повестка из них не выходит на федеральный уровень. Полученные результаты позволяют интерпретировать региональный медиадискурс через метафору «картезианского театра». В статье рассматриваются три основные условности Telegram-дискурса: анонимности, авторства и аудитории. Делаются выводы о сложившемся характере жанра постов в Telegram-каналах, который стоит рассматривать относительно других социальных медиа как постжанр или антижанр.

Ключевые слова: медиадискурс; картезианский театр; авторство; анонимность; автореференциальность; аватар; Telegram

Для цитирования: Шалимов А. Б. Структура медиадискурса российских региональных Telegram-каналов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 60-68. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6

A. B. Shalimov

The Media Discourse's Structure of Russian Regional Telegram-channels

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; shalimovprav@gmail.com

Abstract. Social media as a socio-cultural phenomenon are rapidly entering people's lives, but the lack of a comprehensive, institutional understanding of them and the logic of their development is leading to crisis situations (criminal prosecutions, public protests, etc.). This study is structured as a comprehensive analysis of social media as a complex socio-cultural object, based on applied data and a high degree of scientific and philosophical generalisation. The analysis of the structure of media discourse of regional telegraph channels is based on an applied study of 164 socio-political blogs in 2 constituent entities of the Russian Federation. The research is based on case studies, data from the TGstat analysis service, content analysis, mystery shopping and other applied methods. As a result, the audience reach, actors and beneficiaries, etc. of the Telegram channels are identified. 70% of the studied telegram channels are anonymous. At the same time, the probable authorship of 90% of the anonymous channels was revealed, as well as their possible beneficiaries. In the dissemination of information in the regional media discourse, 4 important roles are distinguished: newsmakers, regional political telegram channels, regional media and level-up channels. Most of the channels are located in a regional information bubble; their agenda does not reach the federal level. The data obtained in the applied research confirm the understanding of regional media discourse through the metaphor of "Cartesian theatre". The researcher identifies 3 main conventions of Telegram discourse: anonymity, authorship and audience. Conclusions are drawn about the maturity of the genre of posts in Telegram channels, which should be considered as a post-genre or anti-genre in relation to other social media.

Keywords: media discourse; Cartesian theater; authorship; anonymity; self-referentiality; avatar; Telegram

For citation: Shalimov A. B. (2024), "The Media Discourse's Structure of Russian Regional Telegram-channels", Research Result. Social Studies and Humanities, 10 (4), 60-68, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6

Введение

В последнее десятилетие активно развиваются два направления исследований социальных медиа в качестве объекта – как в рамках Media Studies (критических медиаисследований, медиалогии, коммуникологии и т. д.), так и через различные узкотематические исследования (маркетинг в социальных сетях, контент-анализ на основе больших данных, исследование в информатике социальных медиа как программного кода

и т. д.). При этом наблюдается дефицит исследований социальных медиа как феномена, которые бы объединяли знания об этом объекте из различных научных областей на высоком уровне обобщения. Для экспликации итогов исследований наиболее подходящим видится общенаучный и философский категориально-понятийный аппарат, отражающий закономерности функционирования и развития социальных

медиа в качестве социокультурного объекта.

Социальные медиа как социокультурное явление проникли в повседневность людей стремительно, в то время как дефицит целостного, институционального понимания логики их развития может приводить и приводит к кризисным общественным ситуациям (уголовным преследованиям, общественным протестам и др.). Более того, увеличивается разрыв между глубинным пониманием происходящих событий и скоростью их развития, который актуализирует высокую общественную потребность в новейших исследованиях различных явлений социальных медиа.

Настоящее исследование построено как попытка комплексного анализа одного из явлений социальных медиа, понимаемого в качестве сложного социокультурного феномена, на основе прикладных данных и научно-философского обобщения. Предметом исследования служит медиадискурс в российских региональных Telegram-каналах. Целью является выявление структурных особенностей подобного медиадискурса.

Социальные медиа становятся средой обсуждения основных общественно-политических событий, формируя дискурс. Термины *дискурс* и *медиадискурс* активно используются в отечественных и зарубежных исследованиях. Ученые сходятся во мнении, что появление интернета и особенно социальных медиа привело к концентрации и сосредоточению в этой среде дискурсивных практик (Ефанов, Осокин, 2022).

В таких случаях классическое филологическое определение дискурса как «речи, погруженной в жизнь» сменяется философско-постмодернистским пониманием этого понятия как процесса обсуждения медиаповестки, разумеемой в рамках концептуальной рамки *agenda-setting* (McCombs and Shaw, 1972). В текущих условиях мы исходим из

ситуации, когда «медиа не отражают социальную действительность, а симулируют ее, создавая виртуальный конструкт, органично инкорпорируемый в пространство социальной повседневности» (Ефанов, 2023: 164). Дискурсивные практики и рождаемые в них интерпретации сами становятся источником вновь формируемой медиаповестки и новых дискурсивных практик. Структурные особенности этого процесса предметно изучены в данной статье.

Методы

Данное исследование носит междисциплинарный характер и опирается как на общенаучные методы, так и на социологический и маркетинговый инструментарий: методы наблюдения, кейс-стади (контент Telegram-каналов); метод «контрольной закупки».

В июне 2024 года автором было проведено прикладное исследование общественно-политических Telegram-каналов в двух регионах Российской Федерации. Всего было проанализировано 64 канала в Красноярском крае и 100 каналов в Иркутской области. На основе изучения кейсов, данных из сервиса аналитики TGStat, контрольных закупок и других прикладных методов у Telegram-каналов были выявлены охват аудитории, акторы и бенефициары, отношение к властям региона, лидирующим элитарным группам и крупнейшим компаниям, ведущим финансово-промышленную деятельность в этих субъектах Федерации. Собранная информация была структурирована, и на основе обобщения сделаны как практические (исследование проводилось по заказу финансово-промышленных групп), так и теоретические выводы, которые стали основой настоящей статьи.

Результаты

Исследованные каналы были ранжированы по численности

подписчиков, охвату аудитории, индексу цитирования, затем структурированы по типу – медиа, организации, политики, аналитика.

Из 164 исследованных региональных Telegram-каналов только 30 % были авторскими, остальные 70 % – анонимными. Но при этом в результате изучения кейсов выявлено вероятное авторство 90 % анонимных каналов, а также их возможные бенефициары. От четверти до половины региональных каналов в той или иной степени выступают распространителями лояльной властям субъекта Федерации информации.

Только у 1/3 каналов подразумевается какой-то механизм обратной связи – электронная почта, аккаунт Telegram, чат для обсуждения публикаций. Был проведен эксперимент с контрольной закупкой через размещение уже написанных постов от лица каналов. При отсутствии конфликта интересов с их бенефициарами подавляющее большинство анонимных каналов готово размещать посты от своего имени, но в интересах других игроков – корпораций, федеральных политических сил и т. п.

При анализе охвата аудитории, численности подписчиков и цитируемости каналов выявлены следующие закономерности:

- крайне редко обсуждаемые в регионе темы выходят на федеральный уровень. Более того, каналы, высказывая свое отношение к той или иной теме, опираются на мнения коллег из аналогичных региональных каналов. Суммарный охват аудитории обсуждаемых тем составляет от нескольких сотен до 5000 человек. Образуется «котел», замкнутый информационный пузырь из 3000-5000 человек, составляющих медийную и общественно-политическую элиту региона;

- в распространении информации в региональном медиадискурсе выделяются несколько важных ролей:

- 1) *нюсмейкер* – источник инфоповода – наиболее релевантным оказывается депутат Госдумы РФ или заксобрания региона с хорошим медийным весом и собственными развитыми представительствами в социальных сетях (лучше всего – Telegram-каналом);

- 2) *региональные политические Telegram-каналы* – запуск и поддержание обсуждения инфоповода внутри медийного и общественно-политического сообщества;

- 3) *региональные медиа* отвечают за выведение инфоповода на более широкую аудиторию внутри региона. Охваты аудитории у региональных медиа составляют от 20 000 до 50 000 человек;

- 4) *Level-up-канал* – выводит инфоповод из региональной повестки в федеральную. В ряде регионов имеются информационно-аналитические Telegram-каналы и медиа, которые обеспечивают выход региональных новостных поводов в федеральную повестку (level-up-каналы и медиа). Например, в Татарстане эту функцию выполняет Telegram-канал «Неудаща», в Башкирии – «Футляр для курая», в Псковской области – «Псковская лента новостей», в Ленинградской области – «Тайны Ленинградского двора». Среди анализируемых каналов Иркутской области такого нет, а в Красноярском крае данную роль играет авторский канал #Шалимовправ.

Обсуждение

Медиадискурсу в Telegram свойственна театральность. Обычно этот термин используется для «обозначения совокупности внешних характеристик драматического искусства, таких как сценичность, зрелищность, игра» (Пимонов, 2020: 87). Мы также опираемся на формулировку театральности по Ролану Барту: «театр минус текст» (Барт, 1989), проводя не контент-анализ конкретных постов, а исследования формы, среды, в которой существует этот контент. Мы отталкиваемся от теоремы Маршалла Маклюэна о том, что форма сообщения

транслирует значительно больше, чем само его содержание (Маклюэн, 2013).

Итак, сцена в социальных медиа – пространство обсуждения повестки, экран выступает разделителем между зрительным залом (аудиторией) и актерами (своего рода «актерами»), разыгрывающими некий «спектакль».

Д. Деннет, в частности, использовал ироническую метафору «картезианского театра» для критики вульгарно-материалистического толкования работы сознания (Деннет, 2021). Но в виртуальном мире социальных медиа эта философская метафора обретает иной, более буквальный смысл (Шалимов, 2012). За происходящим на воображаемой сцене, а именно – экране, отражающем пространство созданной (написанной) и поставленной как пьеса различными авторами виртуальной дискуссии, наблюдает гомункул, находящийся в реальном материальном мире. Внутри этой схемы возникает бесконечный регресс работы сознания, который и критикует Деннет (см.: Волков, 2008), но мы оставим за скобками именно этот аспект. Для анализа нам важна буквальность, выраженность перехода от физического мира к виртуальному и обратно. Автор из физического мира, глядя на экран, пишет реплики своего персонажа, который участвует в сценах в виртуальном театре. Зритель через экран (физический разделитель миров) наблюдает за разворачивающимся перед ним действием.

На таком уровне философского обобщения актуализируются различные сценические условности, ролевые модели, наличие драматурга, актеров (акторов) и ограниченной по численности аудитории, замкнутой в общем информационном котле.

Итак, в современном региональном медиадискурсе в Telegram получается следующее распределение ролевых моделей:

- актеры – Telegram-каналы;
- роли, персонажи – актуальные позиции Telegram-каналов;

- драматурги – авторы, администраторы Telegram-каналов;

- режиссеры – бенефициары Telegram-каналов, часто действующие через политтехнологов, реже происходит сращивание с драматургами, как и в настоящем театре;

- сцены – реакция на инфоповоды, возникающие в региональном информационном пространстве и обсуждаемые в региональных Telegram-каналах;

- реплики – посты в Telegram-каналах;

- акты – различные информационные кампании, иногда совпадающие с предвыборными;

- лейтмотивы, сюжетные линии – повторяющиеся сюжеты в Telegram-каналах;

- сцена – пространство обсуждения, ограниченное, например, территорией, о которой идет речь в публикациях (репликах);

- аудитория, зрители – подписчики Telegram-каналов.

Telegram-дискурс детерминирован целым комплексом не только театральных, но концептуальных условностей, из которых мы особо выделим три: условность анонимности, условность авторства, условность аудитории.

Условность анонимности. Telegram подразумевает возможность создания авторских и анонимных каналов, автор канала сам выбирает: указывать свое настоящее имя или использовать псевдоним. При этом программный код Telegram написан так, чтобы обеспечить конфиденциальность данных об авторстве каналов. Это противоречит интересам государства, которое хочет иметь возможность привлекать к ответственности авторов, нарушающих в постах этих каналов действующие в странах законы. Наиболее остро тема конфиденциальности данных встала в 2024 году в связи с арестом создателя и владельца Telegram П. Дурова во Франции, что привело к изменению в

этом социальном медиа политики открытости данных.

Но оказывается, чтобы выяснить авторство того или иного Telegram-канала, не обязательно быть сотрудником спецслужб. И на федеральном уровне, и особенно на региональном образуется рынок (Хабермас, 2023), в котором участники знают друг друга. Поскольку систематическая деятельность по ведению каналов подразумевает высокую включенность, администраторы вступают в различные отношения с политическими силами, друг с другом, образуя союзы (это называется «сетки»), как следствие, «выдают» себя. Конечно, некоторым проектам удастся сохранить анонимность в течение длительного времени, но прикладное исследование показало возможность добиться деанонимизации более 90 % каналов в двух регионах России.

Более того, в коммуникации между Telegram-каналами в рамках той или иной ситуации (предвыборной кампании, лоббирования финансово-промышленными группами своих интересов и т. д.) участникам становятся понятны интересанты, бенефициары Telegram-каналов, так как их список тоже ограничен, позиция понятна, стиль узнаваем.

Осознаваемая участниками условность анонимности приводит к игре в анонимность. «Все всё понимают», но при этом делают вид, «что это не мы». А это напрямую связано и с условностью авторства.

Условность авторства. Авторы анонимных Telegram-каналов фактически отказываются от собственного авторства. Начинается это с отречения от своего имени. Новое имя всегда есть новая идентификация.

Анонимные Telegram-каналы выбирают в качестве названия различные псевдонимы. С одной стороны, это выглядит как возврат к традиции протосоцмедиа LiveJournal, где пользователи подписывались виртуальными никнеймами, далее же

логика развития социальных медиа заключалась в полной персонализации, открытии личных данных. Но, с другой стороны, анонимные Telegram-каналы своим неймингом подчеркивают условность, когда за проектом стоит не персона, а именно сам канал и есть персонаж. И даже важнее – это медиа. В Telegram происходит отход от концепции социальных медиа, по которой каждый человек – это медиа (Шалимов, 2013), происходит эмансипация медиа от человека.

Выбор названия Telegram-канала – часть перформанса. Активно используются эпатажные имена, двусмысленные, контекстуальные.

Уже на уровне названий каналов возникает автореференциальность (Жаккар, 2023). Так, например, в Иркутской области есть проекты:

- «Байкальский баклан», «Иркутский буреветник», «Прибайкальский крокодил», «Иркутский волчок», использующие анималистическую логику названий и одновременную игру слов с двойственными значениями;

- «Приангарские думы», «Иркутский дзынь», «Байкальский Писыч», «Иркутский сплетник», «Байкальский спойлер», «Ангарский болтун», «Стукачев» (одновременно отсылка к фамилии спикера Иркутской гордумы Е. Стекачева) отражают ироническое отношение к собственному продукту;

- форматный Telegram-канал «Иркутский дрын» в своем названии, с одной стороны, отражает будущую концепцию, с другой, реферирует к каналу «Иркутский дзынь»;

- каналы «Иркутский коррупционер» и «Ангарский коррупционер», несмотря на почти одинаковые названия, ведутся разными авторами, в различной стилистике, преследуют дифференцированные цели, локализованы не на одной территории (г. Иркутск и г. Ангарск).

Сравним с названиями традиционных и электронных иркутских средств массовой информации: газета «Иркутск», Irk.ru, IrCity.ru, «Сибирское информационное агентство», «Аист-ТВ» и т. п.

Один и тот же автор может (и прикладное исследование показывает, что активно это делает) вести несколько Telegram-каналов. Когда автор один, а каналов несколько, это порождает возможность множественности личностей.

Есть термин, который в нарицательном значении используется в мире социальных медиа – аватар. В обыденном использовании в социальных медиа это главная фотография, через которую пользователь отражает свою личность. Но термин *аватар*, пришедший из индуизма, семантически значительно шире. Аватар есть воплощение личности бога, но, в силу того, что любого бога крайне сложно воплотить целостно, воплощение подразумевает некоторое нисхождение, в результате чего становится лишь ролью. Автор приобретает возможность использования одного или нескольких своих аватаров, но при этом теряет собственный язык, смыслы, приобретая внешние воплощения, в которых присутствуют чуждые идеи, трактовки, темы. По сути, авторы текстов часто высказывают не свою, авторскую позицию, а ролевую, необходимую непосредственному бенефициару. Кто в таком случае настоящий автор – автор текста, но при этом аватар, который просто администрирует канал (термин «админ» важен для размытия авторства), или бенефициар (который привносит смыслы и оценки)?

Аватар не есть автор. Автор умирает (Барт, 1989) в аватаре. А бенефициар в аватаре перерождается.

Условность аудитории.

Большинство Telegram-каналов не имеют форматов оперативной обратной связи (форумов, чатов с обсуждением и т. п.),

у меньшинства есть либо специальный аккаунт для обратной связи, либо указан личный аккаунт, либо электронная почта. Авторы понимают, что их текст прочитали, по счетчику просмотров, встроенному в юзабилити Telegram или отражаемому в специальных сервисах. Эта аудитория условна, а не конкретна. Причем условность аудитории усугубляется активно применяемыми методами накрутки подписчиков и просмотров через сторонние программы. Возникают термины «живой» и «накрученной» аудитории, а методы верификации «живости» аудитории в ситуации всеобщей ее условности носят косвенный характер.

В этой связи особое значение приобретает эффект автореференциальности в цитируемости Telegram-каналов. Telegram-каналы активно цитируют друг друга, высказывают отношение к повестке внутри информационного котла, сформированного другими проектами. Так они получают ответ на вопросы: «Кто здесь? Есть кто живой?». Есть, но это коллеги с теми же театральными условностями, как и «ты». И зачем вообще нужна внешняя аудитория, если разговор идет друг с другом? Нужны ли зрители, если сама коммуникация между участниками самодостаточна?

Весь медиадискурс разворачивается ради бенефициара, значит, важно прежде всего: прочитал ли он текст, увидел ли его, и лучше, чтобы он увидел текст через реакцию другого канала, что будет означать в его глазах общественный резонанс.

Этим объясняется то, что при емкости региональной аудитории Telegram в несколько сот тысяч человек, в «популярных» местных каналах всего от нескольких сотен до двадцати тысяч подписчиков (причем в многочисленных сообществах есть признаки накрутки). Аудитория каналов подменяется термином «влияние», выражаемым во включении в

различные дайджесты, подборки, мониторинги, которые отправляются губернаторам, Администрации Президента РФ, главам корпораций и прочая, в регулярном режиме.

Выводы

Telegram-каналы через условность анонимности, авторства и аудитории внутренне дискредитируют принципы социальных медиа, которые предполагают персонализацию, открытость аудитории, ее виральность, предоставление возможности максимально широкого распространения информации.

Дискурсивные посты в Telegram-каналах выглядят как пародия на посты в других социальных сетях – «многобукв», ссылок, трудности с получением доступа к «историям» и т. д. Если, следуя М. Бахтину, определять жанр как «нормативное значение» (Бахтин, 2000), организацию коммуникации (литературной, языковой, социальной, в нашем случае – медиатизированной), то можно говорить о признаках упадка самого жанра постов в социальных медиа. Можно сказать, что посты в Telegram-каналах, особенно «анонимных», формируют постжанр или даже антижанр социальных медиа.

Это не означает мгновенной или приближающейся смерти массмедиа, наоборот, скорее, говорит о том, что они достигли максимальной степени своей содержательной реализации, организации медиадискурса во всей его структурной полноте. При этом сохраняются возможности количественного роста – по численности пользователей, распространению в мире, воплощению в различных мультимедийных формах. По сути же, это будет самоповторение, а не зарождение новых сущностей.

Литература

Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин, М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.

Волков, Д.Б. Теория сознания Д. Деннета: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 167 с.

Деннет, Д. Разум: от начала до конца / пер. с англ. М.С. Соколовой. М.: Бомбора, 2021. 528 с.

Ефанов, А.А., Осокин, А.А. Дискурс социальных медиа: к проблеме интерпретации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 509-527. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).509-527

Ефанов, А.А. Фейковизация и постправдивизация информационной повестки дня в контексте первой «волны» пандемии коронавируса (COVID-19) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 6: Журналистика. С. 161-170. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-6-161-170

Жаккар, Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с.

Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. с англ. И.О. Тюриной. М.: Академический проект, 2013. 496 с.

Пимонов, В.И. Театральность и мимикрия: от театра животных до Шекспира // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. Т. 22. № 71. С. 87-92. DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-71-87-92

Хабермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.

Шалимов, А.Б. Сознание социальных сетей: малый картезианский театр // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-2. С. 200-202.

Шалимов, А.Б. Философия социальных сетей: онтологический и социально-философский анализ: Монография. Новосибирск: ЦРНС, 2013. 153 с.

McCombs, M.E., Shaw, D.L. The Agenda-setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. P. 176-187.

References

- Bakhtin, M. M. (2000), *Epos i roman* [Epic and novel], Azbuka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Barthes, R. (1989), *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics] [Œuvres sélectionnées: Sémiotique: Poétique], Transl. by Kosikov, G. K. Progress, Moscow, USSR (in Russ.).
- Dennett, D. (2021), *Razum: ot nachala do kontsa* [Mind: from start to finish], Transl. by Sokolova, M. S., Bombora, Moscow, Russia (in Russ.).
- Habermas, J. (2023), *Novaya strukturnaya transformatsiya publichnoy sfery i deliberativnaya politika* [Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik] [New structural transformation of the public sphere and deliberative politics], Transl. by Atnasheva, T., Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).
- Jaccard, J.-Ph. (2011), *Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: Izbrannyye raboty o russkoy slovesnosti* [La littérature en tant que telle. De Nabokov à Pouchkine: Œuvres choisis sur la littérature russe] [Literature as such. From Nabokov to Pushkin: Selected works on Russian literature], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).
- McCombs, M. E. and Shaw, D. L. (1972), "The Agenda-setting Function of Mass Media", *Public Opinion Quarterly*, 36, 176-187.
- McLuhan, M. (2013), *Galaktika Gutenberga. Stanovleniye cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man], Transl. by Tyurina, I. O., Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia (in Russ.).
- Pimonov, V. I. (2020), "Theatricality and Mimicry: from Animal Theatre to Shakespeare", *The Proceedings of the Samara Academy of Sciences Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities, biomedical sciences*, 71 (22), 87-92 (in Russ.).
- Shalimov, A. B. (2012), "Consciousness of Social Networks: Small Cartesian Theater", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 9-2, 200-202 (in Russ.).
- Shalimov, A. B. (2013), *Filosofiya sotsialnykh setey: ontologicheskii i sotsialno-filosofskii analiz: Monografiya* [Philosophy of social networks: ontological and socio-philosophical analysis], Publishing house of the Center for the Development of Scientific Cooperation, Novosibirsk, Russia (in Russ.).
- Volkov, D. B. (2008), "D. Dennett's theory of consciousness", Ph.D. Thesis, Moscow State University, Moscow, Russia (in Russ.).
- Yefanov, A. A. (2023) "Fake and Post-Truth News in the Information Agenda in the Context of the First 'Wave' of the Coronavirus Pandemic (COVID-19)", *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 22 (6): Journalism, 161-170 (in Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-161-170
- Yefanov, A. A., Osokin, A. A. (2022), "Social Media Discourse: Towards the Problem of Interpretation", *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11 (3), 509-527 (in Russ.).
- Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.
- ОБ АВТОРЕ:**
Шалимов Андрей Борисович, соискатель кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация; shalimovprav@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-8634-4356
Researcher ID: LJK-5237-2024
- ABOUT THE AUTHOR:**
Andrey B. Shalimov, Applicant of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; shalimovprav@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-8634-4356
Researcher ID: LJK-5237-2024

УДК 167.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-7

Монастырская И. А.¹,
Мальков А. В.²

Герменевтико-феноменологический опыт
интерпретации проблемы инвективной лексики

¹Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 315012, Россия; mirina70@yandex.ru

²Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 315012, Россия; alexsey-malkov@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы вызвана процессами нарастания агрессии в обществе. Одним из наиболее заметных становится явление инвективы – формы агрессивной и оскорбительной речи, особенно частой в повседневном и виртуальном общении, распространение вербальной агрессии в ее наиболее грубой форме – обценной речи в детской, подростковой и молодежной среде. Инвектива и обценная лексика как предмет исследования имеет генетические корни в природе человека и не исчезает с развитием цивилизации, выполняя определенный функционал в истории и культуре разных народов. Вместе с тем инвективная речь до сих пор не подвергалась глубокому, всестороннему анализу в отечественной философии. Авторы предлагают рассматривать данное явление в его целостности и полагают, что предметное единство феноменологической и герменевтической традиций позволяет интерпретировать активность сознания и языка, фокусируясь на воздействии лексических выражений инвективы на становление личности, на мировосприятие детей. Получены основные выводы: 1) изначальная «онтологическая активность» сознания, выраженная в языке, как отражение потребности чувственного проявления в негативном отношении к чему- или кому-либо, как эмоциональный «выброс» агрессии в инвективной лексике, то есть не в действии, а в артикуляции, имеет свои положительные свойства; 2) проявление такой речи в социуме в разные эпохи обусловлено потребностью во взаимодействии людей и оценки того или иного явления, как положительной, так и отрицательной; 3) особенность современного общества, в котором информация заменяет знание, множит компьютерные языки, заменяющие живой язык, имеет следствием оскудение языка и порождает инвективу и обценную лексику; 4) язык нашего времени все более теряет эмоциональную выразительность, а инвективная лексика, которая всегда была экспрессивна, сегодня часто ничего не выражает, лишь множит слова-сорняки. И наконец, речь молодежи является показателем социокультурного состояния общества: грубая, обценная речь выступает свидетельством декаданса, разрыва связей поколений, преемственности традиций и высокого стиля, разрушения цивилизационных оснований общества и культуры.

Ключевые слова: герменевтика; инвектива; инвективная лексика; обценная лексика; идентификация; М. Хайдеггер; О. Розеншток-Хюсси; М.М. Бахтин

Для цитирования: Монастырская И. А., Мальков А. В. Герменевтико-феноменологический опыт интерпретации проблемы инвективной лексики // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 69-84. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-7

I. A. Monastyrskaya¹,
A. V. Malkov² | Hermeneutic and phenomenological experience
of interpreting the problem of invective vocabulary

¹ Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukov St., Belgorod, 315012, Russia; mirina70@yandex.ru

² Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukov St., Belgorod, 315012, Russia; alexsey-malkov@yandex.ru

Abstract. The present study examines the relevance of the problem of increasing aggression in society, with a particular focus on the phenomenon of invective, defined as a form of aggressive and offensive speech that is especially prevalent in everyday and virtual communication. The study explores the spread of verbal aggression in its most rudimentary form – obscene speech – among children, adolescents, and young people. The investigation of invective and obscene vocabulary as a subject of research has its origins in human nature and is not subject to dissolution with the development of civilisation, instead performing a certain functionality in the history and culture of different peoples. Concurrently, invective speech has not yet been subjected to in-depth, comprehensive analysis in domestic philosophy. The present study proposes a comprehensive analysis of this phenomenon, arguing that the integration of phenomenological and hermeneutic traditions enables the interpretation of consciousness and language. The investigation focuses on the impact of lexical expressions of invective on the formation of personality and worldview in children. The study's primary conclusions are as follows: 1) The initial "ontological activity" of consciousness, expressed in language, as a reflection of the need for sensory manifestation in a negative attitude towards something or someone, as an emotional "burst" of aggression in invective vocabulary, that is, not in action, but in articulation, has its positive properties; 2) The manifestation of such speech in society in different eras is conditioned by the need for interaction. between individuals and the evaluation of a particular phenomenon, both positive and negative; 3) the distinctive nature of modern society, in which information supersedes knowledge, leads to an increase in computer languages that replace living language, resulting in the impoverishment of language and the proliferation of invective and obscene vocabulary; 4) in contrast to preceding eras, the contemporary language is progressively losing its capacity for emotional expression. The vocabulary used for insulting or provoking others, while historically significant, currently signifies little to nothing. Fifthly, the language used by young people can be a barometer for the socio-cultural state of society. The use of impolite and impoverished language can be indicative of societal decadence, the breakdown of generational ties, the continuity of traditions and high style, and the destruction of the civilizational foundations of society and culture.

Keywords: hermeneutics; invective, invective vocabulary, obscene vocabulary; identification; M. Heidegger; M.M. Bakhtin; E. Rosenstock-Huussy

For citation: Monastyrskaya I. A., Malkov A. V. (2024), "Hermeneutic and phenomenological experience of interpreting the problem of invective vocabulary", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 69-84, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-7

Введение

В последнее время вызывает особую тревогу нарастание агрессии в обществе в разных ее формах и проявлениях. Одним из заметных аспектов проблемы в этом контексте становится явление инвективы – формы агрессивной и оскорбительной речи, особенно распространенной в виртуальном общении. Цифровая эра обогатила общество новыми средствами коммуникации, однако вместе с возможностями появились и проблемы, в том числе активное применение нецензурной лексики. Так, юристы обращают внимание на рост обращений в суды по защите прав и достоинства человеческой личности от оскорблений, агрессии в форме инвективной лексики в интернете, в социальных сетях. И особую озабоченность у специалистов и общественности вызывает распространение вербальной агрессии в ее наиболее грубой форме обценной речи в детской, подростковой и молодежной среде.

Феномен инвективы исследуется отечественными учеными в областях филологии, лингвистики, социологии, юриспруденции, семантики и даже в области искусствоведения и кинематографии. Интересны работы в контексте междисциплинарных исследований в новых научных сферах, таких как юрислингвистика, лингвокультурология, социолингвистика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика (Галяшина, 2003; Голев, 2000; Горбаневский, 2002; Жельвис, 1997; Москвин, 2017; Петрова, Рацибурская, 2011; Скребцова, 2018; Стексова, 2013: 77-81 и др.). Также необходимо отметить работу издательств по выпуску словарей инвективной, обценной лексики (Арбатский, 2000; Ахманова, 2012; Егорова, 2014; Комлев, 2006; Мокиенко, Никитина, 2001; Никитина, 2009; Плущер-Сарно, 2001; Сеничкина, 2004). Проблема инвективной лексики в последние годы

активно разрабатывается и молодыми учеными в диссертационных исследованиях (Баскова, 2006; Коряковцев, 2009; Маслов, 2014; Позолотин, 2005; Рубцова, 2009; Семенова, 2008 и др.). Однако данная проблема до сих пор не подвергалась глубокому, всестороннему анализу в отечественной философии, хотя можно добавить к уже названным словарям философский словарь (Новейший философский словарь, 1999), составленный белорусским философом и социологом А.А. Грицановым, в одной из статей которого рассматривается инвектива, ее социокультурные, национальные особенности.

Предмет нашего исследования – инвектива и обценная лексика как проявление вербальной агрессии – достаточно сложен, имеет генетические корни в самой природе человека, как отмечают психологи (Фрейд, 2002; Фромм, 1994) и не исчезает с развитием цивилизации, выполняя определенный функционал в истории и культуре разных народов. Мы предлагаем рассматривать данное явление в его целостности и сложности проявления в разных аспектах, учитывая общие черты, свойственные природе человека, и, вместе с тем, особенности проявления инвективы в ту или иную эпоху в разных культурах. Предметное единство феноменологической и герменевтической традиций дает возможность интерпретировать взаимосвязи сознания и языка, фокусируясь на воздействии лексических выражений инвективы на становление личности, особенно на мировосприятие детей. Герменевтика как древняя наука о толковании текстов и понимании их смысла, как философская методология научного познания становится неотъемлемым инструментом для анализа языковых конструкций инвективы.

В контексте этого исследования герменевтико-феноменологический подход предоставляет уникальную возможность не только раскрыть значение отдельных

высказываний, но и проанализировать их воздействие на сознание личности; особый интерес вызывает исследование такого влияния на детское «языковое сознание». Эта проблема становится все более актуальной в информационной среде, когда дети проводят значительное время в онлайн-пространстве, сталкиваясь с разнообразной лексикой, которая может оказать глубокое воздействие не только на сознание, но и в целом на их психическое состояние.

Герменевтико-феноменологическое исследование проблемы инвективы не только расширяет наше понимание этого явления, но и создает базу для разработки эффективных стратегий обучения и воспитания, а также предлагает способы правового контроля и «табу» на использование «нецензурной лексики», направленные на создание более безопасной и позитивной среды для подрастающего поколения.

Основная часть

В книге избранных работ О. Розенштока-Хюсси (Розеншток-Хюсси, 2000), немецко-американского философа, правоведа, историка, педагога, теолога, лейтмотивом проходит основная мысль: язык есть многогранное и разностороннее явление, это «языковая реальность», среда, которая образует, воспитывает человека, социализирует его, способствует развитию личности с самого детства. Другой известный мыслитель М. Хайдеггер называет язык «домом бытия», т. е. не просто средством коммуникации и выражения мысли, но главным императивом и свидетелем *человеческого* бытия в мире, освоения и обустройства своего мира. М. Хайдеггер утверждает: «В жилище языка обитает человек» (Хайдеггер, 1993: 192), «поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти» (Хайдеггер, 1993: 272). И более того, дар языка отличает человека, «только и делая его человеком», ибо

«сущность человека покоится в языке» (Хайдеггер, 1993: 259).

Философ, размышляя об ответственности человека за бытие в его открытости Dasein, по сути, предлагает отказаться от классической гносеологической модели противопоставления субъекта и объекта, сознания и реальности, в контексте которой приоритетом выступает сознание. Хайдеггеровский концепт Dasein (человеческое бытие вот-тут, здесь) предлагает другую модель – герменевтическую – с позиции понимания, в которой сознание раскрывается через язык: «Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Отношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища» (Хайдеггер, 1993: 192). Этой позиции Хайдеггера близко и понимание Джойса: «Все сущее говорит, только на свой манер» (Джойс, 1993: 94).

Важность понимания Другого (мира, человека, культуры), готовность (заинтересованность) услышать и воспринять обращенное к нам слово других особо выделяли мыслители-диалогисты – О. Розеншток-Хюсси и М.М. Бахтин, отмечая приоритет Логоса (слова), диалогическую природу языка, его открытость, «ответственность», «причастность» к бытию – со-бытию (Бахтин, 1986), ибо каждый человек становится самим собой, обретая свое «Я» только в ответ на обращенное к нему слово других (подробнее об этом см.: Монастырская, 2001)).

Но способны ли мы узреть, услышать «суть вещей» – эту неотменимую «модальность зримого» и неотменимую «модальность слышимого» (Джойс, 1993: 31-32) в нашем новом состоянии общества, на стадии его цифровизации? М. Хайдеггер

уже в начале XX века ставил под сомнение эту способность человека «суметь сказать слово» и «прислушиваться к нему» (сказу) (Хайдеггер, 1993: 272). Процесс вслушивания невозможен в мире принуждения, господства информации почти во всех сферах бытия человека. «...Стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех применениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого языка» (Хайдеггер, 1993: 195). Философ понимает этот процесс опустошения как упадок языка, и только язык поэзии, который существует без принуждения, неподвластен силе искусственного интеллекта, поэтому поэт еще может услышать голос бытия, ибо здесь слово дается самому языку – живому и чувственному свидетелю того, что человек еще существует. Ибо язык рода человеческого направлен на то, чтобы «заключать мир, оказывать доверие, почитать старших и делать свободным следующее поколение» (Розеншток-Хюсси, 2000: 106).

Одновременно другая сторона языка, как отмечает О. Розеншток-Хюсси, демонстрирует его «болезни»: мировые войны, революции, кризисы и конфликты – все это «разные проявления заболевания одного и того же, а именно языка» (Розеншток-Хюсси, 2000: 106). Декаданс культуры – это неспособность одного поколения передать императивы другому поколению, это неспособность «отцов» сказать нечто важное «детям» и нежелание «детей» услышать «отцов» (Монастырская, 2001).

Об упадке языка, его «заболевании» свидетельствует сегодня распространение инвективной лексики, нецензурной брани в обществе. Как отмечают специалисты, «табу» на использование данной лексики в

последнее время ослабло по причине «разрастания» массового общества, связанного с процессами демократизации, разрушения высоких образцов культуры, а также ослаблением государственного контроля (цензуры) за печатной сферой, СМИ, образованием и воспитанием подрастающего поколения. Ослабляются моральные и религиозные скрепы, цементирующие единство общества, преемственность традиций и связь поколений. Язык этому свидетель, такие понятия, как «мораль», «нравственность», «совесть», «добро и зло», «ответственность» исчезают из лексического словаря личности, а сферы массмедиа, интернета, социальных сетей делают все более доступной инвективную и обценную лексику, последняя стала приемлемой и даже модной в угоду пиару, как в письменной речи, так и устной, и не только среди молодежи, но и в кругах так называемого креативного класса.

Семантический анализ слова «инвектива» в словарях дает следующую картину. Слово «инвектива» в словаре иностранных слов Н.Г. Комлева (Комлев, 2006) определяется как образованное от латинского *invectivus* – «бранный, ругательный» (в свою очередь образовано от лат. – *invehor* – «бросаюсь, нападаю») – «оскорбительное выступление против кого чего-либо; оскорбительная речь, ругательство»¹. Т.В. Егорова определяет слово «инвектива» как «оскорбление, резкое выступление против кого-либо, чего-либо, обличение, выпад» (Егорова, 2014: 248). В философском словаре А.А. Грицанова инвектива (англ. *investive* – «обличительная речь, брань») определяется как «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной

¹ См. в электронной версии: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-200.htm#zag-852> (дата обращения 11.11.2024)

традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» (Новейший философский словарь, 1999: 262). У В.И. Жельвиса инвектива определена как «проявление любой вербальной агрессии, оценочности, экспрессивности, эзотеричности» (Жельвис, 1990: 7).

Вместе с тем авторы предлагают различать инвективную лексику и обценную. В узком смысле инвективой называется оскорбление, использующее обценную лексику (язык мата); в широком смысле инвектива – это любая вербальная агрессия и даже использование ее в литературных произведениях. Семантические различия определяют использование данной лексики в разных контекстах и ситуациях. Так, инвективная лексика относится к словам и выражениям, которые используются для высказываний, выражающим негативные эмоции, осуждения и оскорбления другого человека. Однако инвективная лексика не обязательно является обценной. Она может содержать негативные эмоциональные оттенки, но не обязательно содержит грубые или вульгарные выражения. Обценная лексика включает слова и выражения, которые имеют непристойный, вульгарный характер, связанный с сексуальными или грубыми темами. Этот слой лексики представляет определенный интерес для герменевтики, являясь важным средством выражения связи между ценностными представлениями общества и выражением чрезвычайно негативного отношения к объекту оценки – человеку в качестве носителя определенных черт характера, вредных привычек, нарушительно общественных норм поведения.

Вместе с тем понятие «инвективная лексика» относится к таким словам и выражениям, которые при общении нарушают установленные нормы морали, принятые в обществе (жаргонные, нелитературные выражения или диалектные формы). В.И. Жельвис определил инвективу как «такой способ

осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической группе как резкий или табуированный» (Жельвис, 1997: 16). Существенным элементом, способствующим «повышению эффективности» использования инвективного языка, согласно В.И. Жельвису, является степень непристойности. При этом необходимо учитывать ее применение в разных национальных культурах: «Непристойным может быть только то, что в данной национальной культуре и в данный момент определено как непристойное» (Жельвис, 1997: 46).

«Для изучения инвективной лексики исключительное значение имеют ситуация конкретного речевого акта, мотив говорящего, социальное положение и социальные роли адресата и говорящего» (Золотаренко, 2013: 143). Если инвектива представляет собой преднамеренное оскорбление другого человека, обладающее мотивацией осознанно унижить или оскорбить его, то инвективный речевой акт включает в себя коммуникативную стратегию говорящего, целевую направленность и ожидаемый результат, эмоционально окрашенный в конкретной ситуации (Золотаренко, 2013: 143). В случае детской речи этот аспект особенно важен, поскольку инвективы, содержащие агрессивные лексические выражения в речевом акте, оказывают глубокое воздействие на психику детей.

В процессе усвоения социального опыта ребенком играют важную роль механизмы имитации и идентификации. Это означает, что подражание поведению значимых взрослых способствует принятию их ценностей, установок и норм поведения. Именно через язык (речь), развитие умения замещать предметы разнообразными знаками происходит развитие способности идентификации. В.С. Мухина рассматривает идентификацию в качестве центрального механизма структурирования самосознания

личности, в процессе развития которой происходит ее отождествление с другим человеком и, таким образом, свойства объекта идентификации переносятся на данную личность (Мухина, 1985). Осознание своего «Я» является необходимым условием понимания, что другие люди признают тебя как личность.

Большую роль в идентификации личности играет имя – первичный элемент развивающейся системы самосознания, взаимосвязанный с телесной и духовной идентичностью человека. Феноменологическое и герменевтическое значение имени как индивидуального знака личности человека, представленного в мире и направляющего его жизненный путь, присуще всей истории человеческого рода. Притом необходимо учитывать определенную последовательность в развитии у ребенка миропонимания, процесс этот закономерен, стоит вспомнить «закон трех стадий», открытый О. Контом в XIX веке, – три этапа в эволюции миропонимания человечества: мифическое, философское (мировоззрение), научное. В развитии понимания мира и себя, своего «Я» у ребенка важно не пропустить и (или) не отстать в последовательности, сменяемости этих этапов. У психологов этап «остановки» в детстве (на мифическом этапе) определяется термином «инфантильность». В раннем детстве возникает потребность в общении со сверстниками, с любыми живыми и неживыми объектами. Игра как определяющий вид деятельности, в котором происходит идентификация ребенка с игрушками, сказочными персонажами, животными, в этот период выступает естественным, закономерным этапом в развитии миропонимания ребенка. Но когда игра остается определяющей и в последующие периоды, когда должны развиваться «языковое мышление», способность к рефлексии, познанию, труду соответственно последующим этапам обучения (образования) и взрослой жизни, это вызывает массу вопросов: «Почему

человек не хочет взрослеть и отвечать за свои поступки?», «Что такое троллинг и флейминг, каковы их последствия для психики детей и подростков?», «Кто такие квадроберы?».

Так, например, дети и подростки по всему миру стали идентифицировать себя с животными, они «передвигаются на четвереньках и имитируют повадки различных животных – кошек, собак, волков», называют себя терианами. Или квадрика, которая также стала популярна среди подростков и молодежи как вид спортивной подготовки (бег, ходьба и прыжки на четвереньках). И это естественно в детский (и подростковый) период как игровой вид деятельности и общения со сверстниками. Но вызывает опасение, когда «увлекающиеся ею дети надевают маски животных, прикрепляют хвосты и бегают по улицам на четвереньках, изображая зверей. При этом иногда подростки, вероятно, пародируют бешеных зверей – кидаются на людей, царапаются и кусаются» (<https://www.pravmir.ru/novaya-podrostkovaya-subkultura-iz-britanii-deti-predstavlyayut-sebya-zhivotnymi/>). Идентификация с таким сообществом, в котором тебя понимают, одобряют твоё поведение и даже агрессию, как в вербальном, так и невербальном языках говорит об отчуждении в семье, в школе, учебном заведении, когда ребенок или подросток чувствует себя одиноким, покинутым, непонятым.

Герменевтический подход позволяет отмечать контекстуальные особенности, ситуации, в которых дети применяют инвективную лексику. Эмоциональный контекст инвективной речи также становится объектом герменевтического анализа. Понимание эмоций, сопровождающих агрессивные выражения, позволяет более точно оценить эффект инвективной речи на эмоциональное состояние детей, раскрывая, какие чувства могут быть связаны с использованием агрессивных выражений в их повседневной

коммуникации. Однако необходимо отметить, что язык нашего времени все более теряет эмоциональную выразительность. Инвективная лексика, которая всегда была экспрессивна, сегодня часто ничего не выражает, множит слова-сорняки.

Герменевтика также позволяет глубже понять социокультурные факторы, влияющие на формирование инвективной речи у детей. Родители как первые учителя детей создают основу их языкового развития. Беседы, чтение книг, обсуждение событий и общение в семье формируют языковую обстановку, в которой ребенок усваивает различные языковые концепции. Семейная среда также включает в себя семейные традиции, обряды и обычаи, которые могут влиять на разнообразие языковых выражений, используемых в общении. Поэтому родители несут ответственность за формирование языковых привычек, способствуя правильному усвоению языковых норм и стандартов. Воспитание языковой грамотности в семейной среде включает в себя не только грамматические навыки и правильное произношение, но и этические аспекты общения. Родители могут поощрять вежливость, уважение и эмпатию в языковом общении.

Но если ребенок оказывается в неблагоприятной среде, где преобладает асоциальное поведение взрослых и царят социально-порочные ценности, он так же легко принимает эти отрицательные черты, так как оказывается в ситуации, где ему приходится подражать негативным образцам поведения и воспринимать инвективную (и нецензурную) речь. «Дети не рождаются плохими, но становятся такими, если перед их глазами – ежедневно негативный пример родителей» (Нефедов, Щербань, 1971: 89). Использование ненормативной лексики в семьях, когда ребенок не понимает значения слов и выражений, создает ситуацию, когда ребенок может прийти к выводу, что такой язык считается нормальным, поскольку им

пользуются все члены семьи. Агрессивная речь может стать причиной конфликтов с окружающими, приводя к социальной изоляции и проблемам в установлении здоровых межличностных отношений. Использование инвективы может формировать негативное мировоззрение у детей, они могут воспринимать окружающий мир как враждебный и опасный, что влияет на их общее восприятие жизни и взаимодействие с другими людьми. Эмоциональная окраска агрессивной речи может оказать существенное воздействие на детскую психику и стать фактором, формирующим их эмоциональное состояние. Инвективные выражения, содержащие оскорбления и агрессивные формулировки, вызывают у детей эмоциональные реакции, включая страх, тревогу. Такая нестабильность может привести к проблемам с эмоциональной регуляцией, а также отклонениям в вербальном поведении.

В то же время отметим такую особенность у подростков при использовании нецензурной лексики в среде сверстников, как отсутствие, казалось бы, в артикулированной агрессии каких-либо эмоций, экспрессивности. Общество потребления, отмечал Ж. Бодрийяр, порождая все больше предметов, создает такую предметную среду, в которой человеческому уже не остается места, и сам человек превращается в предмет потребления (Бодрийяр, 2023). Человек-потребитель с «клиповым сознанием» (разорванным сознанием), неспособный думать и «видеть» каузальные связи, говорит языком, не могущим выразить бытие, и тогда инвектива и нецензурная лексика выступают в языке (речи) просто как глагольная связка «есть», при этом не выражая уже никаких эмоций.

Инвективная и обценная лексика в среде подростков и молодежи является одним из показателей социокультурного состояния общества: грубая, обедненная речь выражает состояние упадка культуры, «разрухи в головах», отрицания

преимущества традиций, нивелирование высокого стиля в искусстве и культуре речи; выступает своеобразным свидетельством проявления дикости и варварства, разрушающих цивилизационные основания общества и культуры.

Этап человеческой истории, который называется «цивилизация», характеризуется «надбиологическими программами человеческой деятельности» (В.С. Степин). Однако цивилизованность общества не гарантирует человеку только процветание, созидание и благополучие, так как обратной стороной цивилизованности выступает варварство. Можно согласиться с Н.В. Мотрошиловой, что «механизмы детерминации и поведения человека, характерные для эпохи варварства, не исчезают полностью ни из жизни индивидов, ни из исторической практики человеческого общества» (Мотрошилова, 2010, 80). Проявления варварства можно сравнить с «наследственным кодом», который как на индивидуальном, так и на общем уровне социальных систем сохраняется и «прорывается» в условиях кризиса, войн, революций и т.д. И если основными понятиями, определяющими состояние цивилизованного человека или общества, выступают: «равная мера свободы и ответственности», «порядок», «безопасность», «созидание», «уважение личности», «закон», «культура речи», то характеристики состояния варварства – это «склонность к разрушению, агрессии, попранию закона и норм морали...» (Мотрошилова, 2010: 38). В отличие от древних варваров, разрушивших вечный город, не осознавая своего варварства, современный человек становится варваром осознанно, «воспитывает» варваров, нарушает моральные нормы и получает удовольствие от этой разрушительной деятельности. Частное («примордиальное»), «оттесненное на

периферию значений и смыслов социальной жизни... вырывается всплесками варварства», агрессии, насилия, бандитизма (Мотрошилова, 2010: 108). Н.В. Мотрошилова утверждает, что «неспособность современной цивилизации создать новые рамки социальной интеграции и если не преодоления, то смягчения конфликтов, которые обусловлены трансформациями и вызовами новейшей стадии цивилизационного развития» (Мотрошилова, 2010: 108) оборачивается неспособностью личности к идентификации и самоидентификации, неспособностью сформировать систему ценностных ориентаций и устойчивых убеждений, отражающих ценности культуры.

Маркером нецивилизованности, упадка высокой культуры в обществе выступает язык (речь) – инвектива у значительной части молодежи: нецензурная, обедненная речь свидетельствует о разрыве связей поколений, непонимании ими друг друга, лишая молодых людей памяти прошлого, веры в будущее, оставляя только в настоящем. А навязанный СМИ и соцсетями гламурный идеал подавляет возможности понимания смыслов, «что такое хорошо» в отличие от того, «что такое плохо». Ведь гламурный – значит, идеальный, значит, единственно возможный, и выбор не нужен. Важной особенностью жизни, идеалом которой выступает «гламурная жизнь», становится постоянное и возрастающее взаимодействие людей в интернет-пространстве, и особенно детей, подростков, молодежи, что вызывает «повышенное внимание к проблеме <...> моральных, правовых отношений в сети и необходимость создания законодательства, регулирующего цифровую сферу человеческой жизнедеятельности» (Монастырская, Пипия, Рязанцева, 2022: 150). Возникает проблема: с какими

формами общения дети могут столкнуться в интернете, и какие меры могут быть предприняты для смягчения негативного воздействия агрессивной речи, направленной на оскорбление и унижение. Обучение цифровой грамотности, включая умение распознавать и эффективно реагировать на инвективы, может стать неотъемлемой частью воспитания современных детей. Эмоциональная компетенция, включающая навыки эмоционального восприятия и эффективного управления своими эмоциями в ответ на негативные воздействия, играет важную роль в защите детей от вредных последствий агрессивной онлайн-речи.

Специалисты подчеркивают, что инвективы, особенно в форме онлайн-троллинга, могут оказывать серьезное воздействие на психическое здоровье детей. Так, Е.Н. Галичкина относит троллинг и флейминг к инсталляционным жанрам агрессивной компьютерной коммуникации: «Инсталляционные жанры агрессивной компьютерной коммуникации характеризуются атональностью и манипулятивностью и представлены в двух основных форматах общения – троллинге, состоящем в выдвигании провокационных утверждений, которые могут вызвать негативную эмоциональную реакцию пользователей сети, и флейминге, заключающемся в инвективной организации общения, намеренном использовании сниженной и вульгарной лексики и карнавальном переворачивании норм поведения» (Галичкина, 2020: 8).

В борьбе с флеймингом, где конфликты часто связаны с недопониманием, развитие эмпатии может смягчить агрессивные диалоги и создать основу для конструктивного взаимодействия. Герменевтика акцентирует наше внимание на понимании чужой перспективы. Подверженность агрессивным комментариям, угрозам или

унижениям может привести к стрессу, тревожности, и даже депрессии; развитие психосоматических симптомов, таких как бессонница или головные боли, также может быть следствием негативного онлайн-воздействия. Длительное воздействие агрессивных комментариев может снизить уровень социальной ответственности, что впоследствии может сказаться на отношениях в реальной жизни. Как отмечает С.М. Карпоян: «Посредством комментария на интернет-сайтах различного типа – новостных, аналитических, в блогах <...> ведется непрерывный диалог, отражающий жизненную реальность в виртуальном пространстве» (Карпоян, 2014, 19). Обучение людей герменевтическим навыкам, эффективным способам диалога, может помочь им более осознанно и ответственно комментировать онлайн-дискуссию. Герменевтика способствует развитию критического мышления, включая способность анализа и оценки информации, выявления личностных факторов восприятия и общения, раскрытия и преодоления страхов и предвзятостей как основы недопонимания и агрессии. Герменевтическая компетентность в целом способствует более глубокому и эмпатичному взаимодействию онлайн. Гражданское общество, равнодушные взрослые, родители могли бы более активно внедрять позитивные ценности в онлайн-пространстве. Такая поддержка позитивной сетевой культуры, где уважение и понимание другого (других) являются ключевыми ценностями, может способствовать созданию более безопасной среды для развития подрастающего поколения.

Отдельно стоит отметить проблематику юридических способов ограничения речевой инвективы в интернете и возможность их реализовать практически. В реальной жизни за

сквернословие в общественных местах предусмотрена административная ответственность, но возможна ли данная практика в цифровой сфере, и если да, то какими средствами можно достичь результата? Несмотря на попытки юридического регулирования, проблемы в области ограничения инвективы в интернете существуют, и их решение представляет собой сложную задачу. Сам термин «инвектива», как отмечалось ранее, может трактоваться по-разному, что создает проблемы при определении границ допустимого контента. Это усложняет разработку четких и однозначных юридических стандартов для борьбы с инвективой. В.И. Жельвис в своих работах определяет данную проблему так: «Юристам совершенно необходимо различать понятия непристойности и вульгаризма. Вульгаризм – грубое название предмета или действия, не преследующее никакой агрессивной цели. Безусловная непристойность – уподобление человека какому-нибудь животному, обычно отрицательно воспринимаемому. В юридической практике полезно учитывать, что часть оскорблений может время от времени использоваться в прямо противоположном смысле» (Жельвис, 1997: 203).

Можно согласиться, что проблематика неоднозначна даже в реальной сфере правоприменения, не говоря об интернет-пространстве. Одной из основных проблем в контексте ограничения инвективы является определение границ свободы выражения. Сталкиваясь с разнообразием культур, мировоззрений и социальных контекстов, различные общности определяют инвективу по-разному. Также большой проблемой является сложность выявления лиц, распространяющих инвективу в интернете, что обостряется использованием анонимных аккаунтов и технологий шифрования – анонимность

может оказаться барьером для проведения расследований. Не последнюю роль играет и отношение к понятию «свобода слова», противостояние между необходимостью борьбы с инвективой и защитой свободы слова сталкивает общество с дилеммой. Неконтролируемые попытки ограничения свободы выражения могут привести к неправомерной цензуре и нарушению гражданских прав. Отсутствие единого международного стандарта в области юридического регулирования в интернете создает проблемы в пресечении инвективы. Различия в законодательстве могут способствовать уходу нарушителей от ответственности путем перемещения в страны с менее строгими законами. Проблематика юридических способов ограничения инвективы в интернет-пространстве требует внимательного рассмотрения и разработки комплексных решений. Баланс между свободой выражения и необходимостью защиты от негативного контента является сложным вопросом, который требует согласия и сотрудничества между интернет-платформами.

Выводы

Не вызывает сомнений, что инвективная и обценная лексика изначально вплетена в язык, языковую реальность в истории развития человеческого общества и отражает потребности чувственного проявления человеческого отношения к чему- или кому-либо в негативном смысле. Эмоциональный «выброс» агрессии в инвективной лексике, то есть не в физическом действии, а в речевых актах, имеет некоторые положительные свойства. Но в то же время все более активное распространение инвективы есть проявление варварства как обратной стороны цивилизованности человека и общества.

Исследуя язык (речь) молодежи в аспекте инвективной и обценной лексики, мы приходим к выводу, что она является одним из показателей негативных проявлений в состоянии российского общества. И эта данность должна вызывать не просто обеспокоенность со стороны родителей, общественности, образовательных учреждений, но должна привести к принятию ответственных решений со стороны государственных органов, законодательства и, главное, ответственной практики в сфере образования и воспитания подрастающего поколения.

Литература

- Арбатский, Л.А. Толковый словарь русской брани. М.: Яуза, 2000. 428 с.
- Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов: 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2012. 569 с.
- Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. 23 с.
- Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
- Бодрийяр, Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: АСТ, 2023. 384 с.
- Галичкина, Е.Н. Компьютерная коммуникация. Лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. М.: Флинта, 2020. 332 с.
- Галяшина, Е.И. Основы судебного речеведения: Монография / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
- Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2000. С. 8-40.
- Джойс, Д. Улисс: роман / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего; коммент. С. Хоружего. М.: Республика, 1993. 671 с.
- Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯрГУ, 1990. 81 с.
- Жельвис, В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. 336 с.
- Золотаренко, Т.А. Уровни инвективной сущности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 142-145.
- Карпоян, С.М. Эпистемическая модальность в интернет-комментарии: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 26 с.
- Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений]. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
- Коряковцев, А.В. Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2009. 23 с.
- Кусов, Г.В. Анализ и диагностика признаков вербального оскорбления в судебной лингвистической экспертизе (типовая методика): монография. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2011. 156 с.
- Маслов, А.С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке (экспериментальное исследование): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. 24 с.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.
- Монастырская, И.А. «Грамматический метод» О. Розенштока-Хюсси как методология гуманитарных наук // Серия «Symposium»: Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12 / К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Мат-лы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. СПб., 2001. С. 87. URL: <http://antropology.ru/ru/text/monastyrskaya-ia/> (дата обращения: 08.10.2024).
- Монастырская, И.А., Пипия, А.Т., Рязанцева, Л.В. Проблема субъектности в цифровом пространстве: социально-политические, правовые и этические аспекты // Политические и социально-экономические вызовы, угрозы и трансформации современной России: монография / под ред. проф. Е.Н. Чижовой. Белгород: Изд-во БГТУ, 2022. С. 150-162.

Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка: [эвфемия: псевдоэвфемия, криптолалия, эзопов язык, дезинформация, образцовая выразительность]. Изд. 2-е. М.: URSS, 2017. 262 с.

Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. 2-е, расширен. и испр. изд. М.: ИФРАН, «Канон +» РООИ Реабилитация, 2010. 480 с.

Мухина, В.С. Детская психология / под ред. Л.А. Венгера. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1985. 272 с.

Нефедов, В.И., Щербань, Ю.Ю. Искусство воспитания в семье. Минск: Народная асвета, 1971. 174 с.

Никитина, Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: около 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1102 с.

Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. Грицанов А.А. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. 877 с.

Петрова, Н.Е., Рацибурская, Л.В., Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 155 с.

Плущер-Сарно, А. Большой словарь мата. Том 1. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. 392 с.

Позолотин, А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2005. 248 с.

Розеншток-Хюсси, О. Избранное. Язык рода человеческого / пер. с нем. и англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 608 с.

Рубцова, Е.А. Лингвокультурологический анализ молодежного сленга начала XXI века (на материале печатных СМИ): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М. РУДН, 2009. 19 с.

Семенова, Н.В. Лингвистическая диагностика инвективного слова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2008. 27 с.

Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 390 с.

Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т.В. М.: Аделант, 2012. 799 с.

Стексова, Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 77–81.

Степин, В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего: Избр. соц.-филос. публицистика. М.: ИФРАН, 1996. 174 с.

Фрейд, З. Я и Оно // Фрейд, З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2002. С. 378-390.

Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / вступ. ст. П.С. Гуревича; примеч. Т.В. Панфиловой. М.: Республика, 1994. 447 с.

Хайдеггер, М. Путь к языку // Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 264-271.

Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192-220.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / авт.-сост. А.Н. Баранов и др.; под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 424 с.

References

Akhmanova, O. S. (2012), *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms], 2nd ed., reprinted, URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Arbatsky, L. A. (2000), *Tolkovyy slovar russkoy brani* [Explanatory Dictionary of Russian Swearing], Yauza, Moscow, Russia (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], Iskustvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Baskova, Y. S. (2006), "Euphemisms as a Means of Manipulation in the Language of the Media: Based on Russian and English Languages", Abstract of Ph.D. diss. (Philology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (in Russ.).

Baudrillard, J. (2023), *Obshchestvo potrebleniya* [La société de consommation: ses mythes et ses structures] [Consumer society], Transl. by Samarskaya, E. A., AST Moscow, Russia (in Russ.).

Egorova, T. V. (comp.) (2014), *Slovar inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language], Adelant, Moscow, Russia (in Russ.).

Freud, Z. (2004), "I and It", *Psikhologiya bessoznatelnogo* [Psychology of the unconscious], Piter, St. Petersburg, Russia, 378-390 (in Russ.).

Fromm, E. (1994), *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Galichkina, E. N. (2020), *Kompyuternaya kommunikatsiya. Lingvisticheskiy status, znakovyye sredstva, zhanrovoye prostranstvo* [Computer communication. Linguistic status, sign means, genre space], Flinta, Moscow, Russia (in Russ.).

Galyashina, E. I. (2003), *Osnovy sudebnogo rechevedeniya: Monografiya* [Fundamentals of judicial speech science: Monograph], in prof. Gorbanevsky, M. V. (ed.), STENSI, Moscow, Russia (in Russ.).

Golev, N. D. (2000), "Juridification of natural language as a jurilinguistic problem", *Yurilingvistika-2. Russkiy yazyk v yego yestestvennom i yuridicheskom bytii* [Jurislinguistics-2: problems and prospects /Jurislinguistics-2. Russian language in its natural and legal existence], in Golev, N. D. (ed.), Publishing house of Altai State University, Barnaul, Russia, 8-41 (in Russ.).

Gritsanov, A. A. (1998), *Noveyshiyy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary], Publishing House of Skakun, V. M., Minsk, Belarus (in Russ.).

Heidegger, M. (1993), "Letter on Humanism", *Vremya i bytiye: stati i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches], Transl. by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, Russia, 192-220 (in Russ.).

Heidegger, M. (1993), "The Path to Language" *Vremya i bytiye: stati i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches], Transl. by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, Russia, 264-271 (in Russ.).

Joyce, J. (1993), *Ulysses: Roman* [Ulysses: a novel], Transl. by Khinkis, V. and Khoruzhy, S., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Karpoyan, S. M. (2014), "Epistemic modality in online commentary", Abstract of Ph.D. dissertation, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

Komlev, N. G. (2006), *Slovar inostrannykh slov: (boleye 4500 slov i vyrazheniy)* [Dictionary of

Foreign Words: (more than 4500 words and expressions)], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Koryakovtsev, A. V. (2009), "Invective as a Functional-Semantic Category of the Russian Language", Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Kemerovo, Russia (in Russ.).

Kusov, G. V. (2011), *Analiz i diagnostika priznakov verbalnogo oskorbleniya v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize (tipovaya metodika): Monografiya* [Analysis and diagnostics of signs of verbal insult in forensic linguistic examination (standard methodology): Monograph], Publishing House "Yug", Krasnodar, Russia (in Russ.).

Maslov, A. S. (2014), "Zoometaphors-Invectives in the Modern Russian Language (Experimental Study)", Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Belgorod State University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Mokienko, V. M. and Nikitina, T. G. (2001), *Bolshoy slovar russkogo zhargona* [Large Dictionary of Russian Jargon], Norint, Moscow, Russia (in Russ.).

Monastyrskaya, I. A. (2001), "The 'Grammatical method' by O. Rosenstock-Hussey as a methodology of the humanities", *Seriya «Symposium»: Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. Vyp. 12* [The series "Symposium": The methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the XXI century. Iss 12], *Materials of the international scientific conference. May 18, 2001, St. Petersburg* [Online], available at: <http://antropology.ru/ru/text/monastyrskaya-ia/> (Accessed 08 December 2024) (in Russ.).

Monastyrskaya, I. A., Pipia, A. T., Ryazantseva, L. V. (2022), "The problem of subjectivity in the digital space: socio-political, legal and ethical aspects", *Politicheskiye i sotsialno-ekonomicheskiye vyzovy, ugrozy i transformatsii sovremennoy Rossii: Monografiya* [Political and socio-economic challenges, threats and transformations of modern Russia: Monograph], in prof. Chizhova, E. N. (ed.), Publishing house of Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia, 150-162 (in Russ.).

Moskvin, V. P. (2017), *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language], Lenand, Moscow, Russia (in Russ.).

Motroshilova, N. V. (2010), *Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu globalnykh krizisov* [Civilization and barbarism in the era of global

crises], Publishing house of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Kanon+; Reabilitatsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Mukhina, V. S. (1985), *Detskaya psikhologiya* [Child psychology], in Venger, L. A. (ed.), Prosveshcheniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Nefedov, V. I. and Shcherban, Yu. Yu. (1971), *Iskusstvo vospitaniya v semye* [The Art of Parenting in the Family], Narodnaya asveta, Minsk, Belarus (in Russ.).

Nikitina, T. G. (2009), *Molodezhnyy sleng: tolkovyy slovar: okolo 20 000 slov i frazeologizmov* [Youth Slang: Explanatory Dictionary: approx. 20,000 Words and Phraseologisms], 2nd ed., corrected and enlarged, AST; Astrel, Moscow, Russia (in Russ.).

Petrova, N. E. and Ratsiburskaya, L. V. (2011), *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii* [The language of modern media. Means of speech aggression], Flinta, Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Plutser-Sarno, A. (2001), *Bol'shoy slovar mata. T. 1* [Large Dictionary of Swearing. Vol. 1], Limbus Press, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Pozolotin, A. Y. (2005), "Invective designations of a person as a linguocultural phenomenon", Ph.D. Thesis, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russia (in Russ.).

Rosenstock-Huussy, E. (2000), *Izbrannoye. Yazyk roda chelovecheskogo* [Selected Works. The Language of the Human Race], Universitetskaya kniga, Moscow; St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Rubtsova, E. A. (2009), "Lingvocultural analysis of youth slang of the early 21st century (based on print media)", Abstract of Ph.D. dissertation, RUDN University, Moscow, Russia (in Russ.).

Semenova, N. V. (2008), "Linguistic diagnostics of the invective word", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (in Russ.).

Senichkina, E. P. (2004), *Slovar evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Euphemisms], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Skrebtsova, T. G. (2018), *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskiye teorii, novyye podkhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches], YASK, Moscow, Russia (in Russ.).

Steksova, T. I. (2013), "Verbal Aggression in Internet Comments as Manifestation of Social Tension", *Political linguistics*, 3, 77-81 (in Russ.).

Stepin, V. S. (1996), *Epokha peremen i stsensarii budushchego: Izbr. sots.-filos. publitsistika* [The era of change and scenarios of the future: Elected soc.-philos. Journalism], Publishing house of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.).

Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii (2004) [The concept of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists], in Simonov, A. K. and Gorbanevsky, M. V. (eds), Medea, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhelvis, V. I. (1990), *Emotivnyy aspekt rechi. Psikholingvisticheskaya interpretatsiya rechevogo vozdeystviya* [Emotive Aspect of Speech. Psycholinguistic interpretation of speech impact], Publishing house of Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (in Russ.).

Zhelvis, V. I. (2001), *Pole brani: skvernosloviye kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [Battlefield: Profanity as a Social Problem in the Languages and Cultures of the World], Lodomir, Moscow, Russia (in Russ.).

Zolotareno, T. A. (2013), "Invective Essence Levels", *Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1, 142-145 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Монастырская Ирина Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 315012, Россия; mirina70@yandex.ru

Мальков Алексей Вячеславович, аспирант кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 315012, Россия; alexey-malkov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Irina A. Monastyrskaya, PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod, 315012, Russia; mirina70@yandex.ru

Alexey V. Malkov, Postgraduate Student, Department of Theory and Methodology of Science, Shukhov Belgorod State Technological University, 46 Kostyukov St., Belgorod, 315012, Russia; alexsey-malkov@yandex.ru

УДК: 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-8

Даценко П. А.

Иоганн Карл Бертрам Штюве
и проблема объединения Германии в 1848–1849 гг.*

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды и политика ганноверского министра внутренних дел Иоганна Карла Бертрама Штюве относительно революции 1848 года в Германии. Хотя Штюве считался одним из видных представителей немецкого либерализма, в 1848 году он, в отличие от многих либеральных деятелей, поддержавших и даже возглавивших революционные процессы, почти с самого начала отнесся к деятельности Франкфуртского национального собрания со скепсисом. Штюве, стоявший на принципах законности и незыблемости прав отдельных немецких земель, видел в политике революционного парламента угрозу грубого вмешательства во внутренние отношения германских монархий без учета их специфики, а в создании временного имперского правительства эрцгерцога Иоганна – фактическое отстранение монархов и их правительств от обсуждения будущей германской конституции. Парадоксальным образом Штюве, проводя в Ганновере либеральную модернизацию, в германском вопросе демонстрировал почти консервативную оппозицию революционным органам и стремился ограничить проведение их постановлений в Ганновере, рассчитывая на поддержку других правительств, в первую очередь, Пруссии. Этот курс хотя и не характеризовал Штюве как консерватора и противника революции, но все больше отделял его от большинства либеральных политиков. В силу этого Ганновер, в отличие от южногерманских земель, уже в 1848 году вступил на путь пассивного сопротивления революционным органам и разрабатывавшейся ими общегерманской конституции.

Ключевые слова: Ганновер; германский вопрос; 1848 год; Штюве; Пруссия; Австрия; конституция; либерализм

Для цитирования: Даценко П. А. Иоганн Карл Бертрам Штюве и проблема объединения Германии в 1848–1849 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 85-96. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-8

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

P. A. Datsenko

**Johann Carl Bertram Stüve and the Problem
of German Unification in 1848–1849***

State Academic University for the Humanities,
26 Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia; dacenko3322@mail.ru

Abstract. This article examines the views and policies of the Hanoverian minister Johann Carl Bertram Stüve during the 1848 revolution in Germany. Although Stüve was one of the most prominent representatives of German liberalism in 1848, unlike many liberals who supported and even led the revolutionary processes, he was sceptical of the activities of the Frankfurt National Assembly almost from the start. Stüve was committed to the principles of legality and the inviolability of the rights of the individual German states, and he saw in the policy of the revolutionary parliament a danger of interference in the internal relations of the German monarchies without taking account of their specific features, and in the creation of the provisional imperial government of Archduke Johann – the exclusion of the monarchs and their governments from the discussion of the future German constitution. Paradoxically, Stüve, who carried out liberal modernisation in Hanover, showed almost conservative opposition to the revolutionary forces in the German question and sought to limit the implementation of their decisions in Hanover, counting on the support of other governments, especially Prussia. This course did not characterise Stüve as a conservative opponent of the revolution, but it did set him increasingly at odds with other German liberals. As a result, Hanover, unlike the southern German states, adopted a policy of passive resistance to the revolutionary bodies and their work on the German constitution as early as 1848.

Key words: Hannover; German question; 1848; Stüve; Prussia; Austria; constitution; liberalism

For citation: Datsenko P. A. (2024), “Johann Carl Bertram Stüve and the Problem of German Unification in 1848–1849”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 85-96, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-8

История королевства Ганновер, существовавшего с 1815 по 1866 гг., не так часто привлекает внимание российских исследователей¹. В то же время в силу ряда обстоятельств это было одно из наиболее уникальных государств эпохи Германского союза. Эти обстоятельства, однако, носили преимущественно негативный для самого Ганновера характер. Во-первых, даже

формальная самостоятельность Ганновера была неполной в силу личной унии с Великобританией, разорванной лишь в 1837 г. после вступления на английский престол королевы Виктории. Во-вторых, политические возможности Ганновера ограничивало его уязвимое географическое положение: территория королевства была окружена с востока и с запада прусскими

* The article is prepared in the State Academic University for the Humanities as a part of the state project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

¹ Применительно к XIX веку интерес к истории Ганновера пока сохраняется в контексте истории Пруссии и наполеоновской эпохи. См.: (Стерхов, 2022).

провинциями, а его южная часть была отделена территорией герцогства Брауншвейг, что затрудняло еще и торгово-экономическую политику королевства. В-третьих, внутреннее развитие Ганновера было нестабильным: в 1830-х гг. в нем разразился конституционный кризис, достигший пика в 1837 г., когда реакционный курс нового короля Эрнста Августа I был поддержан бундестагом Германского союза. Итогом этого стала отмена либеральной конституции 1833 года и политические преследования ее сторонников. Самым ярким эпизодом этого преследования стало изгнание из Гёттингенского университета семи профессоров, среди которых были братья Якоб и Вильгельм Гримм, а также будущий министр внутренних дел Иоганн Карл Бертрам Штюве.

Штюве считался одним из самых образованных и прогрессивных деятелей своего времени, что обусловило устойчивый интерес исследователей к его вкладу в развитие немецкого права и либерализма². Наряду с Людвигом Виндхорстом его характеризуют как виднейшего представителя ганноверских (и в целом немецких) старолибералов, отделяя их при этом от поколения более радикальных в германском вопросе ганноверских младолибералов, чьи представители (Рудольф фон Беннигсен, Иоганн Микель, Готтлиб Планк и др.) позже стояли у истоков малогерманского Национального союза (John, 1987: 75-77; Anderson, 1981: 75-77).

В отличие от многих упомянутых деятелей Штюве не принимал активного участия в политической жизни Германии в годы ее объединения Бисмарком, пик его политической карьеры пришелся на революцию 1848 г., когда он был призван в

состав нового «мартовского» кабинета на пост министра внутренних дел. Признанный еще с 1830-х гг. авторитет, а также активная реформаторская деятельность Штюве позволяли ему оказывать влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику правительства, за которую формально отвечал глава кабинета граф Александр Левин фон Беннигсен. Влияние Штюве было столь велико, что сам кабинет часто обозначался как «кабинет Штюве-Беннигсена».

В этих условиях не вызывает удивления, что Штюве не мог обойти стороной главную задачу революции 1848 г. – задачу объединения Германии, причем не только в качестве министра: примерно с осени 1848 г. Штюве стал постоянным автором статей для газеты «Hannoversche Zeitung», и преобладающее число его публикаций (печатавшихся анонимно) было посвящено именно актуальным проблемам и вопросам объединения Германии³. Публицистическое, а также обширное эпистолярное наследие Штюве позволяет реконструировать его политические взгляды и их эволюцию едва ли не более полно, чем любого другого ганноверского государственного деятеля.

Развитие революционного процесса, в котором Ганноверу предстояло выстраивать свою политику, шло весной 1848 г. все стремительнее, что наглядно проявлялось в трансформации общегерманских органов: если в начале марта бундестаг еще сохранял формальное главенство, и центром обсуждения вопросов национального объединения оставался созданный им 10 марта 1848 г. комитет лиц общественного доверия («Комитет 17-ти»⁴), то уже к концу марта –

² Из новейших исследований его биографии см.: (Ipsen, 2019; Neuvel, Brakmann and Reißig, 2024).

³ Список некоторых статей Штюве в «Ханноверше Цайтунг» за 1848–1850-е гг. см.: (Stüve, 1903: 579-582).

⁴ В его состав вошли такие активные деятели либерального движения, как Ф.К. Дальман, М. фон Гагерн, Й.Г. Дройзен, Ф.Д. Бассерман и др.

началу апреля параллельно ему сложилась полностью независимая от него система революционных органов. Ее основой стал выбранный либеральными собраниями «Комитет семи»⁵, по инициативе которого с 31 марта по 3 апреля во Франкфурте был созван Предпарламент. Этот орган поручил разработать избирательный закон и провести выборы в общегерманский парламент еще одному переходному органу – «Комитету 50-ти» (Ростиславлева, 2014: 194). Наконец, 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне начало работу Национальное собрание, а в июле бундестаг Германского союза принял решение прекратить работу, передав все функции временному имперскому правительству эрцгерцога Иоганна.

Многие суждения Штюве о революции, содержавшие негативную критику, зачастую исследовались на основе более поздних его сочинений, написанных уже в 1849-1850 гг., когда кризис революционных органов власти стал очевиден, и Штюве мог намеренно критиковать то, чему в 1848 г. он вполне мог симпатизировать. Тем не менее, многочисленные личные письма 1848 г., в которых Штюве рассуждал о ходе революции и своем отношении к ней, демонстрируют последовательность и неизменность его общих взглядов и приоритетов, которые довольно скоро вступили в противоречие с курсом революционных сил.

Ключевые направления в политическом планировании Штюве обозначились еще до его назначения на пост министра: 17 марта 1848 г. он составил свою программу, в положениях которой доминировал умеренный характер⁶. И во внутренней, и во внешней политике Штюве провозглашал

необходимость либеральных реформ, в значительной степени совпадавших с теми, которые он защищал еще в 1830-х гг. во время ганноверского конституционного кризиса. Германский вопрос в этой программе затрагивался лишь в общих фразах, но даже в них Штюве проявил осторожность, настаивая лишь на ликвидации репрессивных решений 1819, 1832 и 1834 гг. (все они касались запретов и преследований оппозиции), на провозглашении свободы печати и на создании (без подробностей) представительства при бундестаге (Stüve, 1903: 13-14). Штюве, тем самым, призывал не ликвидировать Германский союз, считая, что его основу, обеспечивавшую суверенитет отдельных земель, нужно сохранить, но лишь дополнить неким представительным органом бундестаг, чтобы компенсировать его уже давно критикуемое в либеральной среде бессилие.

Другим проявлением осторожности Штюве было его изначальное дистанцирование от большинства южнонемецких либералов, чьи программы (в частности, Г. фон Гагерн) изначально казались ему излишне радикальными (Kaune and Reese, 1972: 237-238).

Судить о том, исчерпывались ли этими аккуратными предложениями намерения Штюве в германском вопросе, однозначно нельзя, поскольку в обстоятельствах, в которых составлялась эта программа, Штюве вряд ли мог или хотел сформулировать ее иначе. Этому могло быть несколько причин.

Во-первых, в эти дни Штюве, находившийся в Оснабрюке, узнавал из писем, что пожилой ганноверский король был настолько серьезно болен, что допускалась даже возможность его смерти,

⁵ В него входили преимущественно южнонемецкие либералы, например, Г. фон Гагерн, К.Т. Велькер и глава «мартовского» кабинета в Вюртемберге Ф. Рёмер. Подробнее см.: (Roth and Merck, 1850: 122).

⁶ Текст см.: (Stüve, 1903: 13-16). Умеренность этой программы отчетливо проявлялась уже во фразе: «Их (практические пункты реформ. – П. Д.) следует отложить для будущих законов, распоряжений и т. д., пока же следует все оставить по-старому» (Stüve, 1903: 13).

а кронпринц (будущий король Георг V) был «в такой степени оторван от реальности, что не желает слышать о малейших уступках и ставит в вину своему отцу, что тот уже так далеко зашел» (Stüve, 1903: 8), то есть Штюве по этим новостям мог допустить в ближайшем будущем тяжелый внутренний конфликт, просчитать последствия которого в случае перехода к радикальным преобразованиям было почти невозможно.

Во-вторых, Штюве составил свою программу в момент, когда еще не знал о своем назначении министром (это произошло лишь 20 марта (Ipsen, 2019: 117)) и, вероятно, не был уверен, что именно ему предстоит воплощать ее в жизнь. Судя по всему, главной целью для Штюве было добиться ее обсуждения ганноверским сословным собранием (Kaune and Reese, 1972: 235). В пользу этого говорит реакция Штюве на слухи о его скором призыве в состав кабинета: «Я не гоюсь для этого, знаю это точно. Я не умею организовывать работу других людей, а это необходимое искусство» (Stüve, 1903: 17-18). Не стремясь напрямую возглавить предлагаемые реформы, Штюве был заинтересован в мягких формулировках ее пунктов уже для того, чтобы они наверняка получили одобрение будущего правительства и самого короля.

В-третьих, планируя внешнеполитический курс в текущем кризисе, Штюве не мог не учитывать важнейшего фактора – итогов революции в Австрии и Пруссии. Важность понимания планов последней была особенно необходима в силу географического и экономического положения Ганновера. Поэтому любая программа ганноверского кабинета должна была согласовываться с тем курсом, который примет Пруссия как крупнейшее и влиятельнейшее государство северной Германии. Однако на момент составления программы Штюве еще не

было известно о ходе революции ни в Вене, ни в Берлине⁷. Новости из Берлина в значительной степени влияли на настроения как Штюве, так и других членов будущего кабинета: по мере поступления известий о согласии прусского короля поддержать революционные требования ганноверское правительство все более беспокоил вопрос о защите суверенитета своего королевства. Важность этого вопроса в контексте взаимоотношений с Берлином была особенно актуальной, поскольку именно со стороны Пруссии ганноверские министры ощущали перманентную угрозу поглощения их государства, попытки которого уже предпринимались Пруссией в прошлом (Стерхов, 2022).

Вне зависимости от того, рассчитывал ли Штюве на одобрение своей программы накануне формирования нового правительства или нет, именно она легла в основу заявления нового кабинета от 22 марта 1848 г. Положения о необходимых мероприятиях в общегерманском устройстве перешли туда практически дословно. Также они были повторены в речи А. фон Беннигсена на открытии ландтага 28 марта 1848 г. (Acten-Stücke, 1848: 1-2). Таким образом, именно сформулированные Штюве предложения по германскому вопросу стали частью официальной программы «мартовского» кабинета Ганновера. Тот факт, что Беннигсен как министр иностранных дел не подверг их никаким изменениям, говорит о полном согласии большинства кабинета с этой программой и о гарантированной ими поддержке Штюве и во внешнеполитических вопросах.

Вступив 22 марта в должность министра внутренних дел, Штюве при всем своем авторитете формально не имел компетенции в решении внешнеполитических вопросов, которые были прерогативой графа Беннигсена

⁷ К 18 марта он уже знал о бегстве Меттерниха, но еще не понимал ситуацию в Пруссии, поскольку

информация из газет была весьма противоречива (Stüve, 1903: 9-10).

(Kaune and Reese, 1972: 234). Это препятствие, однако, компенсировалось тем обстоятельством, что в состав новых, возникавших с началом революции общегерманских органов и комитетов от Ганновера направлялись люди, с которыми Штюве находился в тесном контакте. Например, в «Комитет 17-ти» от Ганновера был направлен советник Монастырской палаты (нем. Klosterrat. – П. Д.) Фридрих Герман Альбрехт фон Вангенгейм, с которым Штюве плотно сотрудничал и уже в 1849 г. назначил его представителем Ганновера в исполнительном органе Союза трех королей.

Еще более важным было назначение в состав Национального собрания (а в 1849 г. – в очередной состав временного правительства) близкого друга Штюве, юриста Иоганна Германа Детмольда, с которым Штюве поддерживал активную переписку, где они делились довольно подробным анализом текущей ситуации, а также взаимными советами и рекомендациями. Их переписка примечательна и тем, что в ней ярко проявились различия в их политических убеждениях: в отличие от Штюве Детмольд изначально принадлежал к крайне консервативным политикам и подвергал почти все решения и проекты Национального собрания жесткой критике. Тем не менее, их диалог на протяжении всего революционного периода не содержал признаков конфликта и сохранял удивительную для столь разных по убеждениям политиков конструктивность и взаимную расположенность.

Не менее важным для Штюве было нейтрализовать автократические взгляды ганноверского короля. Работа в правительстве монарха, 10 лет назад разгромившего либеральное движение и

организовавшего изгнание самого Штюве из Гёттингенского университета, не была простой задачей, но все же в том, что касалось внутренней политики, со стороны короля весной 1848 г. не было сопротивления. Штюве позднее объяснял это прагматизмом короля, когда писал: «Эрнст Август провел долгую часть своей жизни в практике и делах английского парламента и больших партий, которые в реальности и пишут конституцию страны. Он как никто другой владел искусством обращаться с людьми и собраниями <...> пусть он и был несведущ в отдельных вопросах и в начале правления чужой для него страной шел не тем путем <...> он всегда обладал острым и опытным взглядом и твердой рукой» (Stüve, 1900: 26). Несмотря на свою резко консервативную политическую позицию Эрнст Август, осознавая неизбежность определенных реформ и в силу возраста⁸ не имея возможности столь же энергично, как в 1837 г., вмешиваться в работу кабинета, не препятствовал проводимым Штюве внутренним преобразованиям (Ipsen, 2019: 139, 145). Это, однако, отнюдь не означало, что взаимодействие кабинета и короля было бесконфликтным, во внешней политике Эрнст Август был более непреклонен, часто осложняя работу кабинета Штюве-Беннигсена, но при этом неоднократно отказывая ему в отставке⁹. Все же умеренность германской программы Штюве и его опора на прежнюю систему Германского союза (которую нужно было реформировать, но не разрушать) совпадали с позицией короля, и в этих границах их сотрудничество было в целом обеспечено (Stüve, 1900: 27).

Озвучив в своей программе от 17 марта в качестве полезного и нужного

⁸ В июне 1848 г. Эрнсту Августу исполнилось 77 лет.

⁹ В июле 1848 г. он заявил министрам, что примет их отставку только одновременно с собственным отречением, а в 1849 г. – при условии, что сможет

найти «правительство людей чести с программой, при которой власть в Ганновере вообще сможет существовать» (Kaune and Reese, 1972: 252; Ipsen, 2019: 155).

изменения создание национального представительства при Германском союзе, Штюве в то же время не стал развивать эту идею и отказался от подробного изложения деталей и шагов по осуществлению этого преобразования. Понять очертания этой идеи можно было из его оценки выдвигавшихся другими собраниями проектов (наиболее ярко это проявилось в критике программы «Комитета 17-ти» весной 1848 г. (Kaune and Reese, 1972: 244-245), а также из его наблюдений за развитием событий во Франкфурте, где бундестаг постепенно уступал свои полномочия революционным органам. Особенно Штюве беспокоила уступчивость прусского короля революционным программам, оставлявшая Ганновер без весомой внешней поддержки. В подтверждение этого он писал, что, получив 11 апреля известие о поддержке Пруссией решения «Комитета 50-ти» о выборах в Национальное собрание, ганноверский кабинет признал, что «Пруссия во второй раз похоронила надежду найти в ней поддержку» (Stüve, 1900: 32).

Победу «Комитета 50-ти» в соперничестве с бундестагом Штюве оценивал почти как катастрофу (Stüve, 1903: 26-27) еще и потому, что это затрагивало внутреннее положение Ганновера. Утвержденный Предпарламентом избирательный закон, во-первых, противоречил законам королевства¹⁰, и во-вторых, позиционировался во Франкфурте как имеющий приоритет над законами отдельных княжеств. Штюве категорически возражал против этих положений и усматривал в постановлениях революционных органов не только отход от законного порядка, но и провокацию на

конфликт с ландтагом. В своем письме Детмольду 11 апреля он сокрушался: «Мы не можем проводить выборы на основе всеобщего избирательного права и должны идти ва-банк. Как мы это сможем сейчас при таком поведении знати!»¹¹ (Stüve, 1903: 27). Тем не менее, после того как в Пруссии был признан всеобщий принцип, предлагаемый Предпарламентом, у Ганновера фактически не оставалось выбора.

Начало заседаний Франкфуртского национального собрания 18 мая 1848 г. Штюве оценивал двояко. Признавая серьезное влияние собрания в вопросе конституции, он считал, что без опоры на отдельные правительства оно не будет иметь ни сил, ни шансов на выполнение этой задачи (Kaune and Reese, 1972: 248-249). В своей речи 17 мая 1848 г. в нижней палате ландтага он открыто заявил о поддержке «принципа согласованности» между Национальным собранием и отдельными правительствами как об аксиоме ганноверской политики (Hassel, 1898: 612). Эта речь могла быть интерпретирована как протест против национального парламента в целом, и кабинет Ганновера спешил опровергнуть возможные обвинения в принципиальной оппозиции Национальному собранию, уточняя, что Ганновер непременно поддержит полезные решения, но только если они будут выработаны на основе общей работы Национального собрания и германских кабинетов. Последствием этого стало противоречивое отношение Ганновера к инициативе франкфуртских делегатов по созданию верхней палаты – Палаты государств. Несмотря на то что Штюве всячески приветствовал саму идею верхней палаты (Kaune and Reese, 1972: 249), то обстоятельство, что Национальное

¹⁰ Избирательный закон был всеобщим, в то время как в Ганновере сохранялся сословный принцип формирования ландтагов, которые, по мнению Штюве, и должны были определять состав делегатов (Kaune and Reese, 1972: 246).

¹¹ В эти дни в Ганновере шла острая дискуссия вокруг реформирования верхней палаты ландтага, в которой часть дворянства отстаивала прерогативу верхней палаты как исключительно дворянской по составу (Ipsen, 2019: 136-140).

собрание планировало учредить ее самостоятельно, привело к обратному результату: 23 мая ганноверскому представителю в бундестаге было предписано голосовать против этой идеи (Roth and Merck, 1850: 526-527).

Опасаясь, что германские монархические правительства будут оттеснены от участия в выработке общей конституции, Штюве питал особую надежду на постановление бундестага от 3 мая 1848 г. о формировании трехчленной Директории как о последнем шансе обеспечить интерес правительств в Германии (Stüve, 1903: 29). В Ганновере идея Директории вызвала живой отклик, особенно вопрос о кандидатуре от второстепенных германских государств – 22 мая Ганновер даже уведомил другие правительства о своей поддержке кандидатуры саксонского «мартовского» министра Л. фон дер Пфортена на пост третьего члена будущей Директории (Roth and Merck, 1850: 527-529).

Эта надежда вскоре обернулась для Штюве новым разочарованием. Вместо желаемой им Директории Национальное собрание поддержало идею создания временного имперского правительства и тем самым проигнорировало постановление бундестага, что, по мнению Штюве, было грубым нарушением законного порядка (Stüve, 1903: 57-58). Выбор австрийского эрцгерцога Иоганна, которому Штюве вначале симпатизировал, не спасло ситуацию: Штюве считал, что нерешительность и отстраненность эрцгерцога приведут к диктатуре революционного большинства и откроют путь даже к республике.

Отношение Штюве к учреждению временного имперского правительства было опубликовано в официальном обращении ганноверского правительства к ландтагу от 7 июля 1848 г. В нем ганноверский кабинет хотя и признавал юрисдикцию эрцгерцога Иоганна, но одновременно выражал протест против учреждения центрального органа, который

ограничивает права и суверенитет монархов свыше разумных пределов, и от имени короля заявил о неодобрении такой конституции, «которая не обеспечивает в необходимой степени самостоятельность государств Германии» (Acten-Stücke, 1848: 1220-1221). То, что это письмо было трансляцией идей Штюве, он сам не скрывал и даже гордился своим идейным авторством (Kaune and Reese, 1972: 253-254), даже несмотря на то, что это письмо спровоцировало во Франкфурте бурное обсуждение и новые обвинения Ганновера в партикуляризме и сопротивлении национальному единству. Во избежание усугубления конфликта ганноверский кабинет все же 21 августа официально признал правительство Иоганна.

После конфликта вокруг письма ганноверского правительства, а также после самороспуска бундестага 12 июля, что стало для Штюве новым тяжелым ударом, он принял принципиальное решение перейти к более осторожной политике, соглашаясь и принимая решения Национального собрания без официальных протестов или возражений, но затягивать их исполнение, дожидаясь, пока протест против Франкфуртского парламента не наберет силу в других германских государствах (Kaune and Reese, 1972: 256). Здесь его главной проблемой стало растущее сопротивление короля. Эрнст Август, который был ярким противником вмешательства Национального собрания во внутренние дела его королевства, считая пассивное сопротивление уступкой революционному давлению, перешел к тактике прямого саботажа постановлений из Франкфурта, особенно в щепетильном для него вопросе командования ганноверской армией. В начале августа король необдуманно спровоцировал новый конфликт, запретив парад ганноверских войск с революционными знаменами и эмблемами на форме, как того требовало предписание имперского правительства. Хотя Штюве все же удалось убедить короля отозвать свой запрет, это не способствовало

их примирению, сотрудничество короля и Штюве оставалось по преимуществу ограниченным¹².

После того как Штюве сформулировал для себя тезис, что Национальное собрание «представляет не народ во всей его совокупности, а лишь его часть» (Kaune and Reese, 1972: 251), его отношение к любым действиям этого парламента было предопределено: до тех пор пока князья и их правительства не будут допущены к участию в рассмотрении общенациональных вопросов и не получат свое представительство в соответствии с прежней правовой системой, подлинной законности решения Национального собрания иметь не будут. Это убеждение руководило Штюве и в оценке работы Национального собрания над «Основными правами немецкого народа», и в разработке проекта германской конституции. В критике Штюве звучали приблизительно одни и те же пункты: чрезмерная ограниченность компетенций и прав земельных правительств в сравнении с центральной властью, слишком слабое положение главы империи перед парламентом, перспектива заполнения представительной власти демократами из-за слишком широкого избирательного закона и т. д.

Причем в отношении «Основных прав немецкого народа» интересно, что Штюве критиковал не столько сам проект (многие его положения он, наоборот, даже поддерживал (Kaune and Reese, 1972: 260)), сколько те методы, которыми Национальное собрание пыталось обеспечить их поддержку: например, им было высмеяно распоряжение имперского правительства от 22 октября 1848 г. отдельным правительствам признать

вступившими в силу часть пунктов «Основных прав», которые еще даже не были утверждены во Франкфурте (Kaune and Reese, 1972: 257). Это обнаруживало в Штюве не столько доктринера и принципиального противника всего, что утверждалось Национальным собранием, сколько противника методов и претензий революционных органов на единоличное утверждение общенемецких законов¹³.

Последним вопросом, который сформировал политический портрет Штюве в 1848 г. и предопределил его отношение к обсуждавшемуся во Франкфурте проекту конституции, был австрийский вопрос. По мере того как осенью 1848 г. в Национальном собрании наблюдался раскол между либералами-«малогерманцами», возглавляемыми Г. фон Гагерном, и «великогерманцами» под руководством К.Т. Велькера (Ростиславлева, 2014: 197-198), Штюве, вопреки тому, что на севере Германии была сильна поддержка малогерманцев, почти сразу примкнул к великогерманцам, опиравшимся на южнотеневские земли. Учитывая прежние примеры политического самоопределения Штюве, это, однако, не является неожиданным. Для него присутствие Австрии в Германском союзе оставалось такой же нормой закона, как и земельные права монархов и другие порядки, за нарушение которых он столь сильно критиковал революционные органы. Более того, Штюве прекрасно понимал, что ослабление Австрии неизбежно означало усиление Пруссии и опасность для территориальной целостности Ганновера. Уже по этим двум причинам он не мог примкнуть к малогерманскому направлению.

¹² В 1851 г., уже после своей отставки, Штюве вспоминал, что в периоды кризисов король бывал удивлен и даже растроган, если видел, что Штюве выражал ему поддержку (Stüve, 1900: 417).

¹³ Й. Ипсен, анализируя конфликт между ганноверским правительством и ландтагом весной 1849 г., завершившийся роспуском последнего,

косвенно приходит к тем же выводам: в его изложении значительную долю конфликта составлял вопрос не о содержании «Основных прав», а о прерогативе короля или Национального собрания утверждать законы в королевстве (Ipsen, 2019: 151-154).

Однако и к великогерманской концепции в том виде, в котором она фигурировала на обсуждениях во Франкфурте, Штюве относился не без опасения. Его беспокоило, что, согласно второму и третьему параграфам проекта конституции, никакая часть Германии не может одновременно являться частью другого государства, ее связь с другими государствами может допускаться лишь в личной унии. Таким образом, Австрия должна была либо отказаться от своих немецких территорий, либо полностью покинуть будущую Германию. Для Штюве в силу вышеописанных причин была неприемлемой сама постановка вопроса, где альтернативами выступали либо раздел Австрии, либо ее изгнание из Германии.

Уверенности в своей позиции Штюве придавало и то, что к малогерманскому пути склонялись в основном малые княжества, в то время как Австрия и другие средние королевства (Бавария, Вюртемберг и Саксония) все больше становились в оппозицию к Франкфуртскому собранию. С огромным воодушевлением им была встречена программа нового главы австрийского правительства князя Шварценберга, о которой он писал в «*Hannoversche Zeitung*» 8 января 1849 г.: «То, что мы давно предсказывали, сбывается. Внутренне укрепившаяся Австрия объявляет, что она не хочет быть вытеснена из Германии, что ее представители останутся во Франкфурте, что Франкфуртскому собранию не дано право единолично принимать решения» (Kaune and Reese, 1972: 264).

Этот энтузиазм, впрочем, также не был безграничным и постепенно уступал место новым тревогам, особенно после принятия Австрией конституции 4 марта 1849 г., закрепившей неделимость империи. Для Штюве, «пока эта австрийская конституция имеет силу, в Германии невозможна вообще никакая конституция» (Stüve, 1903: 192).

Отказ прусского короля от имперской короны 3 апреля 1849 г. и крах политики

Франкфуртского национального собрания, таким образом, обозначил для Штюве не столько победу над революционным произволом, сколько новый виток противоречий, в котором Австрия и Пруссия явно оказывались по разные стороны баррикад, и целью Ганновера теперь было не столько занять ту или иную сторону (Штюве видел в победе любой стороны угрозу для Ганновера), сколько, лавируя между «Сциллой австрийской реакции» и «Харибдой прусского экспансионизма» (Anderson, 1981: 48-49), искать поддержку у остальных средних государств и способствовать всеми силами возрождению бундестага в его реформированном виде с представительным и судебными органами (Kaune and Reese, 1972: 272) – цель, которую Штюве сформулировал еще в своей программе 17 марта 1848 г., и которая так или иначе оставалась основой его, на первый взгляд, хаотичных и резких переходов, будь то вступление в Союз трех королей весной 1849 г. или возврат с остальными средними германскими королевствами на проавстрийские позиции в 1850 г.

Источники

Acten-Stücke der neunten allgemeinen Stände-Versammlung des Königreichs Hannover. Erste Diät. Hannover: Helwingsche Hofbuchhandlung, 1848.

Briefwechsel zwischen Stüve und Detmold in den Jahren 1848 bis 1850 / Hrsg. von G. Stüve. Hannover-Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1903.

Quellensammlung zum deutschen öffentlichen Recht seit 1848 / Hrsg. von P. Roth und H. Merck. Bd. I. Erlangen: Palm und Enke, 1850. 554 S.

Литература

Ростиславлева, Н.В. Приоритеты Франкфуртского парламента // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 11-12 декабря 2014 г. Сб.

науч. статей: В 2-х частях. Ч. 2 / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2015. С. 193-201.

Стерхов, Д.В. Ганноверский вопрос во внешней политике Пруссии в начале XIX века (1801–1806 годы) // Новая и новейшая история. 2022. № 2. С. 38-47.

Anderson, M.L. Windthorst. A political biography. Oxford: Oxford University Press, 1981. 522 p.

Hassel, W. von. Geschichte des Königreichs Hannover. Unter Benutzung bisher unbekannten Aktenstücke. Teil. 1. Von 1813 bis 1848. Bremen: Heinsius, 1898. 658 S.

Ipsen, J. Das Reformwerk Johann Carl Bertram Stüves. Bürgermeister und Deputierter der Stadt Osnabrück – Innenminister des Königreichs Hannover. Göttingen: V&R, 2019. 208 S.

Johann Carl Bertram Stüve (1798–1872). Beiträge zu Leben und Werk / Hrsg. von C. van den Heuvel, T. Brakmann, N. Reißig. Göttingen: Wallstein, 2024. 363 S.

Johann Carl Bertram Stüve, nach Briefen und persönlichen Erinnerungen. Bd. 2. 1848–1872. Hannover-Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1900. 446 S.

John, M. Liberalism and society in Germany, 1850–1880: the case of Hanover // English Historical Review. 1987. Vol. 102. № 404. Pp. 579-598.

Kaune, R., Reese, A. Johann Carl Bertram Stüve und die Deutsche Frage 1848/49 // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 22. 1972. S. 233-274.

Sources

Acten-Stücke der neunten allgemeinen Stände-Versammlung des Königreichs Hannover. Erste Diät (1848) [Documents of the ninth general assembly of the Kingdom of Hanover. First diet], Helwing's court bookstore, Hanover, Germany (in Germ.).

Stüve, G. (ed.) (1903), *Briefwechsel zwischen Stüve und Detmold in den Jahren 1848 bis 1850* [Stüve-Detmold Correspondance in 1848-1850], Hahn bookstore, Hanover-Leipzig, Germany (in Germ.).

Roth, P. and Merck, H. (ed.) (1850), *Quellensammlung zum deutschen öffentlichen Recht seit 1848. Bd. I.* [Source collection on German public law since 1848. Vol. 1], Palm and Enke, Erlangen, Germany (in Germ.).

References

Anderson, M. L. (1981), *Windthorst. A political biography*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Hassel, W. von (1898), *Geschichte des Königreichs Hannover. Unter Benutzung bisher unbekannten Aktenstücke Teil 1. Von 1813 bis 1848* [History of the Kingdom of Hanover using previously unknown documents. Part 1. From 1813 to 1848], Heinsius, Bremen, Germany (in Germ.).

Heuvel, C. van den, Brakmann, T. and Reißig, N. (eds), (2024), *Johann Carl Bertram Stüve (1798-1872). Beiträge zu Leben und Werk* [Johann Carl Bertram Stüve (1798–1872) Articles on his life and work], Wallstein, Göttingen, Germany (in Germ.).

Ipsen, J. (2019), *Das Reformwerk Johann Carl Bertram Stüves. Bürgermeister und Deputierter der Stadt Osnabrück – Innenminister des Königreichs Hannover* [The reform work of Johann Carl Bertram Stüves, Mayor and Deputy of the city of Osnabrück – Minister of the Interior of the Kingdom of Hanover], V&R, Göttingen, Germany (in Germ.).

Johann Carl Bertram Stüve, nach Briefen und persönlichen Erinnerungen. Bd. 2. 1848–1872 (1900) [Johann Carl Bertram Stüve, based on letters and personal memories. Part 2. 1848–1872], Hahn bookstore, Hanover-Leipzig, Germany (in Germ.).

John, M. (1987), “Liberalism and society in Germany, 1850–1880: the case of Hanover”, *English Historical Review*, 102 (404), 579-598.

Kaune, R. and Reese, A. (1972), “Johann Carl Bertram Stüve and the German Question in 1848–49”, *Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte* [Lower Saxony Yearbook for Regional History], 22, 233-274 (in Germ.).

Rostislavleva, N. V. (2014), “Priorities of the Frankfurt Parliament”, *Tavricheskie chteniya 2014. Aktualnye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost. 11-12 dekabrna 2014 g. Sbornik nauchnykh statey: V 2 ch. Ch. 2* [Tauride Readings 2014. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity. December 11-12, 2014. Collection of scientific articles: In 2 parts. Part 2], ElekSis, St. Petersburg, Russia, 193-201 (in Russ.).

Sterkhov, D. V. (2022), “The Hanoverian question and Prussian foreign policy in the early nineteenth century (1801–1806)”, *Modern and Contemporary History*, 2, 38-47 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для
деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no
conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Даценко Павел Александрович,
кандидат исторических наук, доцент
исторического факультета, Государственный

академический университет гуманитарных
наук, Мароновский пер., д. 26, г. Москва,
119049, Россия; dacenko3322@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Pavel A. Datsenko, PhD in History,
Assistant Professor at the Faculty of History, State
Academic University for the Humanities, 26
Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia;
dacenko3322@mail.ru

УДК: 379.82

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-9

Зайцева Д. С.

**Вклад итальянского кино в трансформацию
советских досуговых практик 1960–1980-х гг.**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; st087519@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории изменения советской повседневности в 1960–1980-е гг. под влиянием итальянского кинематографа. В качестве теоретической базы для нашего анализа мы используем концепцию позднесоветских «пространств внаходимости», предложенную антропологом А.В. Юрчаком. Особенностью авторского подхода к теме является выбор итальянского кинематографа в качестве инструмента, проявляющего особенности формирования советской реальности 1960–1980-х гг. Наша гипотеза состоит в том, что изучение пространства «воображаемого Запада», формировавшегося в том числе и посредством фильмов итальянских режиссеров, позволяет углубить понимание основных процессов, происходивших в советской повседневной жизни. Наиболее интересен для нас вклад итальянского кинематографа, его смыслов и образов в расширение сферы приватного у советских кинозрителей. С этой целью нами проведен анализ разных типов досуговых практик советских людей, связанных с итальянским кинематографом. Мы рассмотрели практики коллекционирования фотокарточек и открыток; практики обсуждения содержания фильмов в прессе и по переписке, а также в ходе «кухонных разговоров»; ритуалы обустройства жилого пространства в рамках процесса формирования индивидуального вкуса кинолюбителя. Таким образом, статья нацелена на изучение процесса появления новых форм коммуникации и коллективности в советской повседневности через обращение к судьбе итальянского кинематографа в советской культуре. Эмпирической базой для исследования послужили статьи в периодических изданиях «Советский экран», воспоминания непосредственных участников событий, опубликованные в сети Интернет. Визуальный код представления итальянских деятелей кинематографа в советской культуре в 1960–1980-х гг. был прочитан нами на основе анализа журнальной фотографии, советских открыток и фотокарточек.

Ключевые слова: итальянский кинематограф; советский кинозритель; советская повседневность; досуговые практики; общение; пространства внаходимости

Для цитирования: Зайцева Д. С. Вклад итальянского кино в трансформацию советских досуговых практик 1960–1980-х гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 97-112. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-9

D. S. Zaitseva

The contribution of Italian cinema to the transformation of Soviet leisure practices in the 1960–1980-s

Saint Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russia; st087519@student.spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of changing Soviet everyday life in the 1960s–1980s under the influence of Italian cinema. The theoretical framework for our analysis is the concept of late Soviet "spaces of non-attendance," as proposed by anthropologist A. V. Yurchak. A distinctive aspect of the author's methodology is the utilisation of Italian cinema as a lens through which we elucidate the nuances of the Soviet reality formation process during the 1960s and 1980s. It is our hypothesis that an examination of the 'imaginary West', as constituted through Italian film, enables a more profound comprehension of the principal processes occurring within Soviet everyday life. It is of particular interest to us to examine the contribution of Italian cinema, its meanings and images, to the expansion of the space of the private among Soviet moviegoers. To this end, we have conducted an analysis of the various forms of leisure activities engaged in by Soviet citizens in relation to Italian cinema. The practice of collecting photographs and postcards was also examined, as was the practice of discussing the content of movies in the printed media and by correspondence, as well as during "kitchen conversations". Finally, rituals of arranging living space were considered as part of the process of forming an individual taste of a movie lover. The objective of this article is to examine the emergence of new forms of communication and collectivity in Soviet everyday life through an analysis of the role of Italian cinema in Soviet culture. The empirical basis for the study was formed by articles in the periodicals Soviet Screen and memoirs of direct participants in the events, published on the Internet. The visual representation of Italian cinema figures from the 1960s to the 1980s was analysed on the basis of an examination of magazine photography, Soviet postcards and photo cards.

Keywords: Italian cinema; Soviet moviegoer; Soviet everyday life; leisure practices; communication; spaces of non-attendance

For citation: Zaitseva D. S. (2024), "The contribution of Italian cinema to the transformation of Soviet leisure practices in the 1960–1980-s", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 97-112, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-9

Советская повседневность как структура, определяющая закономерность некоторой части непрерывно развивающейся отечественной культуры, сегодня активно изучается в рамках гуманитарных наук, преимущественно истории, культурологии (культурной антропологии, cultural studies), социологии. В ходе рассмотрения повседневности исследованию подвергаются вестиментарные и алиментарные практики, труд, факты производственной и домашней

жизни, гендерные отношения. Периодически воспроизводящиеся формы досуга также являются неотъемлемой частью повседневной жизни.

Особенностью авторского подхода к изучению отечественной повседневности является обращение к опыту взаимодействия советских людей с зарубежными культурными продуктами в рамках свободного времени и сферы приватного. Несмотря на то что связь итальянского кинематографа, дискурса,

формируемого вокруг него в советском обществе, и изменений, происходящих в отечественной повседневности, является мало изученной отечественными исследователями, стоит подчеркнуть: иностранные культурные продукты упоминаются в отечественных и зарубежных гуманитарных исследованиях как важная часть советской культуры. Заметим, что наиболее часто влияние зарубежных культурных форм на советскую повседневность рассматривается на примере советской моды. Наибольшее распространение в рамках изучения иностранного кино как фактора формирования советской моды получила аналитика смыслов и образов французских кинокартин в советской культуре (Дашкова, 2020; Кидакоева, Сиюхова, 2017). Интересны также работы о связи западной моды и официального советского стиля (Бартлетт, 2011). В некоторых исследованиях феномен включения капиталистических культурных форм в горизонт советской повседневности изучается через призму изменений внутри интимной и публичной сфер советской культуры, произошедших в годы хрущевских реформ (Лебина, 2015; Лебина, 2018), а также через обращение к культуре стиляг (Дашкова, 2021).

Мы же предлагаем остановиться на культурных продуктах Апеннинского полуострова в советской повседневности. Заметим, что продукты культурной деятельности Италии (выставки, кино, музыка, театр, предметы дизайнерского искусства и моды) уже рассматривались в статьях об итало-советских культурных взаимодействиях с позиции их популярности в советской культуре (Животовская, 2016), а также с точки зрения итальянского влияния на советскую потребительскую культуру (Мюллер-Веласкес, 2020; Смирнов, 2017).

В настоящей работе мы обращаем внимание на досуг как пространство межкультурного взаимодействия, в пределах которого происходят

трансформации ценностных ориентаций людей. С целью проведения анализа практик и ритуалов повседневной жизни, связанных с «воображаемым Западом», мы обращаемся к итальянскому кинематографу, поскольку он демонстрировал советскому человеку не только итальянскую культуру, но и жизненные ценности капиталистических стран. Проблема восприятия данных ценностей, формирования к ним особого отношения может быть рассмотрена на материале досуговых практик советского человека. Таким образом, итальянский кинематограф выбран нами в качестве инструмента, проясняющего особенности формирования отечественной реальности 1960–1980-х гг.

Объектом нашего исследования являются практики советской повседневной жизни. В качестве предмета исследования выбран процесс изменения досуговых практик в советском обществе под влиянием итальянских фильмов. Основной целью работы является определение вклада итальянского кинематографа в трансформацию структуры повседневности советского общества.

Перечислим исследования, послужившие теоретической базой для настоящей статьи. Это материалы о мифических представлениях людей и их проявлении в ходе повседневной жизни (Бойм, 2002); анализ идеологического дискурса эпохи «позднего социализма» и оригинальная концепция «пространств вненаходимости» внутри советской культуры в рамках антропологической проблематики (Юрчак, 2014); работа о трансляции аспектов повседневной культуры в любительской фотографии советской эпохи в горизонте визуальных исследований культуры (Бойцова, 2013); статьи о репрезентации эмоциональности и телесности в годы «оттепели» (Викулина, 2019; Викулина, 2022); книга о бытовых аспектах существования внутри социалистической реальности и попытке

определения мест отдыха и труда в жизни советского человека на примере пространства коммунальной квартиры (Утехин, 2004).

Эмпирической базой нашей статьи послужили текстовые и иллюстративные материалы советской прессы (журнал «Советский экран», сборники «Актеры зарубежного кино»); отечественные открытки рассматриваемого периода; воспоминания непосредственно включенных в советскую повседневность людей, участников описываемых нами досуговых практик.

В качестве временного интервала для исследования советской культуры были выбраны периоды «оттепели» (1956–1968) и «развитого социализма» (1968–1985) или так называемый период жизни последнего советского поколения, когда после оттепельных преобразований в сфере экономики, социальной и общественно-политической жизни стала возможной ориентация на существование в настоящем моменте времени, а не только стремление к светлому будущему. Именно с настоящим связана жизнь частная, которая, в отличие от общественной, уделяет внимание личным интересам и переживаниям человека, его собственному опыту осмысления социальной реальности. Трансформации быта в сторону повышения комфорта существования, расширение досуга и нормализации приватной жизни характеризуют повседневную жизнь последнего советского поколения.

Еще одной неотъемлемой частью жизни советского человека 1960–1980-х гг. стало присутствие в ней культурных объектов зарубежного происхождения. Объектами Иного мира, мира зарубежного, для советских людей были итальянские кинокартины, регулярно выходящие на отечественные экраны и пользовавшиеся огромной популярностью у массового зрителя. Можно предположить, что столкновение со смыслами и образами, ценностями и идеями итальянского кинематографа было особенным событием

для советского человека, которое влекло за собой преобразование повседневной жизни и активизацию некоторых потребностей, которые не могли быть удовлетворены в полной мере внутри социалистической повседневности. Именно эта гипотеза является отправной точкой нашей работы.

Ко второй половине 1960-х гг. итальянские фильмы в СССР для массового зрителя заняли нишу развлекательного кино несмотря на то что официально продолжало использоваться понятие «познавательности» для легитимации выпуска иностранной продукции, содержание которой все более не соответствовало идеологическим установкам советской власти в области кинопродукции. Итальянские комедии наряду с французскими комедиями, костюмными фильмами приключенческого жанра и мелодрамами выполняли роль зрелища. Советский зритель стал испытывать на себе эффект причастности к миру иллюзии кинематографа. Итальянские развлекательные фильмы как часть киноиндустрии Запада организованы в соответствии с системой потребления, поскольку благодаря превращению товара в зрелище могли способствовать популяризации определенного образа жизни и внешности (Ажимова, 2012: 106). В итальянских комедиях 1960-х гг. экранные образы сочетали в себе черты настоящего и вымышленного, формируя особую реальность кинозрителя, в которой стиралась граница между ним и иллюзорностью происходящего. Это стало возможным, поскольку изображаемые вещи и явления, с одной стороны, находились на пространственном и временном расстоянии, непреодолимом для зрителя. Советский человек, глядя на героинь с ярким макияжем, невероятными прическами, декольте и дорогими украшениями, осознавал несоответствие стилистики образов, транслируемых в фильме, советской культуре. С другой стороны, для отечественного зрителя 1960–

1980-х гг. из-за отсутствия опыта просмотра реалистичного голливудского кинематографа с постоянно совершенствующимися по качеству звуком и изображением кратковременное пребывание в итальянской кинореальности создавало впечатление близости всего, что представлено на экране. Магический эффект причастности к иному миру для советской аудитории был даже сильнее, чем для зрителя капиталистических стран или современной публики кинотеатров, пресыщенных спецэффектами, декорациями и трюками. Иллюзия присутствия при удаленных от аудитории ситуациях повышала притягательность образов героев и интерес к кинозвездам итальянских фильмов. Заметим, что именно с распространением зарубежного кино в советском обществе стало возможным подражание не просто актерам как творческим деятелям, а кинозвездам как недостижимому идеалу. Соблазн подражания внешности кинозвезды усиливался для советского человека тем, что он понимал недостижимость пути кумира. Исследователи феномена массовых коммуникаций предполагают, что успех определенного актера среди зрителей связан с принадлежностью его к сфере игры, таинственности, недосказанности и алогичности (Ажимова, 2012: 107). Это в высшей степени было характерно для опыта взаимодействия советского человека с итальянскими звездами, информация о которых была малодоступна, и потому ее добывание повышало интерес к кумирам. Таким образом, неспособность советского кинематографа удовлетворить возрастающую в начале формирования общества потребления в СССР потребность в зрелищных картинах и недостаток зарубежной высококачественной продукции иных стран превращал итальянское кино в важный канал взаимодействия советского человека с миром западных образов и смыслов.

Рассмотрим возможности, существовавшие у советских людей для

удовлетворения интереса к распространенному на Западе феномену кинозвезды.

Советский зритель, смотревший итальянские фильмы в 1960–1980-е гг., имел возможность познакомиться с сюжетом картины, исполнителями главных ролей еще до посещения кинотеатра благодаря тому, что в отечественной киноотрасли большое значение уделялось популяризации кинематографа – выпуску открыток, кадров из фильмов, кинокалендарей и другой продукции, выполнявшей роль печатной рекламы. Продвижению просмотра фильмов как социально одобряемого вида досуга должна была служить и деятельность Бюро пропаганды советского киноискусства, созданного в 1959 г. Члены данного органа ездили по городам, выступая с лекциями о новинках отечественного проката (Косинова, Арлекян, 2015: 24). Заметим, что работа Бюро была направлена прежде всего на популяризацию советских фильмов, однако в ходе встреч с любителями кино обсуждались и иностранные фильмы. Более того, среди одобряемой печатной продукции (в частности, фотокарточек, выпускаемых издательством «ИЗОГИЗ») важную часть занимали материалы, посвященные зарубежным актерам. Следовательно, распространение в повседневности изучаемого периода артефактов, имеющих отношение к Западу, происходило с санкции советской власти.

Обратимся к практикам коллекционирования фотокарточек с изображением иностранных артистов. Это занятие стало популярным в послевоенный период с ростом интереса к кинематографу и сохраняло свою распространенность среди советских кинолюбителей в течение всей последующей советской истории.

В 1967 г. в «Советском экране» появляется заметка о читательнице из Таллина, собравшей коллекцию из пяти тысяч фотографий деятелей киноискусства и кадров из фильмов разных стран и

периодов. Уникальность ее коллекции подтверждает тот факт, что читательнице «Советского экрана» удалось создать целый альбом с подборкой фотографий детей-актеров. В ее коллекции также есть карточки, посвященные и дореволюционным фильмам, то есть снимки, приобрести которые было сложнее, чем продукцию о советском кино. Кроме того, женщина вместе со всей семьей работала над картотекой актеров отечественных и зарубежных фильмов, где отмечались фамилии артистов, появляющихся в титрах, роли актеров, их участие в других картинах. Эта кропотливая работа, требующая не только внимательного просмотра фильмов, но и знакомства с материалами советской печати, связанной с киноискусством, высоко оценивается редакцией издания. В частности, корреспондент «Советского экрана» отправился в гости к читательнице, чтобы лично ознакомиться с собранной коллекцией. Более того, он советует отправить письмо по указанному в конце статьи адресу желающим пообщаться с героиней публикации или обменяться с ней фотографиями актеров¹. Таким образом, можно наблюдать поощрение коллекционирования и продвижение этой практики как полезного досуга, объединяющего советских людей.

Заметим, что в тексте заметки ничего не сказано о конкретных фотографиях из коллекции читательницы и положительно оценивается именно сам процесс собирания фотоматериалов и систематизации информации о киноискусстве. Следовательно, несмотря на наличие у женщины коллекции изображений зарубежных артистов, это не воспринимается как проявление интереса к западной массовой культуре. Собираание кадров из иностранных фильмов легитимизируется как практика, способствующая изучению

интернационального искусства, объединяющего зрителей. Коллекционер в рамках советской идеологической реальности является образцом всесторонне развитого советского человека, у которого сформирован навык оценивать западную культуру критически.

В то же время приобретение изображений актеров ради приобщения к массовой культуре осуждалось. Так, еще в 1947 г. (и в рассматриваемый нами период ситуация не слишком изменилась) в «Литературной газете» вышла статья «Долой пошлость!», в которой критиковалась практика распространения портретов американских кинозвезд на открытках, продававшихся в газетных киосках или книжных магазинах. По мнению авторов статьи, проблема кроется не в том, что советские люди выражают интерес к западным фильмам и артистам, снимающимся в них, а в том, что черно-белые маленькие фотографии звезд становятся более популярными и востребованными среди советской публики, чем дешевые и доступные цветные репродукции русских художников (Юрчак, 2014: 328-329). Таким образом, коллекционирование подобных карточек с актерами зарубежного кино является предосудительным для советского человека, поскольку познавательная функция таких изображений (а именно, роль в знакомстве с новинками отечественного проката) уступает функции продвижения образов определенного актера как символа общества потребления, внешность и образ жизни которого могут быть ошибочно восприняты советскими людьми как идеал.

Интересно, что граница разделения тех открыток и карточек, коллекционирование которых является социально одобряемым, и тех, которые негативно влияют на моральный облик советского человека, соответствует

¹ Из собрания Л. Леппе // Советский экран. 1967. № 21. С. 20-21.

противопоставлению изображений кинозвезды и талантливых деятелей искусства. Стоит отметить, что один и тот же итальянский актер может выступать одновременно в двух ролях. Так, в большинстве статей в сборнике «Актеры зарубежного кино», посвященных деятелям итальянской киноиндустрии, творческая биография артистов разбирается с точки зрения постоянной борьбы мифотворческой эстетики звезды экрана, формируемой Голливудом, и проявления истинного таланта и общественно-политической позиции актеров. Звезды экрана, по мнению авторов статей и главной идеологической линии, – худшее воплощение буржуазной культуры. Именно о них пишут журналисты в иностранных газетах и журналах, делая акцент не на творческих способностях актера и его плодотворном сотрудничестве с другими работниками киноиндустрии, а на подробностях личной жизни и разного рода сенсациях². Поощрение такой линии представления звезды в советской культуре считалось недопустимым.

В то же время материалы в сборнике «Актеры зарубежного кино» подчеркивают (в целях оправдания самого факта существования такого издания): хотя многие итальянские актеры благодаря своим прекрасным внешним данным могут быть использованы в качестве звезд в фильмах, не имеющих художественной ценности, однако они часто делают правильный выбор в пользу ролей, позволяющих проявить их талант.

Именно оппозицией «проявление таланта, воплощение народного духа, реализация творческих сил – эксплуатация внешних данных, молодости и привлекательности» объясняется и возможность коллекционирования лишь некоторых изображений итальянских

актеров. Так, не является предосудительным собирание коллекций изображений, которые демонстрируют или кадры из известных произведений киноискусства, или снимки актеров как участников общественной жизни, похожих на своих поклонников. В частности, в статье «Софи Лорен» ее талант в фильме «Брак по-итальянски» подчеркивается комментарием: «Здесь и тонкий психологический рисунок, и комическое преувеличение, и взлет страстей, и бытовая характерность, сочные, чисто национальные краски в живописании простой итальянской женщины из гущи народной жизни»³, который как бы оправдывает фотографию актрисы, где она похожа на женщину из народа, а не на кинодиву (рис. 1).

Рис. 1. Молодая Софи Лорен⁴
Fig. 1. Young Sophia Loren⁴

Примером подобных фотографий, созданных для распространения и коллекционирования, служат карточки «Артисты зарубежного экрана», выпускаемые фотостудией «ИЗОГИЗ». В частности, в 1957 г. был выпущен набор кадров из фильмов, транслируемых в советском прокате. Среди них были и снимки актеров, прославившихся в картинах неореализма, – Массимо Джиротти, Лючии Бозе, Рафа Валлоне и

² Кокоревич, Б. Франко Неро // Актеры зарубежного кино. Вып. 11. Л.: Искусство, 1977. С. 169.

³ Муратов, Л. Софи Лорен // Актеры зарубежного кино. Вып. 6. Л.: Искусство, 1971. С. 139.

⁴ Актеры зарубежного кино. Вып. 6. Л.: Искусство, 1971. С. 124. / Aktery zarubezhnogo kino. Vyp. 6 [Actors of foreign cinema. Vol. 6], Iskuststvo, Leningrad, USSR, 124.

Сильваны Пампанини (рис. 2). Известные советскому зрителю артисты явлены в наиболее драматические моменты фильмов. Так, Массимо Джиротти представлен на карточке, демонстрирующей момент осознания будущего разрыва его персонажа с любимой (рис. 3). Таким образом, фотографии, распространяемые для популяризации фильмов советского проката, показывали самые известные кадры из этих картин, знакомые советскому зрителю.

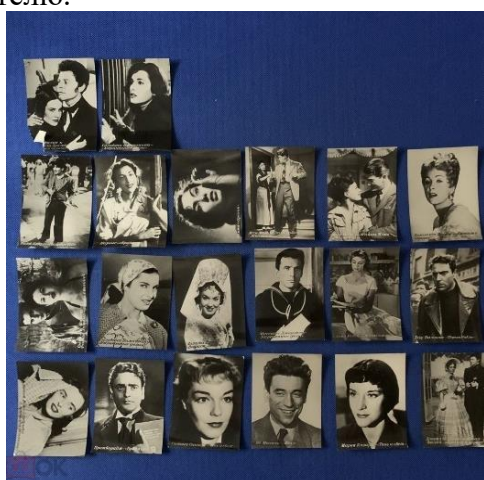

Рис. 2. Артисты зарубежного кино. Фотостудия ИЗОГИЗа. Москва, 1957

Fig. 2. Actors of foreign cinema. IZOGIZ Photo Studio. Moscow, 1957

Рис. 3. Массимо Джиротти. Артисты зарубежного кино. Фотостудия ИЗОГИЗа. Москва, 1957

Fig. 3. Massimo Girotti. Actors of foreign cinema. IZOGIZ Photo Studio. Moscow, 1957

Однако в СССР были доступны и фотографии актеров, не отсылающие к конкретной картине с их участием. Некоторые из таких фотодокументов относятся к типу визуальных объектов, на которых звезды западного происхождения показывают свои социалистические симпатии, что делает их легитимными в рамках советской действительности. Примером служит набор открыток с изображением актеров-лауреатов, выпущенный к IX Московскому международному кинофестивалю (1975). Так, среди изображений присутствует фото Софи Лорен, приехавшей в Москву для посещения мероприятия. В фотографии констатируется искренний интерес итальянской актрисы, ее доброжелательный настрой по отношению к советской публике. Владелец данной открытки может идентифицировать себя с корреспондентом, запечатлевшим Софи Лорен в момент приезда в СССР, о чем свидетельствует отвод взгляда актрисы в сторону, букет цветов в руках, намекающий на наличие встречающих людей и репортеров с камерами (рис. 4).

Рис. 4. Софи Лорен, открытка серии «Актеры-лауреаты». Ленинградское межобластное отделение Бюро пропаганды советского киноискусства (ЛМО БПСК), 1975

Fig. 4. Sophia Loren, postcard from the series "Laureate Actors". Leningrad Interregional Branch of the Bureau of Propaganda of Soviet Cinematography (LMO BPSC), 1975

Полученные из «Советского экрана» материалы об итальянских звездах сохранялись частью советских зрителей, поведение которых было похоже на поведение фанатов в западных странах. Так, в сообществе «Ленинградец» социальной сети «ВКонтакте» можно найти рассказ о сестрах, которые написали письмо Софи Лорен по адресу: «Италия, Рим. Для Софи Лорен» с просьбой прислать им свое изображение, поскольку достать фотографии итальянской звезды было сложно. Девушки собирали все, что связано с актрисой, и даже создали специальную папку с вырезками из газет, журналов и открыток, но им хотелось иметь качественную заграничную фотокарточку. Интересно, что рассказчицы верят, что итальянская кинозвезда, которая все же выслала им три фотографии (для каждой из советских почитательниц ее таланта), лично оставила автограф на каждой из них⁵. Данный случай показателен: героини истории благодаря возможностям, предоставляемым прессой, смогли собрать большое количество материалов о любимой актрисе, однако им было недостаточно официальных каналов получения информации о кумире, поэтому они предприняли попытку установить личный контакт с ней. Тот факт, что фотографию с автографом сестры хранят до сих пор, подтверждает символическую ценность данного предмета. Для его обладательниц он связан одновременно и с недоступностью кинозвезды, и с ностальгией по советской реальности, которая давала им шанс приблизиться к миру далекой Италии. Эта история высвечивает факт формирования в советском обществе представлений о символической ценности объектов, связанных с Западом.

Другой способ получить информацию об итальянских звездах стал доступен с 1965 г., когда начала выпускаться уже упомянутая нами серия книг от издательства «Искусство» – «Актеры зарубежного кино». В этих книгах были представлены творческие портреты актеров через призму ролей в фильмах, знакомых советскому зрителю. Среди биографий, выпущенных в серии, присутствуют материалы о Витторио Гассмане, Франко Неро, Монике Витти, Массимо Джиротти, Альберто Сорди, Софи Лорен, Джине Лоллобриджиде, Джульетте Мазине, Марчелло Маджорани, Клаудии Кардинале, Тото и Уго Тоньяцци. В ряду фотографий, размещаемых в рамках пересказа биографии звезд, были как кадры из фильмов, так и постановочные съемки хорошего качества, которые демонстрировали крупным планом макияж, прическу и наряды актеров. Так, на развороте, начинающем статью о Джине Лоллобриджиде, вставлено изображение хорошего качества, вероятно сделанное зарубежными репортерами и перепечатанное издателем (рис. 5). Ее биография представлена достаточно подробно: рассказано о ее детстве, участии в кинопробах в юности, основных работах в фильмах. Несмотря на то что в конце статьи делается попытка развеять мифологический образ кинозвезды (автор пишет о том, что актрису так развратили высокие гонорары, портреты на обложках четырехсот журналов в год и роскошная вила в предместьях Рима, что она ради денег и славы соглашается на роли глупых красавиц⁶), статья выполняет запрос поклонников на рассказ о жизни и успехе. Читатели смогли удостовериться в красоте и идеальности итальянской звезды,

⁵ Публикация Шелли Йонсон от 3 ноября 2023 г. // Сообщество «Ленинградец» ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/residentofleningrad?w=wall-126624890_701087 (дата обращения: 24.10.2024).

⁶ Семенов Е. Джина Лоллобриджиде // Актеры зарубежного кино. Вып. 1. Л.: Искусство, 1965. С. 78.

являющейся воплощением мира красоты и таланта.

Рис. 5. Материал о Джине Лоллобриджида⁷

Fig. 5. Material about Gina Lollobrigida⁷

Одним из проявлений приближения собственной реальности к миру кинозвезды становится также создание коллажей, в которых обычно соединялись портретные съемки актеров, несколько кадров из фильмов и рисунки, которые часто даже не были связаны непосредственно с этим деятелем кино. По мнению некоторых исследователей, рисунки использовались в качестве инструмента формирования кинореальности в отсутствие фотографий (Жидкова, 2014: 55). Рисунки давали возможности для интерпретации, работы фантазии и воображения советских фанатов.

Коллекционирование фотоснимков иностранных артистов предполагало не только знакомство с биографией актеров и их творческим путем, но и общение с другими коллекционерами. А.В. Юрчак характеризует феномен позднесоветского общения не только как практику коммуникации и способ времяпрепровождения в компании знакомых, но и как процесс возникновения особой общности участников. Именно с 1960-х гг. общение, связанное с наличием

общих интересов, превратилось в одну из основных форм существования внутри советской реальности (Юрчак, 2014: 295-296). Заметим, что обмен между коллекционерами нередко сопровождался установлением дружеских контактов и последующим обсуждением конкретного собрания фотокарточек или открыток, а также поддержанием беседы об иных, не связанных с первоначальной темой предметах. Таким образом, фильмы и актеры были важны не сами по себе, а как технологии, формирующие пространство для обсуждения и особое состояние участников совместного времяпрепровождения (Юрчак, 2014: 298). Как отмечают исследователи, постоянное, спонтанное и неструктурируемое «общение в различных формах стало самоцелью» (Юрчак, 2014: 299), и люди, первоначально объединенные каким-то общим интересом, могли посвящать ему все свободное время.

Такие отношения могли существовать как в форме «кухонных разговоров», так и в виде нахождения родственных душ с помощью переписки. Публикация заметок с контактами кинолюбителей в «Советском экране» могла также способствовать поиску «своих» среди публики. Этапом становления такого общения может служить пример споров, завязывающихся на страницах изданий о кино по поводу новых фильмов в прокате. В частности, в 1974 г. предметом обсуждения зрителей в рубрике «Фильм, о котором спорят» стала картина «Приключения итальянцев в России». Интересна публикация, посвященная разным мнениям по поводу этой работы, поскольку она позволила читателям сравнить собственную реакцию на просмотренный фильм итало-советского производства с отзывами зрителей из разных городов СССР и мнением профессионального критика. Так, одна из зрительниц начинает свое письмо с противопоставления собственного опыта

⁷ Актеры зарубежного кино. Вып. 1. Л.: Искусство, 1965. С. 70-71 / Aktery zarubezhnogo kino. Vyp. 1

(1965) [Actors of foreign cinema. Vol. 1], Iskuststvo, Leningrad, USSR, 70-71.

просмотра и рецензии на фильм в газете «Литературная Россия». Она отмечает, что посмотрела картину с большим интересом и не понимает обвинений режиссера в том, что он не умеет создавать эксцентричные комедии. Рядом с мнением тех, кто отметил отличные шутки, «очень яркие трюки» и фантастические повороты в сюжете фильма, размещены и отзывы зрителей, которые возмущены уничтожением памятников старины в картине. По мнению таких зрителей, картина не имеет художественной ценности и несет больше вреда, чем пользы. Заметим, что профессиональный критик пытается примирить обе точки зрения, отмечая как отличную постановку трюков и зрелищность картины, так и простоту сценария и отсутствие возможностей для проявления таланта даже для очень хороших актеров⁸. Таким образом, редакция издания показывает правомерность разных точек зрения на фильм и знакомит читателей с особенностями восприятия других зрителей. Человек, посмотревший фильм и ознакомившийся с данным обсуждением, получал возможность удостовериться в наличии людей с похожими взглядами, которые могли бы стать сообществом своих.

Общение по поводу смыслов и образов фильмов дополнялось участием в киновикторинах, разгадыванием кроссвордов, составленных зрителями, родство с которыми ощущал читатель. Так, уже во втором номере «Советского экрана» была опубликована географическая викторина, где нужно было вспомнить советские и иностранные фильмы, в названиях которых упоминаются города⁹. Это позволяло в ходе чтения издания, находящегося под советским идеологическим контролем, совершить некоторое заочное пространственное и

временное путешествие по миру киноискусства.

Появление новых смыслов, связанных с зарубежным кинематографом, можно проследить и на примере юмористической рубрики, которая появилась в «Советском экране» в 1975 г., – «Парамон-фильм». В ней в довольно острой форме осуществляется критика кинопроизводства, причем часто сравниваются советские и зарубежные фильмы. Так, в одном из материалов рубрики автор иронизирует над тем, что в советском кино в отличие от западного отсутствует демонстрация сексуальных отношений: «У нас ведь как часто бывает? В одном кадре “сегодня” показывают, а в следующем “завтра”. А ночью что было? Вот, скажем, пошел парень девушку провожать. А в следующем кадре он утром в ее комнате бреется. Почему? Может, у него денег на такси не хватило, а может, он к ней утром побриться забежал?»¹⁰.

Интересно и то, что постоянной темой для обсуждения в рамках данной рубрики становится попытка придумать сюжет для нового совместного итало-советского фильма под названием «Весна в декабре». В рамках обсуждения возможных сценарных особенностей картины заметна ирония над тем, что большинство итальянских фильмов, которые знакомы советскому зрителю, имеют политическую подоплеку. Так, некий кинозритель, предлагающий сюжет фильма, пишет: «Не помешает также попросить в фильме какую-нибудь воспитательную цель. Например, поднять активность итальянцев в борьбе с сицилийской мафией, для чего показать непримиримое отношение наших граждан к мелкому хулиганству и хищению

⁸ Кузнецов М. Ох уж эти кладонисатели // Советский экран. 1974. № 17. С. 2-3.

⁹ Советский экран. 1957. № 2. С. 16.

¹⁰ Измайлов Л. Письмо кинозрителя Т. Бричкина, полученное нами по телеграфу в день открытия студии // Советский экран. 1975. № 4. С. 20.

общественной собственности»¹¹. Кроме высмеивания стереотипов об итальянцах, распространенных в советском обществе (итальянцев советский зритель отличит от отечественных героев только по типичному итальянскому выражению «Мама миа!», спагетти на второе и серенадам гребцов гондол), используется и образ Софи Лорен, которая признается самой известной итальянской актрисой. В частности, автор рубрики заявляет, что киностудия якобы ищет исполнителя главной мужской роли среди непрофессиональных актеров на роль учителя физики, подходящего по типуажу к Софи Лорен¹². Всем желающим принять участие в съемках предлагается прислать свою фотографию, размещенную в коллаже

рядом с портретом Софи Лорен, чтобы провести заочные фотопробы (рис. 6). Данная рубрика, в которой большое место отведено обсуждению представлений зрителя об итальянском кинематографе, может рассматриваться в рамках нашего исследования, поскольку показывает колоссальный интерес к итальянскому киноискусству среди советских людей. Публикации в юмористической рубрике «Советского экрана» демонстрируют, что идеи, мнения и сообщества, формируемые в процессе досуговых практик, связанных с просмотром итальянских фильмов, внутри советской повседневности были объединены в рамках пространства вненаходимости.

Рис. 6. Коллаж с изображением Софи Лорен¹³
Fig. 6. Collage with Sophia Loren¹³

Концепт «вненаходимости» используется антропологом А.В. Юрчаком при выделении системообразующего принципа советской системы 1960–1980-х гг. Вненаходимость не подразумевала уход от политической составляющей жизни, а представляла собой постепенное изменение смысловой ткани системы в результате выстраивания отношений одновременно

внутри и вне официального дискурса (Юрчак, 2014: 567). Зоной вненаходимости является, по мнению А.В. Юрчака, и пространство воображаемого Запада, что подробно анализируется в работе антрополога на примере проникновения в советскую реальность предметов европейского и американского происхождения (Юрчак, 2014: 311-404).

¹¹ Измайлов Л. Открытое письмо кинозрителя Т. Бабкина режиссеру Б. Лобину // Советский экран. 1975. № 8. С. 20.

¹² Измайлов Л. Письмо кинозрителя Т. Бричкина, полученное нами по телеграфу в день открытия студии // Советский экран. 1975. № 4. С. 20.

¹³ Курляндский А., Терлецкий В. Внимание – фотопробы // Советский экран. 1975. № 4. С. 21. / Kurl'yanskiy, A., Terletskiy, V. (1975), "Attention – phototests", Sovetskiy ekran [Soviet Screen], 4, 21.

Конструировалась эта зона вненаходимости советской идеологии при активном участии советской власти, державшей под контролем поступление культурных продуктов стран Запада в СССР. Однако дальнейшие практики повседневной жизни в рамках пространства воображаемого Запада выходили за созданные советской идеологией рамки и обрастали новыми смыслами.

Важно отметить, что зона вненаходимости, связанная с воображаемым Западом, появилась в результате идеологического воздействия на сферу повседневности примерно в начале 1960-х гг. Неоднозначность в оценке иностранного культурного влияния легитимировала различные и даже противоположные интерпретации одних и тех же культурных форм. Результатом непоследовательной политики в сфере проката западного кинематографа стало возникновение возможности ощущения себя настоящим советским человеком при наличии интереса к культуре капиталистических стран и не соответствующему социалистическим ценностям образу жизни. Отсутствие единого канона интерпретации санкционировало возможность собственного комментирования произведений киноискусства зрителем.

Концепт «воображаемого Запада» как «пространства вненаходимости» внутри советской реальности применим и для анализа практик, связанных со смыслами и образами итальянского кинематографа в советской повседневности. Мы увидели, что с 1960-х гг. в рамках советской действительности стали возможны «кухонные разговоры» и общение по переписке с обсуждением западных культурных форм, обмен фотографиями западных кинозвезд, создание коллажей с изображениями актеров. Для некоторых людей аналогом такого рода коммуникации могла быть даже аналитика просмотренных фильмов в личных дневниках. Заметим, что эта форма представления мнения по поводу

того или иного объекта культуры Запада также способствовала установлению личных контактов с миром европейской культуры, находящимся в параллельной реальности к миру идеологических высказываний.

Частью соприкосновения с миром за границы (и даже личным опытом коммуникации с воображаемым Западом) становится и выставление в пространстве за стеклами книжных шкафов открыток и карточек с изображением итальянских актеров. Как отмечает С. Бойм, пространство за стеклами серванта и шкафа – «грань, которой он (советский человек. – Д. З.) соприкасался с миром, внутренний мир, вывернутый наружу» (Бойм, 2002: 198). Предмет массового производства, размещенный на видном для всех посетителей комнаты месте, приобретал уникальность. Именно отбор той или иной открытки, фотографии, вырезки из газеты и помещение ее за стекло отражали индивидуальную фантазию и даже биографию жильца, который стал соавтором изображения, найдя ему место в комнате.

Данное действие по освоению жилого пространства можно рассматривать как отправку сообщения самому себе для перестройки собственного состояния (Бойцова, 2013: 147) – например, улучшения настроения при зрительном взаимодействии с портретом любимого актера, служащего примером для подражания. Такие изображения часто помещались в пространстве «фокуса» – рядом с телевизором, пианино, около рабочего стола, под стеклом письменного стола, рядом с телефонным аппаратом (Бойцова, 2013: 158). Кроме того, фотографии могли размещаться на стенах, в частности выполняя роль «художественных» изображений, украшающих интерьер. Интересно, что в таком случае они становились невидимыми для самих хозяев комнаты и замечались только гостями и теми, кто увидел изображения впервые (Бойцова, 2013: 146).

Таким образом, предметы, связанные с итальянским кинематографом, могли служить выявлению среди посетителей жилого пространства тех, с кем может быть установлено общение в дальнейшем.

Подведем итоги. Советские люди в 1960–1980-е гг. благодаря выполнению формально санкционированных властью действий, дающих новые возможности, репрезентировали себя как «нормальных» субъектов системы. В то же время они вступали в новые отношения и открывали реальность, находящуюся за пределами привычной социалистической повседневности. Досуговые практики, связанные с итальянским кино, существовали не в оппозиции к официальной советской культуре, а в условиях формального принятия трактовок иностранных картин, предлагаемых идеологией. Однако восприятие идеологической интерпретации было на уровне формы. Смысл же итальянским произведениям искусства присваивался самими зрителями. Активный кинозритель, взаимодействуя со смыслами и образами итальянского кинематографа, формировал пространство внеаходимости, внутри которого он реализовал потребность в общении, находил друзей по интересам, учился формулировать собственное мнение по поводу приемов и сценарных ходов фильмов. Итальянское кино способствовало выстраиванию новых типов коллективов, формированию связей, которые оказывались в зоне внеаходимости к официальной культуре, хотя и не противоречили ей.

Литература

Ажимова, Л.В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 101-110.

Бартлетт, Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе / пер. с англ. Е. Кардаш. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.

Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.

Бойцова, О. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2013. 266 с.

Викулина, Е.И. «Сердечность встреч»: эмоциональный режим оттепели в комментариях к правительственным фотографиям // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 2. С. 108-124.

Викулина, Е.И. «Чем они озабочены? Почему они улыбаются?»: Эмоциональный репертуар в журнальной фотографии оттепели // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 5. С. 129-147.

Дашкова, Т. «Расскажи мне, бабушка, сказку про стилинг»: контексты представления моды в журнале «Крокодил» 1950–1960-х годов // Теория моды: одежда, тело, культура. 2021. № 2 (60). С. 313-334.

Дашкова, Т. Бабетта идет на Москву: экспансия зарубежного кино в советскую повседневность // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 2 (56). С. 31-60.

Животовская, И.Г. Особенности формирования образа Италии в России: история и современность // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 2. С. 106-135.

Жидкова, Н.Г. Московский международный кинофестиваль на страницах журнала «Советский экран» (1959–1969 гг.): гендерный анализ // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 48-60.

Кидакоева, Н.З., Сиюхова, А.М. Роль экранных СМИ и кино в распространении моды в регионе в 1960–1980 гг. (на материале Республики Адыгея и Краснодарского края) // Культура и искусство. 2017. № 10. С. 49-58. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.10.24469

Лебина, Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 208 с.

Лебина, Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015. 488 с.

Мюллер-Веласкес, Д.П. Роль итальянской культуры в контексте советской повседневности периода 1960–1970-х гг. // Вестник Казанского государственного

университета культуры и искусств. 2021. № 1. С. 66-72.

Смирнов, А.В. Влияние итальянского дизайна на советскую потребительскую культуру 1960-х – 1970-х // *Studia Culturae*. 2017. № 31. С. 118-126.

Утехин, И.В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. 277 с.

Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

References

Azhimova, L. V. (2012), “Jean Baudrillard on the phenomenon of mass communications in a consumer society”, *Humanitarian Research on the Eastern Siberia and the Far East*, 3 (19), 101-110 (in Russ.).

Bartlett, Dj. (2011), *FashionEast: prizrak, brodivshiy po Vostochnoy Evrope* [FashionEast: the Spectre That Haunted Socialism], Transl. by E. Kardash, Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Boym, S. (2002), *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common places: the mythology of everyday life], Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Boytsova, O. Yu. (2013), *Lyubitelskiye foto: vizualnaya kultura povsednevnosti* [Amateur photos: the visual culture of everyday life], Publishing House of the European University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Dashkova, T. (2020), “Babetta goes to Moscow: the expansion of foreign cinema into Soviet everyday life”, *Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture*, 2 (56), 31-60 (in Russ.).

Dashkova, T. (2021), ““Granny, tell me a story about the stilyagi”: contexts of fashion representation in Krokodil magazine in the 1950s and 1960s”, *Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture*, 2 (60), 313-334 (in Russ.).

Kidakoeva, N. Z. and Siyukhova, A. M. (2017), “The role of screen media and cinema in the distribution of fashion in the region in 1960–1980s (on the material of the Republic of Adygea and the Krasnodar Territory)”, *Kultura i iskusstvo* [Culture and art], 10, 49-58, DOI: 10.7256/2454-0625.2017.10.24469 (in Russ.).

Lebina, N. (2018), *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kultura. SSSR – ottepel*

[Man and woman: body, fashion, culture. USSR – thaw], Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Lebina, N. B. (2015), *Povsednevnost epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruktsiya bolshogo stilya: Leningrad, 1950-1960-e gody* [The everyday life of the age of space and corn. The Destruction of a great style: Leningrad, the 1950s and 1960s], Kruga, Pobeda, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Müller-Velasquez, D. P. (2021), “Role of Italian culture in the context of soviet everyday life during 1960-1970s”, *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 1, 66-72 (in Russ.).

Smirnov, A. V. (2017), “Influence of Italian design on Soviet consumer culture of the 1960s – 1970s”, *Studia Culturae*, 31, 118-126 (in Russ.).

Utekhin, I. V. (2004), *Ocherki kommunalnogo byta* [Essays on communal life], United Humanitarian Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Vikulina, E. I. (2019), ““What are they worried about? Why are they smiling?”: Emotional repertoire in magazine’s photography of the Thaw”, *RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, 5, 129-147. DOI: 10.28995/2686-7249-2019- 5-129-147 (in Russ.).

Vikulina, E. I. (2022), ““Heartfelt meetings’. Emotional regime of the ottepel’ (‘thaw’) period in comments to government photos”, *RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, 2, 108-124. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-108-124 (in Russ.).

Yurchak, A. (2014), *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation], Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhidkova, N. G. (2014), “Moscow International Film Festival in the Sovetskiy Ekran (Soviet Screen) magazine (1959–1969): gender analysis”, *Woman in Russian society*, 2, 48-60 (in Russ.).

Zhivotovskaya, I. G. (2016), “Features of the formation of the image of Italy in Russia: history and modernity”, *Current problems of Europe*, 2, 106-135 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов:
автор не имеет конфликта интересов для
деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no
conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Зайцева Дарья Сергеевна, магистрант
Института философии, Санкт-Петербургский
государственный университет, Менделеевская

линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия;
st087519@student.spbu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Darya S. Zaitseva, Master's Degree Student,
Institute of Philosophy, Saint Petersburg State
University, 5 Mendelevskaya Line, Saint
Petersburg, 199034, Russia;
st087519@student.spbu.ru

УДК 659

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-0

Богданова М. А.¹,
Печенкина М. О.²,
Попов Д. Г.³

**Маскоты как инструмент позиционирования
на рынке общественного питания Санкт-Петербурга**

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б, г. Санкт-Петербург, 195251, Россия; mary.bogdanova.01@mail.ru

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б, г. Санкт-Петербург, 195251, Россия; masha_pecha@mail.ru

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б, г. Санкт-Петербург, 195251, Россия; popov_dg@spbstu.ru

Аннотация. В условиях современного ресторанного бизнеса все более актуальным становится вопрос эффективного позиционирования брендов и формирования эмоциональной связи с потребителями. Одним из инструментов, способствующих достижению этих целей, являются маскоты – фирменные персонажи, играющие ключевую роль в коммуникационных стратегиях ресторанов. Проблема заключается в недостаточной теоретической и практической разработке вопроса о влиянии маскотов на восприятие бренда и репутацию ресторанов в российском контексте, особенно на таком конкурентном рынке, как Санкт-Петербург. Новизна данного исследования состоит в критическом комплексном подходе к анализу маскотов, включающем контент-анализ, фактографический и семиотический анализ. Исследование охватывает не только визуальные и символические элементы маскотов, но и их роль в стратегиях взаимодействия с аудиторией через различные цифровые и офлайн-платформы. В работе представлены примеры успешных ресторанов, использующих маскотов для укрепления репутации и усиления эмоциональной связи с клиентами. Результаты исследования показали, что маскоты играют значительную роль в формировании доверия к бренду и лояльности клиентов, особенно в заведениях, ориентированных на семейную аудиторию. Однако эффективность маскотов напрямую зависит от грамотной интеграции персонажей в коммуникационную стратегию ресторана. Внедрение маскотов должно сопровождаться тщательно продуманными сценариями их взаимодействия с аудиторией и постоянным поддержанием их актуальности.

Ключевые слова: маскоты; рынок общественного питания; позиционирование; бренд; символ; архетип; цвет

Для цитирования: Богданова М. А., Печенкина М. О, Попов Д. Г. Маскоты как инструмент позиционирования на рынке общественного питания Санкт-Петербурга // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 113-127. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-0

M. A. Bogdanova¹,
M. O. Pechenkina²,
D. G. Popov³

Mascots as a Positioning Tool in St. Petersburg's Catering Market

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 B Polytekhnicheskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russia; mary.bogdanova.01@mail.ru

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 B Polytekhnicheskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russia; masha_pecha@mail.ru

³ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 B Polytekhnicheskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russia; popov_dg@spbstu.ru

Abstract. In today's hospitality industry, effective brand positioning and creating an emotional connection with consumers are becoming increasingly important. One tool that helps to achieve these goals is mascots – branded characters that play a key role in restaurants' communication strategies. The problem lies in the lack of theoretical and practical research on the influence of mascots on brand perception and restaurant reputation in the Russian context, especially in competitive markets such as St. Petersburg. The novelty of this study is its critical, comprehensive approach to the analysis of mascots, including content analysis, factographic analysis and semiotic analysis. The research covers not only the visual and symbolic elements of mascots, but also their role in audience engagement strategies through various digital and offline platforms. The paper presents examples of successful restaurants that use mascots to enhance their reputation and strengthen emotional connections with customers. The results of the study show that mascots play an important role in building brand trust and customer loyalty, especially in family-oriented establishments. However, the effectiveness of mascots depends directly on their proper integration into the restaurant's communication strategy. The introduction of mascots must be accompanied by carefully designed scenarios for their interaction with the audience and a continuous effort to keep them relevant.

Keywords: mascots; catering market; positioning; brand; symbol; archetype; color

For citation: Bogdanova M. A., Pechenkina M. O., Popov D. G. (2024), “Mascots as a Positioning Tool in St. Petersburg's Catering Market”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 113-127, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-0

К 2024 году Санкт-Петербург, который часто называют гастрономическим сердцем России, претерпел значительные изменения в области ресторанной индустрии и культуры потребления. На эти изменения повлияло множество факторов: изменение вкусов потребителей, экономические колебания и последствия пандемии COVID-19. Это открыло «новый уровень» развития ресторанного бизнеса. Для того чтобы преуспеть в высококонкурентной среде, рестораны

стремятся быть уникальными и при этом многогранными для обслуживания различных сегментов потребителей. Миллениалы и представители поколения Z жаждут непревзойденных, увлекательных блюд, эмоций, впечатлений и эффективной обратной связи. Традиционные маркетинговые подходы оказываются недостаточно эффективными, что требует внедрения инновационных и эмоционально-привлекательных коммуникационных стратегий.

Уникальные возможности коммуникации с потребителем может обеспечить фирменный персонаж – маскот. У маскотов есть огромный потенциал в повышении узнаваемости бренда и установлении эмоциональных связей с посетителями. К сожалению, лишь немногие заведения правильно используют их в своих стратегиях продвижения, что представляет значительный научный и практический интерес. Объектом нашего исследования являются маскоты ресторанов в индустрии общественного питания в Санкт-Петербурге. Предмет изучения – влияние маскотов на позиционирование заведений общественного питания, а также их роль в формировании эмоциональной связи с потребителями и поддержании ключевых ценностей заведения. Цель данного исследования – оценить маскотов как инструмент позиционирования на рынке общественного питания Санкт-Петербурга. Это исследование направлено на изучение роли маскотов в коммуникационных стратегиях. Критически проанализировано, как маскоты используются в ресторанном бизнесе, а также изучено их влияние на коммуникацию, восприятие потребителями и успех бизнеса в целом. Более того, оценена эффективность использования маскотов в позиционировании бренда и выдвинуты предположения о том, как рестораны могут оптимизировать их использование. В этой работе было рассмотрено 21 заведение Санкт-Петербурга, в которых используются маскоты как на цифровых, так и на физических платформах. Исследуя эту тему, мы стремимся к пониманию важности маскотов для повышения лояльности клиентов и предоставления компаниям возможности «выделиться» на конкурентном рынке.

Методология опирается на комплексный подход и включает в себя

контент-анализ, фактографический анализ и семиотический анализ для того, чтобы понять, как маскоты влияют на позиционирование и восприятие заведения потребителями. Контент-анализ направлен на изучение того, как исследуемый бизнес использует маскотов для позиционирования.

Были проанализированы официальные сайты и такие платформы, как Telegram и «ВКонтакте». В ходе анализа были изучены внешний вид и роль маскотов, а также «поддержка» их образа и коммуникация с потребителями. Фактографический анализ позволяет оценить всю информацию, которую можем найти, для сведения ее в первичную таблицу. Семиотический анализ обращен к символам, цветам и повествовательным элементам, связанным с маскотами в брендинге. Благодаря этому анализу становится возможным понять значение этих элементов и то, как они создают эмоциональную и когнитивную связь между брендом и потребителями. Таким образом, объединяя подходы, методология дает целостное представление о том, как заведения общественного питания используют маскотов в качестве инструментов позиционирования на конкурентном рынке Санкт-Петербурга.

По данным Росстата, в 2020 году в городе насчитывалось 2523 заведения общественного питания, в том числе 361 закусочная и кафе. Тем не менее, из-за пандемии COVID-19 значительное число заведений было вынуждено закрыться в 2021 году, что привело к их сокращению до 2287¹. (Также, из-за нехватки клиентов в связи с эпидемиологической обстановкой, множеству заведений пришлось закрыться временно, что создало серьезные неприятности для ресторанного сектора). И все же, несмотря на экономические трудности, сектор общественного питания начал восстанавливаться в 2022 году: к концу года было открыто 277 новых

¹ Розничная торговля и общественное питание // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL:

<https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 15.10.2024).

ресторанов, что на 4 % больше, чем в предыдущем году. Этот рост был обусловлен чистым увеличением количества открытых ресторанов на 27 % по сравнению с закрытием. К концу 2023 года в Санкт-Петербурге уже насчитывалось в общей сложности 11139 заведений общепита. Однако произошло замедление темпов роста числа открытий заведений и сократилось число новых проектов в секторе кафе и баров на 16 % по сравнению с 2022 годом².

Для исследования маскотов как инструмента позиционирования нами было отобрано 223 заведения общественного питания Санкт-Петербурга, находящихся в рейтингах независимой ресторанной премии WHERETO EAT 2023, премии «Топ 100 ресторанов Петербурга» от Antenna Daily за 2024 год, премии «Что Где Есть в Петербурге – 2023» от Собака.ru, а также по данным платформы TripAdvisor. Анализ коммуникативной деятельности

выбранных заведений показал, что лишь у 21 из них, а это примерно 9 % от общего числа, в коммуникации с аудиторией и фирменном стиле присутствуют персонажи-маскоты. Для оценки представленных заведениями маскотов как коммуникационных инструментов были выделены следующие характеристики: цветовая составляющая, семиотическая составляющая, нарративная составляющая (роль персонажа в коммуникации компании), Tone of voice и сценография. Кроме того, важно представить формальную статистику и изучить комментарии создателей/владельцев фирменных персонажей для более точного понимания восприятия маскотов не только внешней аудиторией, но и внутренними лицами, непосредственно влияющими на развитие компании. Перед фактографическим анализом необходимо привести краткую сводку исследуемых элементов (Таблица).

Таблица

Список маскотов заведений общественного питания в Санкт-Петербурге

Table

List of mascots of catering businesses in St. Petersburg

Название заведения / Name of establishment	Маскот / Mascot
Frank by Basta	Динозавр Frank (Дино) и поросенок Пигги
Gorilla Sushi	Горилла и Лосось
ПхалиХинкали	Грузинская семья
У Ларисы	Женщина Лариса
Цех85	Группа антропоморфных сладостей
Chicko	Korni – курочка в костюме корндога
M-Tea	Черный кот Маунтин
Ossu	Безымянный тигр
Maneki Neko Ramen Bar	Манэки-нэко (кошка удачи)
Дети на кухне	Мальчик Алекс
Теремок	Маруся и антропоморфные блюда
EGGSELLENT	Группа героев-предпринимателей и комиссар Пашо (яйцо)
Kitsune Cafe	Четверо друзей кицунэ (духи-лисы)

² В Петербурге за минувший год увеличилось число ресторанов, баров и кафе [Электронный ресурс]. URL: [https://bfmspb.ru/novosti/v-peterburge-za-](https://bfmspb.ru/novosti/v-peterburge-za-minuvshij-god-uvlechilos-chislo-restoranov-barov-i-kafe)

[minuvshij-god-uvlechilos-chislo-restoranov-barov-i-kafe](https://bfmspb.ru/novosti/v-peterburge-za-minuvshij-god-uvlechilos-chislo-restoranov-barov-i-kafe) (дата обращения: 15.10.2024).

Додо Пицца	Птица Додо
Wahaha	Панда
Ферма Бенуа	Бенуарики (семья слономышей)
ТНЕ БЫК	Безыманный бык
Baggins coffee	Безыманная коза
Ешь Фреш	Безыманный заяц
Пироговый дворик	Кот Платон
Sushi Wok	Хомяк Хома

Для детального анализа представленных в таблице фирменных персонажей стоит собрать некоторые статистические данные, а именно: половую принадлежность маскотов, видовую принадлежность и происхождение персонажа, если оно прослеживается.

*Половая принадлежность фирменных персонажей на петербургском рынке общественного питания:*³

Мужчины: 36 (из них 7 – мальчики и юноши) – 57 %;

Женщины: 22 (из них 4 – девочки и девушки) – 35%;

Неопределенный пол: 5 – 8 %.

Видовая принадлежность фирменных персонажей:

Люди: 21 – 33 %;

Животные: 14 – 22 %;

Фэнтезийные существа: 13 – 21 %;

Антропоморфная еда: 15 – 24 %.

Происхождение фирменных персонажей:

Оригинальные герои: 53 – 84 %;

Фольклорные герои: 5 – 8 %;

Основанные на «реальных» образах⁴: 5 – 8 %.

На основе полученных данных можно проследить следующую тенденцию: заведения общественного питания в Санкт-Петербурге в качестве своих фирменных персонажей-маскотов в большинстве случаев выбирают связку «оригинальный

герой – человек – мужчина». Также популярным образом являются животные и ожившие антропоморфные продукты (блюда заведения).

Объяснить склонность организаций к выбору именно таких героев можно состоянием современного российского общества, в котором главенствует архаичное сознание со склонностью к традиционализму. Несомненно, с начала XXI века гендерные стереотипы, касающиеся роли женского образа, претерпели изменения, но для общества женщина до сих пор связана с образом дома, очага, некоего закрытого от внешнего мира пространства, в то время как мужчина направлен на коммуникацию с окружением и находится в основном с внешней стороны (Карпова, Бученкова, 2021: 151-152). Эти стереотипы берут начало из коллективного бессознательного, в свою очередь связанного с социальными мифами и древними архетипами (для мужчины это роль добытчика, лидера и интеллектуала). Эти рожденные из бессознательного стереотипы легко считываются людьми и резонируют с их эмоциями и переживаниями (Ситников, 2021: 56-57), усиливая эффективность восприятия образа.

Выбор именно оригинальных героев для маскотов объясняется сменой поколений, сопровождаемой сменой предпочитаемых персонажей. Герои

³ Под категорию «мужчины/женщины» попадают герои, которых можно отнести к ним в силу правил русского языка (грамматического рода), если иное не указано напрямую брендом. К категории

неопределенного пола отнесены герои, пол которых не прослеживается и не указан брендом.

⁴ Образ, основанный на существующих/существовавших в реальном мире созданиях.

фольклора или классических литературных и кинематографических произведений либо являются интеллектуальной собственностью и не могут быть использованы в качестве маскотов, либо утратили свою актуальность для потенциальной аудитории. В литературе, кино и рекламе появилось множество совершенно новых героев, на которых растет новое поколение. Сегодняшние герои являются комбинацией культурных образов, в них четко можно проследить влияние западной и азиатской культур. Глобализация образа делает продукт понятным очень широкому кругу общественности. Такая же ситуация происходит и с маскотами.

Перейдем к подробному анализу некоторых, особо примечательных, из представленных в таблице маскотов заведений общественного питания на рынке Санкт-Петербурга⁵.

1. Динозавр Дино (Frank by Basta). Образ героя представлен в нескольких вариантах. В логотипе – иконическое изображение динозавра в черном цвете, в брендированной продукции (меню) – черно-белое изображение в стиле классических комиксов, в мерче и коллаборациях – мультяшное цветное изображение, сочетающее насыщенно-зеленый и салатовый цвета (рис. 1). Если не углубляться в теорию цвета, зеленый – это стереотипный для динозавров-тираннозавров цвет, использующийся в массовой культуре. Считается, что зеленый цвет, помимо своих классических смыслов, может обозначать волю к действию, упорство и настойчивость (Лебедев-Любимов, 2002: 173), а это соотносится с позиционированием Frank как дерзкого, крутого места, покоряющего новые вершины гастрономии. Семиотическое наполнение образа концентрируется в поводке, на котором герой ведет поросенка. Это можно расценить как символ

господства над мясом, по аналогии с картиной Паоло Уччелло «Святой Георгий и дракон», где поводок в руках героини был символом господствующей над силами тьмы Церкви (Баттистини, 2008: 161). Нарративную роль маскота отследить трудно, так как в прямую коммуникацию с аудиторией он не вступает, а его история заведением не прописана, но заявления со странички официального сообщества Frank «ВКонтакте» (https://vk.com/wall-17033092_21) позволяют охарактеризовать маскота как смесь героя-авантюриста и героя-победителя (Кафтанджиев, 2008: 79), так как он, с одной стороны, сильный и готовый защищать, а с другой, он любитель исследовать город и «тусить» в новых местах. Тональность коммуникации в случае этого маскота проанализировать не представляется возможным в связи с отсутствием материалов от «лица» героя. На основании полученных о маскоте данных, ресторан, чьим лицом он является, представляется нам местом аутентичным, не связанным «классической» эстетикой, объединяющим в себе одновременно брутальность, молодость и энергичность.

Рис. 1. Динозавр Дино⁶
Fig. 1. Dinosaur Dino

⁵ Если маскотами заведения является группа персонажей, то для анализа выбраны наиболее часто появляющиеся в коммуникациях герои.

⁶ Frank by Basta feat Союзмультфильм [Электронный ресурс]. URL: <https://ar.frankmeat.ru/kids> (дата обращения: 19.10.2024).

2. Горилла (Gorilla Sushi). Со слов создателей, это горилла, выжившая в мире постапокалипсиса. Персонаж основан на альтер-эго Василия Вауленко (Баста) Gorilla Zipro (<https://vk.com/gorillaziproofficial>). Изображение героя представлено в двух вариантах: на логотипе – черно-белая иконка, на сайте – одноцветное изображение в стиле японских комиксов. Цвет героя – светло-оранжевый (бежевый). Этот цвет можно назвать нейтральным, он несет в себе ощущения уюта и теплоты (Айсмен, 2005: 109), но в случае этого маскота он играет другую роль. Герой отражает концепцию заведения: слияние традиционной японской культуры с футуристичной американской, поэтому и его изображение – фантазия на тему соединения японских комиксов с искусством стрит-арта. Если доспехи, в которые одет герой, это просто отсылка к древней Японии, то его «лицо» – это жест идеи воинственности. Он не пытается подражать конкретно воину древней эпохи, а будто бы состоит из различных знаков, передающих нам понимание образа (Барт, 2004: 118-119). Интересно и то, что обезьян в культуре древней Японии считали животными-божествами и символами избегания зла (Спиридонов, 2018: 256). О нарративной роли и тоне в коммуникации этого маскота сделать вывод невозможно ввиду полного отсутствия каких-либо материалов с его участием и подробных официальных комментариев. Через этого маскота ресторан может позиционировать себя как место дерзкое и броское, пространство, где главенствует эклектика: смешение аутентичной древней эпохи и футуристичной современной.

3. Грузинская семья («ПхалиХинкали»). Ввиду ограниченности в объемах исследования, остановимся на рассмотрении только одной героини. Она не имеет имени, что уже нужно считать

существенным минусом, так как это создает барьер в коммуникации из-за ощущения отдаленности маскота. Героиня одета в традиционный грузинский костюм красного цвета, а такие себе шили дамы из зажиточных семей⁷. Также красный цвет костюма отсылает к юности, так как его носили в основном молодые девушки (Чарквиани, Tkheldidze, Grdzeldidze, 2021: 48). Исходя из анализа графических материалов в официальном сообществе ресторана, нарративная роль героини обозначается как героиня-спутник (Кафтанджиев, 2008: 108). Героиня, как и остальные маскоты ресторана, не появляется в одиночестве, а постоянно находится в компании с кем-то из своей семьи. Это является основной чертой позиционирования «ПхалиХинкали»: атмосфера семейного гостеприимства и дружбы, и все это венчается «богатством» интерьера и блюд.

4. Лариса («У Ларисы»). Маскот заведения – карикатурная буфетчица, будто бы вышедшая из советского времени. Основной цвет маскота – желтый. Этот цвет, помимо того, что он считается самым заметным (Эванс, 2019: 76), несет в себе счастье, бодрость и освобождение от пут через разрядку (Лебедев-Любимов, 2002: 173), что коррелирует с питейной направленностью заведения. Образ маскота не наполнен смысловыми элементами, но сама Лариса воплощает собой идею простого советского заведения. Роль персонажа точно определить невозможно, она почти никак не участвует в коммуникации. Но, отталкиваясь от описанного образа, ее стоит назвать помощницей-дарительницей, «волшебным» средством которой являются напитки и блюда. Такой маскот может отлично дополнять позиционирование ресторана-паба, навевая флер ностальгии,

⁷ Национальные костюмы и традиции. Грузины [Электронный ресурс]. URL: <https://vokm134.ru/muzej-onlajn/natsionalnye->

[kostyummy-i-traditsii-gruziny.html](https://vokm134.ru/muzej-onlajn/natsionalnye-kostyummy-i-traditsii-gruziny.html) (дата обращения: 19.10.2024)

знакового уюта и «советского» качества, упор на который и делается в заведении.

5. Герои Летовселенной («Цех85»). Созданные в рамках летнего ивента маскоты представляют собой большую компанию персонажей, из которых для анализа выбран герой, наиболее представленный в публикациях в социальных сетях пекарни. Сырный Шарик – антропоморфный мультяшный герой в виде сырной закусочки (рис. 2), весь облик которого обращен к ней, поэтому в подробности цветовых значений конкретно для этого героя углубляться не имеет смысла. Со слов создателей, этот герой – большая знаменитость, и он устает от внимания, а потому скрывается за маской. Но его главная черта – это желание помочь другим «знаменитостям», чтобы вместе повеселиться и отдохнуть. Герой представлен активным, любознательным и начинающим движение первым. Другими словами, он герой-авантюрист, во всех материалах представленный в динамических позах, стремящимся куда-то вперед. Осенью 2024 г. у «Цеха85» проходил ребрендинг, девизом которого стало «жить не всерьез», и рассмотренный выше герой может стать его лицом, отражая стремление жить вне рамок чужого мнения, ярко и в вечном движении.

Рис. 2. Сырный Шарик⁸
Fig. 2. Cheese Ball

⁸ Официальный Telegram-канал Цех85 [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/tseh85bakery/716> (дата обращения: 19.10.2024).

6. Корни (Chicko). Антропоморфная курочка в костюме корн-дога (корейский аналог сосиски в тесте) стала маскотом из-за ассоциации этого образа и блюда с корейской кухней. Маскот выполнен в нежных пастельных цветах, создавая тем самым женственный и милый образ (рис. 3). Помимо костюма самого популярного в заведении блюда, интересным элементом в ее образе является бантик на голове в виде сердечка. Официальный аккаунт Chiko «ВКонтакте» утверждает, что это символ любви, которой они наполняют каждое приготовленное блюдо, а также символ популярного у молодежи жеста – скрещенных пальцев, изображающих сердечко (https://vk.com/wall-194016733_85843). Ее можно назвать классической героиней-красавицей, а такой образ популярен в корейской поп-индустрии и является важной частью концепции Chiko, называющих себя «корейскими домиками» и позиционирующих себя как место концентрации корейской культуры и популяризации ее в России. Корни во многом похожа на азиатских маскотов, поэтому легко может выступать проводником в «маленькую Корею».

Рис. 3. Корни⁹
Fig. 3. Korni

⁹ Официальное сообщество CHICKO «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-194016733_85843 (дата обращения: 20.10.2024).

7. Маунтин (М-Тea). Черный котик из китайской чайной лавки (рис. 4). Этот маскот появился благодаря реальному коту хозяина заведения, этим и объясняется его черный цвет, но важно отметить, что в китайской культуре, в отличие от нашей, черные кошки считаются символом удачи и богатства (Шан, Сай, Лю, 2021: 120). Маунтина можно назвать «искателем», ведь он приехал из Шанхая, следовательно, любит путешествия, а также он постоянно ищет и придумывает новые вкусы (Марк, Пирсон, 2005: 79-80). Tone of Voice героя дружелюбный, а в некоторых моментах еще и обучающий. Маскот обращается к аудитории как к близким друзьям, которых он уважает, а потому всегда преподносит им самое лучшее и интересное. По неизвестным причинам М-Тea резко упростил свой контент в социальных сетях, отказавшись от постов «за авторством» Маунтина, что повлекло за собой падение интереса к публикациям и появление отрицательных реакций. Маскот М-Тea отражает аутентичность и теплую дружескую атмосферу, на которую и делает ставку кафе-чайная. Она выделялась на фоне похожих заведений именно благодаря активному маскоту, ведущему диалог с аудиторией и доносящему до нее основное УТП (уникальное торговое предложение, в данном случае – разнообразие китайских напитков).

Рис. 4. Маунтин¹⁰
Fig. 4. Mauntin

8. Алекс («Дети на кухне»). Мальчик-поваренок из семейного ресторана (рис. 5). В цветовой палитре Алекса преобладают мягкие и теплые оттенки синего и зеленого, которые, согласно исследованиям в области психологии цвета, ассоциируются с безопасностью, гармонией и доверием. Такие цвета вызывают у аудитории ощущение чистоты и свежести, тем самым усиливая доверие аудитории, особенно родителей, которые стремятся найти заведение с репутацией «здорового» и «безопасного» (Эванс, 2019: 90). Зеленый цвет также символизирует природу и здоровье, что поддерживает приоритет полезных и натуральных продуктов (Крейдлин, Кронгауз, 2016: 133). Мальчик олицетворяет основные ценности ресторана, а именно вовлечение детей в приготовление пищи и их обучение через практический опыт. Алекс одет в фартук, который визуально подчеркивает его причастность к кулинарии. Это помогает позиционировать Алекса как неотъемлемую часть фирменного стиля заведения. Мальчика часто изображают с различными кухонными принадлежностями, что говорит нам о том, что такие визуальные символы ассоциируются с процессом обучения и самосовершенствованием, тем самым создавая положительное впечатление о бренде (Крейдлин, Кронгауз, 2016: 109). Нарративная роль маскота основана на архетипе «Творец» (Марк, Пирсон, 2005: 212). Этот архетип олицетворяет чистоту, доброту, стремление к созданию чего-то ценного, что отлично стыкуется с концепцией заведения. «Творец» формирует ощущение надежности бренда. Таким образом, Алекс, главный герой, воплощает в себе эти качества, делая фирменный стиль ресторана привлекательным для клиентов на

¹⁰ Официальное сообщество М-TEA «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/mtearus> (дата обращения: 20.10.2024)

эмоциональном уровне и побуждая их чувствовать себя в безопасности и доверять бренду.

Рис. 5. Алекс¹¹
Fig. 5. Alex

9. Комиссар Пашо (EGGSELLENT). Маскот заведения – антропоморфное яйцо в синей полицейской форме (рис. 6). Выбор именно этого образа связан с желанием бренда показать свою заботу о качестве и безопасности своих продуктов. Форма яйца была выбрана в связи с тематикой заведения – завтраками, в основном основанными на яичных продуктах. Архетип маскота – «супергерой» (Кафтанджиев, 2008: 79), ведь он преподносится брендом как главный защитник вкусных завтраков и борец против испорченных продуктов. Эмоциональный оттенок сообщений маскота, транслируемых через мини-комиксы, доброжелательный и дружеский. Комиссар Пашо помогает кафе позиционировать себя как дружеское пространство, где всем рады и подают только полезные и вкусные блюда, за качеством которых внимательно следят.

Рис. 6. Комиссар Пашо¹²
Fig. 6. Commissioner Pacho

10. Аки (Kitsune Cafe). Юноша кицунэ¹³, по сюжету бренда работающий поваром (рис. 7). Имя маскота (яп. 秋 [aki] – Осень)¹⁴ оправдывает его основной цвет – насыщенно красный, подобный цвету японского красного клена, одного из символов осени в Японии. Также такой красный ассоциируется с огнем и энергией, а персонажи с таким цветом волос, по нашим наблюдениям, обладают ярким и буйным характером. Аки – творец, в публикациях бренда он представлен как помешанный на готовке и подходящий к ней с творческой ноткой и ювелирной точностью, незаменимый член коллектива. Заведение в основном рассчитано на молодую аудиторию, увлекающуюся японской индустрией аниме и корейской поп-индустрией (k-поп), поэтому Аки играет одну из центральных ролей в коммуникации, отражая знакомые целевой аудитории образы и давая ей возможность соприкоснуться с любимой культурой.

¹¹ Дети на кухне – сеть ресторанов и кулинарные школы [Электронный ресурс]. URL: https://detinakuhne.com/restaurant_sevkabel/ (дата обращения: 20.10.2024).

¹² EGGSELLENT – кафе завтраков в Москве и Петербурге [Электронный ресурс]. URL:

<https://eggcellent.ru/#open> (дата обращения: 20.10.2024).

¹³ Кицунэ – духи-ёкай из японской мифологии

¹⁴ 秋 [Электронный ресурс]. URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/8543/1/190_20110623.pdf (дата обращения: 21.10.2024).

Рис. 7. Аки¹⁵

Fig. 7. Aki

11. Птичка Додо («Додо Пицца»). Птица оранжевого цвета – важный элемент бренда пиццерий «Додо». Оранжевый – это солнечный цвет, который к тому же стимулирует аппетит (Айсмен, 2005: 53). Образ птицы Додо был выбран создателями ввиду ее былой доверчивости и наивности. Эти свойства создатели образа переняли и трансформировали в доверчивость и открытость, которые транслируют своей аудитории, получая тем самым конкурентные преимущества (<https://postium.ru/istoriya-dodo-picca/>).

Архетип маскота отражает позиционирование ресторана, он – «заботливый искатель». Герой сочетает в себе стремление открывать новые вкусовые и территориальные горизонты с желанием приоритетной заботы о своих гостях. С помощью своего маскота «Додо Пицца» позиционирует себя через чувства доверия, открытости и добросовестности.

12. Кот Платон («Пироговый дворик»). Рыжий котик-поваренок,

представленный в образе добродушного друга каждого гостя (рис. 8). Рыжий (оранжевый) «солнечный» котик носит красный фартук, этот цвет можно интерпретировать как символ любви (к гостям/готовке) и праздника (Эванс, 2019: 41). Котик является символом домашнего тепла и уюта, транслируя девиз заведения: «Ваша уютная традиция»¹⁶. Основываясь на теории нарратива, Платон – помощник-даритель (Кафтанджиев, 2008: 120). Он встречает гостей, угощает пирогами и всегда рад посоветовать вкусные новинки и необычные рецепты. Этим он поддерживает образ семейного рестораника в маленьком уютном дворике, где все свои и где добродушный хозяин всегда будет рад видеть гостей и дарить им тепло и радость своими блюдами.

Рис. 8. Платон¹⁷

Fig. 8. Platon

14. Бенуарики («Ферма Бенуа»). Семья фантастических героев сломышей (рис. 9). Маскоты выполнены в яркой цветовой гамме, в ней преобладают насыщенные цвета, такие как синий, зеленый, бежевый и розовый. Такие цвета часто ассоциируются с некой игривостью,

¹⁵ Kitsune Cafe | Корейская и японская кухня [Электронный ресурс]. URL: <https://kitsunecafe.ru/> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁶ Ваша любимая традиция. Рефреш «Пирогового дворика» | Портфолио студии DEZA [Электронный ресурс]. URL: [https://dezza.ru/portfolio/vasha-](https://dezza.ru/portfolio/vasha-lyubimaya-tradiciya-refresh-pirogovogo-dvorika/)

[lyubimaya-tradiciya-refresh-pirogovogo-dvorika/](https://dezza.ru/portfolio/vasha-lyubimaya-tradiciya-refresh-pirogovogo-dvorika/) (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁷ Пироговый Дворик [Электронный ресурс]. URL: <https://pirogov-dvorik.ru/> (дата обращения: 21.10.2024).

радостью и дружелюбием (Эванс, 2019: 106, 133, 157). В случае с Бенуариками мы четко видим этот аспект в образах родителей. Так, Ева – мама – представлена в ярко-розовой одежде, «женственный» цвет символизирует заботу и тепло. Алекс – папа – одет в синий цвет, цвет ответственности, мужественности и стабильности. Дизайн Бенуариков сочетает в себе черты реальных животных и фантастических созданий, создавая неповторимую визуальную идентичность. Их характерный внешний вид с большими глазами и округлыми формами вызывает симпатию и доверие у детей, что делает их мощнейшими символами бренда. Данные маскиоты относятся к архетипу «Творца» (Марк, Пирсон, 2005: 212). Персонажи-дети, такие как Уня и Ник, воплощают в себе этот архетип благодаря тому, что Ник – умный и знает множество языков, а Уня – творческая, обожает петь и кататься на велосипеде

(<https://benua1890.ru/about/benuariki>).

Бенуарики представлены в серии книг и в образовательных материалах, вдохновляющих детей учиться и развиваться. Таким образом, благодаря яркому визуалу, функциям дополненной реальности и образовательным компонентам, Бенуарики стремятся создать связь с аудиторией. «Ферма Бенуа» позиционирует себя как место, ориентированное на семейные ценности и поддержание связи с природой. Это подчеркивается их акцентом на качественную и свежую еду. Однако если мы рассматриваем, насколько персонажи помогают доносить экологическую повестку бренда, то этот аспект не представлен явно.

Рис. 9. Бенуарики¹⁸

Fig. 9. Benuariki

На основании проведенного анализа можно подытожить, что маскиоты активно используются как инструмент позиционирования, но ни один из рассмотренных примеров не является «идеальным». Перечислим основные ошибки, совершенные заведениями при использовании маскиотов:

1. Отсутствие маскиоты в коммуникации приводит к превращению его в пустые картинки, не несущие смысла и не выстраивающие эмоциональной связи. Лишь у 3 из 13 маскиотов появляются публикации от их имени. Маскиоты должны быть не декорацией, а активными участниками жизни заведения. Необходимо их участие в активностях заведения как в Интернете, так и реальной жизни, например, через использование мерча, дополненной реальности и актеров.

2. Не прописанная история, характер и окружение снижают эффективность восприятия их аудиторией, что приводит к непониманию ценностей и смыслов, транслируемых маскиотом, а это, в свою очередь, вредит и позиционированию. Персонажи, особенно если их несколько, должны раскрываться через

¹⁸ Бенуарики [Электронный ресурс]. URL: <https://benua1890.ru/about/benuariki> (дата обращения: 21.10.2024).

взаимодействие друг с другом, аудиторией и самим заведением. Без «глубины» персонажи не могут создать стойкую ассоциацию с брендом, что может привести к неправильному пониманию его деталей, путанице и подмене смыслов, оставляя след на имидже и репутации.

3. Нарушение архетипа героя приводит к отторжению его аудиторией. Происходит это в случае, если маскот не соответствует классической модели нарратива и имеет визуально отталкивающие черты, при этом не обладая достаточным уровнем шарма и убедительной историей, оправдывающей его облик. Неправильный выбор героя приведет к потере доверия, что может серьезно навредить репутации заведения, особенно если оно семейного типа.

4. «Соккрытие» информации о маскотах через перенос ее на вторичные вкладки/разделы или оставление ее незакрепленной, из-за чего в скором времени информация теряется среди другого контента. Аудитория не будет специально искать информацию о маскотах, поэтому она должна быть либо закреплена, либо периодически повторяться, чтобы информировать новых людей и напоминать о герое старой аудитории.

В ресторанной сфере Санкт-Петербурга использование маскотов представляет собой ценный, но еще не до конца изученный способ подчеркнуть индивидуальность бренда и укрепить эмоциональные связи с клиентами. Результаты этой работы показывают, что использование маскотов в качестве инструмента позиционирования является эффективным. Однако результаты исследования также говорят нам о том, что заведения не используют потенциал маскотов в полной мере или не используют их в целом. Маскоты содержат в себе эмоциональное и визуальное воплощение ценностей и фундаментальных принципов бренда. Благодаря отточенному дизайну и тщательно проработанной концепции

маскоты становятся неотъемлемой частью фирменного стиля компании. Взаимодействие маскотов с целевой аудиторией выходит за рамки традиционных рекламных технологий, включая возможности для геймификации, повествовательного сторителлинга и иммерсивного опыта. К сожалению, несмотря на характерные преимущества маскотов, эта работа также выявила некоторые проблемы и упущенные возможности. Зачастую заведения используют маскоты в качестве декоративного элемента, красивой картинки, а не динамичного и интерактивного компонента маркетинговой компании. Такие заведения упускают потенциал этого мощного инструмента. Таким образом, следует сказать, что стратегическая реализация маскотов является важным инструментом развития ресторанной сферы Санкт-Петербурга. Несмотря на нынешний низкий уровень внедрения маскотов, мы видим, что есть успешные кейсы их интеграции, которые демонстрируют значительный потенциал для дальнейшего расширения.

Литература

- Айсмен, Л. Дао цвета / пер. с англ. Т. Новиковой. М.: Эксмо, 2005. 176 с.
- Барт, Р. Империя знаков / пер. с франц. Я.Г. Бражникова. М.: Праксис, 2004. 144 с.
- Баттистини, М. Символы и аллегории: Визуальные коды понятий в произведениях изобразительного искусства / пер. с итальян. В.Ю. Траскина. М.: Омега, 2008. 384 с.
- Карпова, М.К., Бученкова, Э.О. Традиционные гендерные стереотипы в условиях современности // Наука. Общество. Государство. 2021. № 1 (33). С. 149-155. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-19.
- Кафтанджиев, Х. Герои и красавицы в рекламе. СПб.: Питер, 2008. 222 с.
- Крейдлин, Г.Е., Кронгауз, М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Флинта, 2015. 241 с.
- Лебедев-Любимов, А. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002. 368 с.
- Марк, М., Пирсон, К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. с

англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. 336 с.

Ситников, А.П. Социальное мифотворчество: актуализации архаизации массового сознания // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 6. С. 54-65. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.6.4

Спиридонов, Г.Б. Многоликость образа обезьяны в синтоистском искусстве // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 255-272. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10012.

Чарквиани, И., Tkheidze, N., Grdzeldze, M. Исследование женской традиционной одежды Грузии // German International Journal of Modern Science. 2021. № 23. С. 47-49. DOI: 10.24412/2701-8369-2021-23-47-49.

Шан, Б., Сай, Н., Лю, Ч. Образы животных и птиц в русской и китайской лингвокультурах // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11 (91). С. 114-122. DOI: 10.24158/fik.2021.11.19.

Эванс, Г. История цвета. Как краски изменили наш мир / пер. с англ. А. Ануфриева. М.: Эксмо, 2019. 224 с.

References

Barthes, R. (2004), *Imperiya znakov* [L'Empire des signes] [The Empire of Signs], Transl. from French by Brazhnikova, Ya. G., Praksis, Moscow, Russia (in Russ.).

Battistini, M. (2008), *Simvoly i allegorii: Vizualnye kody ponyatiy v proizvedeniyakh izobrazitelnogo iskusstva* [Symbols and Allegories in Art], Transl. by Traskin, V. Yu., Omega, Moscow, Russia (in Russ.).

Charkviani, I., Tkheidze, N and Grdzeldze, M. (2021), "Study of women's traditional clothing in Georgia", *German International Journal of Modern Science*, 23, 47-49 (in Russ.). DOI: 10.24412/2701-8369-2021-23-47-49.

Eiseman, L. (2005), *Dao Tsveta* [Colors for your every mood], Transl. by Novikova, T., Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Evans, G. (2019), *Istoriya tsveta. Kak kraski izmenili nash mir* [The Story of Colour. An Exploration of the Hidden Messages of the Spectrum], Transl. by Anufriev, L., Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Kaftandzhiev, H. (2008), *Geroi i krasavitsy v reklame* [Heroes and Beauties in Advertising], Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Karpova, M. K. and Buchenkova, E. O. (2021), "Traditional gender stereotypes in modern conditions", *Science. Society. State*, 30 (1), 149-155 (in Russ.). DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-19.

Kreydlin, G. E. and Krongauz, M. A. (2015), *Semiotika, ili Azbuka obshcheniya* [Semiotics, or the ABCs of Communication], Flinta, Moscow, Russia (in Russ.).

Lebedev-Lubimov, A. (2002), *Psikhologiya reklamy* [The psychology of advertising], Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Mark, M. and Pearson, C. (2005), *Geroy i buntar: Sozdanie brenda s pomoshchyu arkhetyпов* [The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes], Transl. by Sukhenko, A. and Domnin, V. (eds), Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shang, B., Sai, N. and Liu, Z. (2021), "Images of animals and birds in Russian and Chinese linguistic cultures", *Society: Philosophy, History, Culture*, 11, 114-122 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2021.11.19.

Sitnikov, A. P. (2021), "Social myth-making: actualising the archaisation of mass consciousness", *Humanities of the South of Russia*, 10 (6), 54-65 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.6.4

Spiridonov, G. B. (2018), "The diversity of the image of monkey in Shinto art", *Yearbook Japan*, 47, 255-272 (in Russ.). DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10012.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare

ОБ АВТОРАХ:

Богданова Мария Алексеевна, магистрант высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б, г. Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация; mary.bogdanova.01@mail.ru

ORCID ID: 0009-0006-9215-6521

Печенкина Мария Олеговна, магистрант высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б, г. Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация; *masha_pecha@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0004-5831-6320

Попов Дмитрий Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент, высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, лит. Б, г. Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация; *popov_dg@spbstu.ru*

ORCID ID: 0000-0002-4588-5805

ABOUT THE AUTHORS:

Mariya A. Bogdanova, Master's Degree Student, Institute of Humanities, Higher School of

Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 B Polytekhnicheskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russian Federation; *mary.bogdanova.01@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0006-9215-6521

Mariya O. Pechenkina, Master's Degree Student, Institute of Humanities, Higher School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 B Polytekhnicheskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russian Federation; *masha_pecha@mail.ru*

ORCID ID: 0009-0004-5831-6320

Dmitriy G. Popov, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Higher School of Media Communications and Public Relations, Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 B Polytekhnicheskaya St., Saint-Petersburg, 195251, Russian Federation; *popov_dg@spbstu.ru*

ORCID ID: 0000-0002-4588-5805

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

УДК 165.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-1

Адамьянц Т. З.

Ментальные технологии современных образовательных процессов

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия;
tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания статьи латентные требования (смысловые нюансы) к ментальным технологиям, обеспечивающим успешность в ключевых группах учебных дисциплин современной системы образования. Методологической основой изучения оказалась междисциплинарная семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, в рамках которой образовательный процесс рассматривается как коммуникативно-познавательная деятельность. Критерием выводов и рекомендаций служит соответствие поощряемых ментальных технологий задачам гармоничного развития, социализации и социальной адаптации подрастающего поколения. Преимущественная ориентация на запоминание целесообразна только при освоении информационно-когнитивных дисциплин. В естественно-математических и социально-коммуникативных дисциплинах важна не только способность к запоминанию, но и навыки глубинного понимания на основе многоуровневого ментального оперирования, позволяющие получить искомый константный результат. Учебные программы естественно-математических дисциплин традиционно ориентированы на развитие навыков ментального оперирования на основе четких законов, зависимостей и взаимозависимостей. Однако программы социально-коммуникативных дисциплин, опирающиеся на постмодернистские идеи о множественности смыслов, обесценивают ментальный поиск смысловых (мотивационно-целевых) доминант в воспринятых произведениях/материалах; поощряемые технологии связаны здесь с запоминанием, поиском личностно-прагматичных аспектов или с произвольным интерпретированием. Социальные издержки такого подхода оборачиваются неумением людей, групп, общностей договариваться на конструктивной и честной основе, расширенными возможностями для любителей манипуляций. Издержки личностного плана связаны с затруднениями в социализации и социальной адаптации. Поиск способов совершенствования отечественной системы образования связан с уходом от влияния постмодернистских идей, учетом позитивного опыта советской школы, использованием разработок отечественной науки, позволяющих «видеть»

глубинные смыслы в любых произведениях/материалах, пропагандистских и рекламных кампаниях.

Ключевые слова: гармоничное развитие личности; ментальные технологии; понимание; смысл; семиосоциопсихология; социализация; социальная адаптация

Для цитирования: Адамьянц Т. З. Ментальные технологии современных образовательных процессов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 128-140. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-1

T. Z. Adamyants | **Mental technologies of modern educational processes**

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center for Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia;
tamara-adamiants@yandex.ru

Abstract. The article focuses on latent requirements (semantic nuances) for mental technologies that ensure success in key groups of disciplines of the modern educational system. The methodological basis of the study is the interdisciplinary semiosociopsychological concept of social communication, in which the educational process is considered as a communicative and cognitive activity. The criterion of the conclusions and recommendations is the conformity of the promoted mental technologies with the tasks of harmonious development, socialisation and social adaptation of the younger generation. A predominant focus on memorisation is advisable only in the mastery of informative-cognitive disciplines. In the natural-mathematical and socio-communicative disciplines, not only the ability to memorise is important, but also the ability of deep understanding based on multi-level mental operation, which allows to achieve the desired constant result. Science and mathematics curricula have traditionally focused on the development of mental operations based on clear laws, dependencies and interdependencies. However, programmes in social-communicative disciplines, based on postmodern ideas about the multiplicity of meanings, devalue the mental search for semantic (motivational-target) dominants in perceived works/materials; the technologies promoted here are associated with memorisation, the search for personal-pragmatic aspects, or with arbitrary interpretation. The social costs of such an approach are the inability of individuals, groups, communities to negotiate on a constructive and honest basis and the increased opportunities for manipulation. The costs of the personal plan are associated with difficulties in socialisation and social adjustment. The search for ways to improve the domestic educational system is connected with moving away from the influence of postmodern ideas, taking into account the positive experience of the Soviet school, using the developments of domestic science that allow to "see" the deep meanings in any works/materials, propaganda and advertising campaigns.

Keywords: harmonious development of personality; mental technologies; understanding; meaning; semiosociopsychology; socialization; social adaptation

For citation: Adamyants T. Z. (2024), “Mental technologies of modern educational processes”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 128-140, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-1

Введение (Introduction)

Проблема оценки и поиска путей совершенствования системы образования стала одной из ведущих в отечественном социокультурном дискурсе. В многочисленных научных дискуссиях, статьях, рассуждениях публичных и непубличных персон предлагается введение новых тем и дисциплин, расширение комплекса воспитательных и культурно-просветительных мероприятий, возврат к лучшим традициям и наработкам советской школы. Нисколько не оспаривая важность и целесообразность учета всех названных направлений, в настоящей статье предлагается еще один ракурс решения проблемы, связанный с социальной целесообразностью *массового развития и совершенствования ментальных технологий* (навыков, способностей, умений)¹, необходимых для успешности как в учебе, так и на протяжении всей жизни человека: в карьере, общественной сфере, межличностном общении, творчестве.

Проблема, о которой идет речь, в определенной мере совпадает со сформулированными в современных образовательных стандартах задачами и направлениями развития образовательных компетенций учащихся, однако не аналогична им: *предметом анализа* оказываются ментальные процедуры, продуцируемые (поощряемые) современной системой образования, с одной стороны, и, с другой, степень их соответствия ментальным технологиям, оптимальным для адекватного понимания и

ориентирования в разных сферах человеческой деятельности.

Целью изучения оказался поиск, на основе комплексных междисциплинарных методов и подходов, путей и способов совершенствования образовательных стратегий, направленных на многостороннее развитие ментальной сферы подрастающего поколения. Для реализации поставленной цели решались следующие *исследовательские задачи*: во-первых, выявлялись латентные требования (смысловые нюансы) к ментальным технологиям, продуцируемым в ключевых (информационно-когнитивных, естественно-математических и социально-коммуникативных) группах учебных дисциплин. Во-вторых, задачи изучения включали поиск исследовательских данных об особенностях влияния освоенных личностью ментальных технологий на особенности ее социализации и социальной адаптации.

Методологической основой решения обозначенной проблемы оказалась междисциплинарная семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, в центре внимания которой «знаковое общение как процесс обмена текстуально организованной смысловой информацией» (Дридзе, 1984: 45). Использовался разработанный в рамках вышеназванной концепции метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа, позволивший доказательно выявить латентные смысловые требования к особенностям ментальных технологий,

¹ Назовем нескольких мыслителей и исследователей разного времени в анализируемом нами направлении научной мысли. Среди классиков это Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, И. Кант; среди зарубежных аналитиков – Дж. Дьюи, К. Поппер, К. Роджерс, А. Уайтхед, Т. Адорно,

Ю. Хабермас и др. Российских авторов в нашем перечне представляют К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, В.В. Розанов, С.И. Гессен, Т.М. Дридзе, А.П. Огурцов, Г.П. Щедровицкий, Б.С. Гершунский и др.

производимых современной системой образования. Ценным для анализа оказалось также положение о социоментальных группах, дифференцированных по особенностям понимания смысловых доминант, наличествующих в целостных, завершённых произведениях, материалах и т. д., а также эмпирически подтверждённые данные о типичных ментальных процедурах, свойственных представителям таких групп. Критерием выводов и рекомендаций служит соответствие производимых технологий задачам гармоничного развития, успешной социализации и социальной адаптации подрастающего поколения.

Актуальность проблемы обусловлена задачей воспитания «гармонично развитой и социально ответственной личности»². Массовое развитие ментальных способностей наших соотечественников окажется важным этапом для решения поставленной задачи. Результатом окажется наличие у выпускников школ, колледжей, техникумов и вузов не только разносторонних знаний и познаний, умений и компетенций, но и навыков многоуровневого ментального оперирования, позволяющих достигать искомых результатов в учебе, карьере, социальной и личной жизни, творчестве. В числе позитивных результатов окажется также стремление внести лепту в развитие и благополучие своей страны, понимание тенденций современных социальных и политических процессов, умение принимать взвешенные самостоятельные решения. А учитывая беспрецедентное смысловое давление «извне», важна и способность противостоять на ментальном уровне различного рода манипулятивным материалам, которыми изобилует современное социокультурное пространство.

Основная часть (The main content)

Ментальные технологии как составной компонент образовательных процессов. Рассматривая образовательные процессы как «коммуникативно-познавательную самостоятельную деятельность (с собственным мотивом, предметом, продуктом и результатом)» (Дридзе, 1984: 43) можно выявить и обозначить роль и место ментальных технологий в обучении и развитии личности. В соответствии с общими принципами метода мотивационно-целевого анализа (Дридзе, 1984: 82-87; Адамьянц, 2024: 16-24), комплекс учебных мероприятий (программы, планы, занятия, лекции и т. д.) в рамках любой учебной дисциплины следует рассматривать как структуру взаимосвязанных и взаимодополняющих коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на реализацию искомых мотивационно-целевых доминант (как явных, так и латентных), определяющих специфические особенности, личностную и социальную значимость обучения. Обозначим уровни такой структуры:

- I уровень – искомый результат: усвоенные/заученные тексты, факты, сведения, правила, формулы, законы, представления, компетенции и т. д. в рамках учебной дисциплины;
- II уровень – общие сведения об учебной дисциплине или группе однотипных дисциплин, их роли в познании мира и жизни человека;
- III уровень – непосредственный предмет обучения: информация, навыки, умения, компетенции;
- IV уровень – учебные задания и требования: задачи, формулы, упражнения, сочинения, контрольные работы, рефераты, тесты и т. д.

² Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период

до 2030 года» от 21 июля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 10.02. 2024)

• V уровень – ментальные технологии (способности, навыки), необходимые для успешности.

Знакомство с приведенной структурой показывает целесообразность углубленного внимания к особенностям и социальной значимости ментальных технологий в образовательных процессах: это определяющий фактор успешности в обучении.

Понимание как ключевая ментальная процедура в знаковом общении. Еще не так давно основной задачей образования было обучение грамоте, письму, счету. Сегодня круг знаний и навыков, получаемых в результате многолетних учебно-образовательных мероприятий, стал неизмеримо шире. Быстро меняющийся мир выдвигает на передний план социальную целесообразность массового прихода не только многознающей, но и *понимающей* личности (о том, что «многознание уму не научает», говорил еще Гераклит).

Основной функцией сознания «Homo Sapiens», или *человека разумного*, является *понимание*³. Это непростая *ментальная деятельность*, связанная с постижением значений и смыслов знаков разной степени сложности и их дальнейшим оперированием/структурированием для получения искомого результата. Любой процесс понимания виртуален: и осознание значений самых простых слов или цифр, и выбор способа решения сложной задачи, и поиск смысла воспринятого произведения, – все эти процессы происходят «в уме», другого способа понимания (или поиска пути к пониманию) нет.

Виртуален и предмет понимания (то, что надо понять). Это значения, смыслы,

количества, формы и т. д., «проявляющиеся» в сознании при восприятии и ментальном оперировании знаками разной степени сложности (Адамьянц, 2023). На самом раннем этапе обучения это *простые знаки* (буквы, цифры), которые, тем не менее, надо связывать либо со звуком или с другими простыми знаками, либо с неким количеством.

Гораздо больше виртуальности у *знаков сложных* (слов, словосочетаний, фразам, дискурсов, математических заданий и т. п.): процесс их понимания связан, во-первых, с осознанием значений простых знаков и, во-вторых, с оперированием на ментальном уровне этими значениями. Чтобы понять, надо суметь обнаружить латентный контекст или новые значения, возникающие в результате взаимодействий простых знаков. Или вспомнить (догадаться) о способах или правилах математических действий, и только потом получить искомое решение. При этом отраженный на бумаге или на дисплее компьютера результат, равно как путь к этому результату, вторичен по отношению к ментальным процессам.

Еще более виртуальны *мета-знаки* (целостные тексты, физические или математические задачи и формулы). Формально результат понимания отражается на бумаге, экране или в устном ответе, однако непосредственный процесс поиска решения или ответа происходит в уме. Доказательством понимания мета-знаков оказывается решенная задача, доказанная формула или понятый смысл произведения. Для освоения таких знаков необходимы не только знание и понимание значений простых и сложных знаков, но и

³ Назовем несколько имен ученых и философов, чьи мысли оказались значимыми при изучении феноменов «понимание» и «смысл». Эпоху античности в нашем перечне представляют Гераклит, Платон, Аристотель, Плотин; средневековый период и Возрождение – Ф. Аквинский, Фр. Бэкон, И. Кант; среди

современных зарубежных исследователей назовем В. Дильтея, М. Вебера, А. Шюца, П. Рикера, Н. Лумана, Дж. Александера; наши соотечественники представлены именами Т.М. Дридзе, В.В. Знакова, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и др.

навыки оперирования ими «в уме», связанные с выявлением и анализом взаимосвязей и взаимозависимостей между ними, «направляющие» ментальный поиск на искомый константный результат. Приведем в качестве иллюстрации наблюдения известного математика А. Пуанкаре о неких неподвижных «атомах», которые после начала умственной работы приходят в движение, пока не обнаружится решение, причем «атомы больше не возвращаются в свое первоначальное состояние» (Пуанкаре, 1909). Подведем промежуточный итог, который пригодится для дальнейшего анализа. Понимание мета-знаков связано, во-первых, со знанием и пониманием значений знаков простых и сложных; во-вторых, понимание мета-знаков невозможно без навыков ментального оперирования, или продвижения «в уме»; в-третьих, необходим «выход» на некий константный результат (Адамьянц, 2023).

Ментальные технологии в ключевых группах учебных дисциплин. Из комплекса учебных дисциплин любых образовательных программ можно с некоторой долей условности выделить, в соответствии с основными сферами жизни, деятельности и интересов человека, и обозначить как ключевые с точки зрения влияния на ментальную сферу учащихся, следующие группы дисциплин:

- информационно-когнитивные;
- естественно-математические;
- социально-коммуникативные.

Основное требование к успешности в информационно-когнитивных дисциплинах – тех, что дают знания об окружающем мире и человеке (ботаника, зоология, география, анатомия и пр.) или основаны на сообщении четких и общепринятых правил (грамматика, синтаксис и т. д.), – связано с *механическим запоминанием*. Необходимо механическое запоминание и относительно зафиксированных закономерностей и/или повторяющихся результатов (таблица умножения, логарифмы, простые формулы

и т. д.), чтобы использовать усвоенное знание в дальнейших действиях и процедурах. Уточним, что механическое запоминание предполагает владение, пусть и в упрощенном варианте, навыками понимания; здесь предметом понимания оказываются простые и сложные знаки.

А вот успешность в дисциплинах естественно-математических (математика, геометрия, физика, химия и т. п.), а также социально-коммуникативных (чтение, литература, история и т. п.) предполагает не только способность к запоминанию, но и *владение навыками ментального оперирования*; иными словами, необходимы *навыки понимания мета-знаков*. Только наличием или отсутствием таких навыков можно объяснить своеобразный парадокс, который отмечают школьные учителя: порой школьники, бывшие отличниками в младших классах, начинают показывать средние успехи, а недавние «середнячки» выходят на лидерские позиции.

Ментальные навыки, необходимые для успешности в естественно-математических науках, основаны на применении неких константных алгоритмов, позволяющих эффективно и с верным результатом решать заданные жизнью/ учителем/ учебником задачи. В процессе образования такие алгоритмы сообщаются как формулы, законы, доказательства, способы решения, которые при усвоении и практическом применении развивают навыки оперирования исходными данными (продвижением «в уме») для получения искомого ответа. Напомним в этой связи о высказывании Л.Н. Толстого, имевшего непосредственный опыт обучения крестьянских детей в созданной им школе, о том, что «...математика имеет задачей не обучение счислению, но обучению приемам человеческой мысли при исчислении» (Толстой, 1936: 192).

Как же обстоит дело с ментальными технологиями, необходимыми для углубленного понимания в социально-

коммуникативной сфере – той, что охватывает практически все формы общения и взаимодействия людей и к которой в социальном дискурсе больше всего нареканий? Речь идет не только о знании содержания включенных в учебные программы литературных произведений, течений и стилей, но и о таких навыках ориентирования в постоянно меняющейся и разнонаправленной социокультурной среде, при наличии которых человек понимает глубинные смыслы *любых* воспринятых произведений и материалов, будь это интернет-сайт, телепрограмма, радиопередача, театральная постановка, нашумевший роман или все те же произведения из учебных программ; знает не только даты, фамилии и названия, но и понимает тенденции развития социальных, политических, исторических процессов; отличает скрытые формы воздействий и манипуляций от честной и открытой интенциональности коммуникатора/автора. Социальная значимость массового соответствия таким характеристикам очевидна. Очевидно и то, что развитие навыков понимания в социально-коммуникативной сфере – важная задача системы образования, адекватно и своевременно реагирующей на вызовы и требования времени.

Прежде чем анализировать особенности ментальных технологий в сфере социально-коммуникативных дисциплин, необходимо указать, что в современных концепциях о социальной коммуникации существуют принципиальные *расхождения о предмете понимания* при восприятии целостных, завершенных произведений (Адамьянц, 2014; Адамьянц, 2023). Соответственно, различаются и представления о ментальных технологиях, на развитие которых должен быть ориентирован образовательный процесс. Обозначенные расхождения – тема не абстрактная: особенности ментальных технологий, которыми владеют большие массы людей,

качественно влияют на социально значимые процессы.

Одна сторона расхождений, представленная тотально распространенными современными герменевтическими концепциями, опирающимися, в свою очередь, на постмодернистские идеи о множественности и личностном характере смыслов (Gadamer, 1976; Фуко, 1994; Дильтей, 1996 и др.), отрицает наличие единого смысла в целостных, завершенных произведениях. Соответственно, не идет речь и о таких отличительных признаках успешного ментального процесса, как продвижение «в уме» в рамках конкретных мета-знаков и, как обязательное условие, «выход» на константный результат (смысл). Предмет понимания фактически ограничен простыми и сложными знаками, как в текстах сугубо информационно-познавательного плана, так и в текстах, относящихся к социально-коммуникативной сфере. Согласно этим концепциям, единого (константного) смысла в рамках произведения нет, потому искать его незачем; автора как создателя смысла также нет, «автор умер». Есть только личностные смыслы, возникающие в результате индивидуальных «встреч» с произведением. Текст как целостное образование также «умер»: есть только его отдельные части, которые можно трактовать произвольно, в соответствии с желанием или фантазией воспринимающей личности.

Одобренный современными герменевтическими концепциями подход к феномену понимания в сфере социальной коммуникации оборачивается многими нежелательными последствиями на социальном плане (Дридзе, 2000b). Возможность произвольных интерпретаций используется как манипулятивный прием в информационных войнах; декларации множественности смыслов стали оправданием произвольных толкований устоявшихся терминов и значений, таких,

например, как «свобода», «семья», «демократия» и т. д., что привело к практике «двойных стандартов»; отсутствие единой смысловой платформы между странами, социумами, общностями и людьми разрушают диалог с взаимопониманием и конструктивные взаимодействия; складывающиеся в результате смысловой неопределенности «картины мира» представителей молодого поколения затрудняют процессы их социализации и социальной адаптации.

Другая сторона расхождений, представленная разработками российской академической науки в сфере социальной коммуникации (Дридзе, 1984; Дридзе, 2000а), декларирует (и обосновывает методологически и экспериментально) предметом понимания в рамках целостных, завершенных произведений, материалов и т. п. *константный смысл*, или авторскую интенцию, которая трактуется как «...равнодействующая мотивов и целей общения и взаимодействия людей...» (Дридзе, 2000а: 16); это то, что автор/коммуникатор хотел сказать, выразить, донести (или утаить), что у него «сказалось». Константный смысл надо понять, а для этого необходимо «увидеть» в любом произведении некую виртуальную многоуровневую структуру взаимозависимых и взаимоподчиненных уровней коммуникативно-познавательных программ, в числе которых могут быть не только логические, но и образно-эмоциональные компоненты. Умение «добираться» до вершины структуры (здесь «таится» константный смысл) и есть ментальное оперирование, или «продвижение в уме». Процедура поиска смысла комплексная: необходима и дифференциация имеющихся уровней на главные, второстепенные, третьестепенные и т. д., и наблюдения об особенностях их взаимодействия между собой и, как ключевой принцип, выдвижение и опровержение гипотез о том, что именно хотел сказать, выразить автор. Основной вектор ментального поиска можно

охарактеризовать как *абдукцию* (Peirce, 1956), или *продвижение «снизу вверх»*: от деталей, подробностей, образно-эмоциональных компонентов – к аргументам, тезисам (если таковые присутствуют) и, наконец, к искомому смыслу.

Утверждение постмодернистов о множественности смыслов не отрицается, однако – множественности смыслов в рамках личностных «картин мира». Иными словами, существует два уровня восприятия: адекватное понимание авторской интенциональности (что именно автор хотел сказать, выразить, донести) и – личностная интерпретация воспринятого материала; при этом соглашаться или не соглашаться с автором – личное право каждого человека.

Болонские стандарты как отражение постмодернистских идей и подходов в социально-коммуникативных дисциплинах. Научным базисом образовательных стратегий Болонской системы стали постмодернистские идеи и подходы. Поощрение и одобрение, в соответствии с принятыми здесь критериями оценки, фактически получают учащиеся, обладающие способностью к механическому запоминанию, причем акцент в оценочных требованиях зачастую относится к деталям, подробностям (цвет платья героини, кличка собачки и т. д.), то есть к нижним уровням латентной мотивационно-целевой структуры воспринятого произведения. Положительной оценки заслуживают также интерпретации, связанные с получением некоей «личной пользы» (прагматический аспект): «что нового я узнал», «как это может мне пригодиться»; при этом «выход» на мотивы и цели автора не обязателен.

Имеется большое число научных разработок, посвященных анализу методов оценки понимания текстов в образовательном процессе (Ломбина и др., 2020), однако, в соответствии с постмодернистскими идеями, задача обучения пониманию константных

смыслов в рамках этих методов не ставится; культивируемые ментальные процессы можно охарактеризовать как вторичные по отношению к поиску авторских мотивов и целей. Таковы, например, рекомендации определить перед прочтением личностную цель: для информационных текстов – получить и использовать информацию, для текстов художественных – приобрести жизненный опыт, стимул к сопереживанию и фантазии, испытать различные эмоции (Mullis, 2012; Duke, 2012). Вряд ли кто станет возражать, что результатом восприятия текста могут быть и новые сведения, и эмоции, и сопереживания, и фантазии, и домыслы, и произвольные интерпретации, однако почему бы не совместить эти процессы с поиском ключевых смысловых доминант (того, что хотел сказать, выразить, донести автор)?

В рамках международных программ PIRLS и PISA, в которых участвует многие страны, а до недавних пор участвовала и наша страна, проводятся исследования эффективности чтения, где фигурируют такие показатели, как скорость чтения и понимание прочитанного. Напомним, что показателем достигнутого понимания здесь является факт получения неких познаний прагматичного уровня или произвольное интерпретирование (Mullis, 2012; Duke, 2012); иными словами, это оценка отнюдь не самых важных для *понимающей личности* ментальных способностей. А вот задача развития таких ментальных навыков, владение которыми позволит понимание целей и мотивов автора, – такая задача не ставится.

Информация к размышлению. Навыками многоуровневого оперирования «в уме», приводящими к пониманию константных смыслов в сфере социальной коммуникации, изначально, в силу природных способностей, обладают, к

сожалению, далеко не все люди; в серии исследований с использованием семиосоциопсихологических методов и подходов, которые проводятся начиная с 70-х годов прошлого века, число респондентов, проявивших такие навыки, составляет от 14 до 25-35 %, в зависимости от жанра, степени сложности воспринятого материала и убедительности автора (Дридзе, 1984: 172-174; Адамьянц, 2024: 43). Традиционно считается, что такие навыки – это природный дар, особого рода способность, однако возможность их массового развития вполне реальна: «...названная характеристика <...> поддается формированию в процессе обучения» (Дридзе, 1984: 221). Общие принципы и методические основания такой работы разработаны (Адамьянц, 2024) и неоднократно апробированы в ряде ведущих вузов нашей страны в рамках дисциплин, посвященных социальной коммуникации, а также в фундаментальных научных исследованиях и экспериментах; сопоставление параметров *до* и *после* специального комплекса теоретических и практических занятий показало стойкую положительную динамику⁴.

Характерно, что момент достижения понимания («смыслового контакта») сродни озарению, инсайту: становятся особо одухотворенными лица, блещут глаза, человек испытывает особого рода ментальное удовольствие.

О социальной целесообразности массового развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации свидетельствуют данные серии фундаментальных исследований, где посредством комплекса вопросов, заданий и тестов выявлялись и сопоставлялись социологические, социально-психологические и семиосоциопсихологические характе-

⁴ Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты. НИР: грант № 15-06-02540. Российский фонд фундаментальных исследований,

2015-2017.

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50631469>

См.:

ристики каждого из испытуемых. В результате многоуровневого анализа было зафиксировано, что в массе своей те респонденты, которые смогли проявить навыки адекватного понимания смысловых доминант воспринятых произведений, *более социализированы и социально адаптированы* (на уровне тенденций) по сравнению со своими сверстниками, которые такими навыками не обладали. Речь идет о личностных характеристиках, позволяющих выявить и оценить качественные особенности взаимоотношений испытуемых с социумом, окружающим миром, коллективом/ группой/ коллегами, социокультурной средой⁵.

Заключение (Conclusions)

Совершенствование отечественного образования связано с разносторонним развитием ментальных технологий, необходимых вступающему во взрослую жизнь человеку для созидательной, творческой деятельности. В *информационно-когнитивных дисциплинах* основной ментальной процедурой является механическое запоминание, направленное на максимально возможное овладение обширной и разносторонней информацией. Это, с одной стороны, обосновано: каждому человеку необходим запас знаний, тем более в наш перенасыщенный информацией век, однако, с другой, недовольных немало, причем на самых разных уровнях социума. Тревожит и здоровье подрастающего поколения: массовым явлением среди учащихся стали сутулые спины, испорченное зрение,

бледные щеки, стрессы из-за больших нагрузок. Проблема усугубляется тем, что предметом обязательного запоминания нередко оказывается вторичная информация, что не только создает эффект перенасыщенности памяти, но и отвлекает от других видов ментальной деятельности.

Основная ментальная технология *естественно-математических* дисциплин связана с многоуровневым оперированием; не случайно математику называют «гимнастикой для ума». Принципиальной особенностью навыков и приемов, необходимых для их освоения, состоит в необходимости следования строгим математическим, физическим и другим зависимостям и взаимозависимостям (алгоритмам); основные процедуры приобщения к таким навыкам на уровне начальных и средних ступеней образования отработаны и успешно применяются. На недавнем Совете при Президенте РФ по науке и образованию прозвучали предложения увеличить их объем и охват; прозвучали, однако, и мнения о том, что стране необходимы высококласные специалисты во всех сферах деятельности⁶. Добавим применительно к данному вопросу, что по отношению к современному вузовскому образованию в социальном дискурсе нередко встречаются нарекания в сокращении и упрощении учебных программ в связи с введением, в соответствии с Болонскими стандартами, бакалавриата. Разные сроки обучения и, соответственно, разный объем учебных часов в рамках бакалавриата, специалитета и магистратуры создают разные условия и возможности для развития

⁵ Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты. НИР: грант № 15-06-02540. Российский фонд фундаментальных исследований, 2015-2017.

См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50631469>; Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в социуме. НИР: грант № 11-06-00503. Российский фонд фундаментальных исследований, 2011-2013.

См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50523978>; Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности социокультурной среды. НИР: грант № 08-06-00487. Российский фонд фундаментальных исследований, 2008-2010.

См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50689604>.

⁶ Стенограмма заседания Совета при Президенте РФ по науке и образованию 08.02.2024 <http://www.kremlin.ru/events/councils/73407>.

профессиональных и ментальных навыков, необходимых для творческого поиска молодых специалистов; широко распространенный бакалавриат скорее ориентирован на подготовку практиков-исполнителей, нежели высококласных профессионалов. В этой связи как позитивный факт следует рассматривать трансформации, которые начинают происходить в системе высшего профессионального образования⁷.

Особо актуальной проблема развития ментальных навыков остается в *социально-коммуникативных* дисциплинах, хотя, независимо от сферы деятельности, такие навыки необходимы каждому человеку. Феномен широко распространившейся полидискурсивности качественно влияет на освоенные умом человека особенности ментальной переработки воспринятых материалов: неограниченная возможность произвольных толкований обесценивает навыки глубинного понимания. Почему бы не приветствовать сочетание в ментальных навыках современного человека как стремление к адекватному пониманию смысла воспринятых произведений (пусть авторы живут в своих шедеврах!), так и способность к интерпретированию, в соответствии с личностными вкусами и предпочтениями?

Традиция углубленного внимания к авторским целям и мотивам идет из глубокой древности. На выявлении латентных смыслов анализируемых произведений и оценке их влияния на социальные процессы строился анализ художественных текстов у классиков российской критической мысли. Добавим, что на анализ мотивационно-целевых доминант изучаемых литературных произведений были ориентированы темы сочинений по литературе советской

школы – проверочных заданий, побуждающих учащихся к оперированию полученными знаниями, то есть к размышлениям и самостоятельному творчеству.

Массовое овладение ментальными технологиями, позволяющими понимание глубинных смыслов в любых воспринятых произведениях, материалах СМИ, интернет-сайтах, блогах, и т. д., создаст оптимальные условия для взаимопонимания на всех уровнях социума, нейтрализует нежелательные эффекты от манипуляций и воздействий, окажется катализатором творческих процессов и гармоничного развития наших соотечественников⁸.

Литература

Адамьянц, Т.З. Концепции понимания в коммуникации: в поисках платформы для взаимопонимания // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 121-131.

Адамьянц, Т.З. Понимание в сфере социальной коммуникации как ментальная технология // *Человек*. 2023. № 1. С. 51-67. DOI: 10.31857/S023620070024827-6. EDN: SLPYJC

Адамьянц, Т.З. Социальные коммуникации: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 200 с.

Дильтей, В. Описательная психология / Пер. с нем Е.Д. Зайцевой под ред. Г.Г. Шпета. 2-е изд. СПб.: Алетейя: Кренов, 1996. 160 с.

Дридзе, Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // *Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. М.: ИС РАН, 2000а. Кн. 1. С. 5-42.*

Дридзе, Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // *Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и*

проблематики, равно как и продолжение исследований и экспериментов для её решения представителями разных направлений социально-гуманитарного знания.

⁷ В феврале 2023 года в послании к Федеральному собранию РФ В.В. Путин объявил о предстоящем изменении системы высшего профессионального образования <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010>.

⁸ Автор считает целесообразным и актуальным дальнейшее осуждение обозначенной в статье

семиосоциопсихологической парадигмах:
в 2 кн. Кн. 2. М.: ИС РАН, 2000б. С. 115-137.

Ломбина, Т.Н., Юрченко, О.В. Проблема понимания текста в начальной школе // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов [Электронный ресурс]: Сб. докладов VI Всерос. социологич. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1876-1881. 1 электрон. опт. диск 12см. (CD-ROM). ISBN 978–5–904804–30–5. DOI 10.19181/kongress.2020.

Пуанкаре, А. Математическое творчество // Вестник опытной физики и элементарной математики (В.О.Ф.Э.М.). 1909. Вып. 483. С. 57-63.

Толстой, Л.Н. Об общественной деятельности на поприще народного образования // Полное собрание сочинений. Том 8. Педагогические статьи 1860-1863 гг. М.: Художественная литература, 1936. С. 159-196.

Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр.; вступ. ст. Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд: АОЗТ "Талисман", 1994. 405 с.

Duke, N.K., Juzwik, M., Caughlan, S., Martin, N. Reading and writing genre with purpose in K-8 classrooms. Portsmouth, NH: Heinemann, 2012. x, 197 p.

Gadamer, H.-G. Philosophical Hermeneutics / Transl. and ed. by D.E. Linge. Berkeley: Univ. of California Press, 1976. viii, 243 p.

Mullis, I.V.S., Martin, M.O., Foy, P., Drucker, K.T. PIRLS 2011. International results in reading. Chestnut Hill, MA: TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College. 2012. 361 p.

Peirce, Ch. Collected Papers. Vol. 6. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1956. 944 p.

References

Adamants, T. Z. (2014), "Concepts of Understanding in Communication: In Search of a Platform for Mutual Understanding", *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 4, 121-131 (in Russ.).

Adamyants, T. Z. (2024), *Sotsialnie kommunikatsii: uchebnik dla vuzov* [Social communications: textbook for universities], 2nd ed., Yurayt, Moscow, (in Russ.).

Adamyants, T. Z. (2023), "Understanding in the field of social communication as a mental technology", *Chelovek [Man]*, 9, 51-67, DOI: 10.31857/S023620070024827-6 (in Russ.).

Dilthey, W. (1996), *Opisatel'naya k* [Descriptive Psychology]. Transl. from German by Zaitseva, E. D., ed. by Shpet, G. G. 2nd ed., Aletheia, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Dridze, T. M. (2000b), "From hermeneutics to semio-sociopsychology: from the «creative» interpretation of the text to the understanding of the communicative intention of the author". *Sotsial'naya kommunikatsiya i sotsialnoe upravlenie v ekoantropotsentricheskoj i semio-sotsiopsikhologicheskoy paradigmatkh: v 2 knigakh, kniga 2*. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books, book 2, IS RAN, Moscow, Russia, 115–137 (in Russ.).

Dridze, T. M. (2000a), "Two New Paradigms for Social cognition and Social Practice", *Sotsial'naya kommunikatsiya i sotsialnoe upravlenie v ekoantropotsentricheskoj i semio-sotsiopsikhologicheskoy paradigmatkh: v 2 knigakh, kniga 1*. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books, book 1], IS RAN, Moscow, Russia, 5–42 (in Russ).

Duke, N. K., Juzwik, M., Caughlan, S. and Martin, N. (2012), *Reading and writing genre with purpose in K-8 classrooms*, Heinemann, Portsmouth, NH, USA.

Foucault, M. (1994), *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences (Les mots et les choses)]. Translated from French; introduction by Avtonomova, N. S., A-sad, Talisman, St. Petersburg. (in Russ.)

Gadamer, H.-G. (1976), *Philosophical Hermeneutics*, Transl. and ed. by D.E. Linge, Univ. of California Press, Berkeley, USA.

Lombina, T. N. and Yurchenko, O. V. (2020), "The problem of understanding the text in primary school", Proceedings of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020) *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsialnom razvitii regionov* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions], ed. by Mansurov, V. A. and Ivanova, E. Y., RAS, FNISC RAS; Moscow, 1876-1881, (in Russ.).

Mullis, I. V. S., Martin, M. O., Foy, P. & Drucker, K. T. (2012), *PIRLS 2011 International results in reading*. TIMSS & PIRLS International Study Center, Boston College, Chestnut Hill, MA, USA

Peirce, Ch. (1956), *Collected Papers*. Vol. 6. The Belknap Press of Harvard Univ. Press, Cambridge, MA, USA.

Poincare, A. (1909), “Mathematical creativity”, *Vestnik oputnoy fiziki i elementarnoy matematiki* [Bulletin of Experimental Physics and Elementary Mathematics], 483, 57-63 (in Russ.)

Tolstoy, L. N. (1936), “On public activities in the field of public education”, *Polnoye sobranie sochineniy* [Complete set of works], vol. 8, Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 159-196 (in Russ.)

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Адамьянц Тамара Завеновна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия; tamara-adamiants@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3911-2769

Web of Science Researcher Id: ABD-1686-2020

Scopus Author Id: 56951112600

ABOUT THE AUTHOR:

Tamara Z. Adamiants, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia; tamara-adamiants@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3911-2769

Web of Science Researcher Id: ABD-1686-2020

Scopus Author Id: 56951112600

УДК 001

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-2

Лисеев И. К.

Экологические вызовы современности и информационная политика

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; lik6841@mail.ru

Аннотация. Информационная политика рассматривается в контексте анализа современных экологических вызовов, находящихся в ее сфере. Анализируются традиционные подходы, объясняющие эти вызовы недостаточным финансовым обеспечением экологической сферы, ослаблением природоохранного законодательства и т. д., а также современные аспекты возникновения экологических вызовов, которые выходят на широкую цивилизационную проблематику, связанную с формированием специфики будущего мирового развития. Раскрывается роль образования в решении всех этих проблем.

Ключевые слова: информационная политика; экологические вызовы; опережающее образование; конвергирующие технологии; экспоненциальный рост; линейное развитие; нелинейное будущее

Для цитирования: Лисеев И. К. Экологические вызовы современности и информационная политика // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 141-144. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-2

I. K. Liseev

Environmental challenges of our time and information policy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; lik6841@mail.ru

Abstract. Information policy is considered in the context of its analysis of modern environmental challenges. The traditional approaches explaining these challenges by insufficient financial provision of the environmental sphere, weakening of environmental legislation, etc., as well as modern aspects of the emergence of environmental challenges that address a wide range of civilizational issues related to the formation of the specifics of future world development are analyzed. The role of education in solving all these problems is revealed.

Keywords: information policy; environmental challenges; advanced education; converging technologies; exponential growth; linear development; non-linear future

For citation: Liseev I. K. (2024), "Environmental challenges of our time and information policy", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 141-144, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-2

Государственная информационная политика – это комплекс политических, правовых, экономических, социально-культурных и организационных мероприятий, направленных на обеспечение доступа к информации. Ее цель – построение отечественного демократического информационного общества.

Одним из важных направлений подобной политики является информационное обеспечение решений возникающих в обществе экологических вызовов. Эти вызовы весьма многообразны и междисциплинальны, что существенно осложняет адекватную реакцию и поиск ответов на них. Это, в свою очередь, требует определенных уточнений и в понимании современной информационной политики.

В ряду работ, посвященных обсуждению данных вопросов, обращает на себя внимание недавно вышедшая статья доктора экономических наук Ольги Петровны Бурматовой, ведущего научного сотрудника Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (Бурматова, 2023). Автор проводит серьезный научный анализ экологических проблем, существующих ныне в России. Подчеркивает, что эти проблемы возникли не здесь и не сейчас, а уже имеют длительную историю. Они вызваны существующей технологически отсталой структурой производства, отсутствием результативных экономических инструментов экологического регулирования, недостаточным финансированием экологической сферы, ослаблением природоохранного законодательства, низкой экологической ответственностью бизнеса, усилением антропогенной нагрузки на природу.

Существование этих проблем объясняется отсутствием необходимых предпосылок для внедрения в практику экологически ориентированных ресурсосберегающих технологий,

малорезультативной современной государственной экологической политикой, недоучетом долгосрочного характера экологических проблем, переходом экономики на путь низкоуглеродного развития, переменами на внешних рынках, изменением экологического регламента в Российской Федерации из-за санкций, отменой ряда экологических мер или их пролонгирования в будущее.

Оценивая риски и угрозы, возникающие в связи с нарастанием этих проблем, автор ищет выходы из них в направлении модернизации социально-экономических подходов, усиления экологического регулирования, существенного повышения степени ответственности организаций, нарушающих подобные требования, и т. д.

Все это абсолютно правильные и разумные предложения. Но достаточно ли будет их для купирования экологических вызовов и экологических угроз? Представляется, что далеко не достаточно.

Даже реализация всех названных выше целей может стать очень эффективным, но увы... лишь первым шагом в решении обсуждаемых проблем. Для их решения необходимо перейти от финансово-экономических составляющих к более глубинному цивилизационному анализу специфики мирового развития. Следует осознать неизбежность ориентации на универсальные нравственные основы, без которых современный технократический и цифровой век никогда не придет к выходу из наступающего хаоса. Задача состоит в утверждении нового экологически ориентированного мировоззрения, становлении социоприродного стиля мышления, формировании широкой экологической культуры. И всего этого невозможно достичь без существенной трансформации всей отечественной системы образования и воспитания. Традиционные формы образования, которые давали своим слушателям

сведения о результатах, достигнутых человечеством к настоящему времени, сейчас, конечно, тоже нужны, но уже недостаточны. Возникает необходимость в образовательном процессе говорить и о намеченных перспективах дальнейшего развития, пытаться осмыслить их позитивные возможности, а также определенные риски и угрозы. Конечно, осознать все это заранее невозможно, но обратить внимание на подобные перспективы просто необходимо в наших условиях стремительного и во многом стихийного развития современного техногенно ориентированного общества.

Именно в системе образования может быть раскрыта и обоснована необходимость становления на современном этапе новых методологических принципов, дающих возможность отойти от традиционных аналитических установок, наработанных наукой ранее, в пользу системных, коэволюционных, синергетических методологий, дающих принципиально иной взгляд на поставленные проблемы. Только через образовательные процессы окажется возможным осознать смену ведущих направлений, определяющих характер приоритетов в развитии человеческой деятельности. Обосновать переход от установок на неограниченный прогресс, беспредельный экономический рост к представлениям о пределах роста, гармонизации финансово-экономической экспансии и экологических лимитов. Доказать необходимость перехода от доминирования отношений господства, конкуренции, состязательности к идеалам сотрудничества, кооперации, сосуществования (Философия..., 2018: 5-14).

Стремительное техногенное развитие в эпоху действия конвергирующих технологий требует философского осмысления фундаментальных оснований социо-техно-природного развития современного общества; глубокого осознания как преимуществ, так и угроз, связанных с развитием искусственного

интеллекта, цифровизацией всех сфер бытия; критического анализа идей, предлагаемых ныне трансгуманизмом и постгуманизмом и связанных с грядущей киборгизацией человека и т. д. В современные образовательные процессы должны решительней внедряться новые технологии, обеспечивающие приоритет человеческого в создающемся мире машинного доминирования.

Говоря о современном образовании, С.Д. Козлов отмечает, что проблема здесь состоит в том, что экспоненциальный рост современных технологий вступает в противоречие с линейными моделями образовательного процесса. Поэтому остро необходимо обеспечить практику ежегодного обновления программного продукта содержания учебников, дающих предельную актуализацию знаний и навыков, внедрения современных блокчейн-технологий, дающих возможность преодоления линейности развития (Козлов, 2019: 81-97).

Основной целью развития образования должна оставаться установка: новые образовательные технологии создаются для продолжения самосовершенствования человечества, а не против него.

Этот светлый гуманистический путь, конечно, очень желателен. Но его достижение весьма сложно и противоречиво. Самообучающиеся нейронные сети ChatGPT уже способны обучать новые системы искусственного интеллекта вне и независимо от воли человека. Человек все более теряет свои возможности контролировать и определять направления развития современных технологий. Каковы перспективы этого непредсказуемого нелинейного будущего?

Отечественный ученый А.П. Назаретян провел глубокий анализ этих проблем (Назаретян, 2013). Всесторонне проанализировав современную реальную ситуацию, он полагает, что в целой взаимосвязанной цепочке факторов, ее вызвавших, ведущей

все же является неспособность современного человечества совладать со все возрастающим могуществом разума и практическими возможностями его применения. Только учет всей совокупности социальных, культурных и психологических составляющих способен дать возможность мировой цивилизации вступить в фазу долгосрочной устойчивой саморегуляции (Панов, 2009).

Таким образом, можно констатировать, что развитие и расширение информационной политики, направленной на анализ экологических вызовов современности, являются важнейшими факторами осознания и регуляции дальнейших путей цивилизационного развития общества.

Литература

Бурматова, О.П. Проблема экологического управления в России в контексте современных потенциальных угроз // Современные технологии управления. 2023. № 4 (104) [Электронный ресурс]. URL: <https://sovman.ru/article/10403/> (дата обращения: 10.11.2024).

Козлов, С.Д. Записки пролификатора: Блокчейн и сингулярность. М.: ИМЦ, 2019. 160 с.

Назаретян, А.П. Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Изд-во МБА, 2013. 437 с.

Панов, А.Д. Наука как феномен эволюции // Эволюция: космическая, биологическая, социальная. М.: Книжный дом «Либроком М», 2009. С. 99-127.

Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий / под ред. И.К. Лисеева. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 340 с.

References

Burmatova, O. P. (2023), "The problem of environmental management in Russia in the context of modern potential threats", *Modern Management Technology*, 4 (104) [Online],

available at: <https://sovman.ru/article/10403/> (Accessed 10 November 2024) (in Russ.).

Filosofiya sotsioprirodnogo vzaimodeistviya v vek konvergentnykh tekhnologiy (2018) [Philosophy of socio-natural interaction in the age of convergent technologies], in Liseev, I. K. (ed.), Nestor-Istoriya, Moscow, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Kozlov, S. D. (2019), *Zapiski prolifikatora: Blokcheyn i singulyarnost* [Prolifier's Notes: Blockchain and the Singularity], Publishing house of the Institute of World Civilization, Moscow, Russia (in Russ.).

Nazaretyan, A. P. (2013), *Nelineynoye budushcheye: megaistoricheskiye, sinergeticheskiye i kulturno-psikhologicheskiye predposylki globalnogo prognozirovaniya* [Nonlinear future: mega-historical, synergetic and cultural-psychological prerequisites for global forecasting], MBA Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Panov, A. D. (2009), "Science as a phenomenon of evolution", *Evolutsiya: kosmicheskaya, biologicheskaya, sotsialnaya* [Evolution: cosmic, biological, social], Librocom M Publishing House, Moscow, Russia, 99-127 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лисеев Игорь Константинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; lik6841@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Igor K. Liseev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; lik6841@mail.ru

УДК 821.161.1.09"19/20"

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-3

Яцкив Е. О.	Литературные усадьба и дача как особый тип художественного пространства (обзор исследовательского проекта)
-------------	--

Московский педагогический государственный университет,
ул. М. Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; katya.yatskiv@mail.ru;

Аннотация. В статье рассматриваются ход и результаты изучения в современном литературоведении исторической динамики изображения усадьбы в дачи в классической литературе, произведениях Серебряного века, в советской прозе, литературе последних 35 лет, написанной уже на постсоветском пространстве. Мы стараемся показать, что современные исследователи, работающие в рамках усадебно-дачного направления, глубоко и точно формулируют семантику «усадебного топоса» и «дачного топоса», показывая их различия. В работе рассматриваются представленные различными авторами репрезентации «усадебно-дачного текста» и особенности его функционирования в русской и зарубежной литературе XIX–XX вв. Фиксируются общие для литературной усадьбы, дачи, дома-музея или замка константы: ощущение свободы и безопасности, определенные правила жизни в данном месте (на бытовом и бытийном уровнях) и, главное, восприятие утраты усадьбы как потери «рая на земле».

Ключевые слова: усадьба; дача; топос; усадебный текст; модификации в литературе

Для цитирования: Яцкив Е. О. Литературные усадьба и дача как особый тип художественного пространства (обзор исследовательского проекта) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 145-151. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-3

E. O. Yatskiv	Literary estate and dacha as a special type of artistic space (a research project overview)
---------------	--

Moscow Pedagogical State University,
1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; katya.yatskiv@mail.ru

Abstract. The article examines the progress and results of studying the historical dynamics of the image of the estate and dacha in classical literature, works of the Silver Age, Soviet prose, and literature of the last 35 years written in the post-Soviet space in modern literary criticism. We try to show that modern researchers working within the framework of the estate and dacha direction deeply and accurately formulate the semantics of the “estate topos” and “dacha topos”, showing their differences. The paper examines the representations of the “estate-dacha text” presented by the authors of various articles and the features of its functioning in Russian and foreign literature of the 19th-20th centuries. The constants common to a literary estate, dacha, house-museum or castle are recorded: a sense of freedom and security, certain rules of life in a given place (at the everyday and existential levels) and, most importantly, the

perception of the loss of the estate as the loss of “heaven on earth”. The significance and novelty of recent research on the selected topic is demonstrated.

Keywords: estate; dacha; topos; estate text; modifications in literature

For citation: Yatskiv E. O. (2024), “Literary estate and dacha as a special type of artistic space (a research project overview)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 145-151, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-3

В третьем номере журнала «Вестник Костромского государственного университета» за 2023 год в рамках работы по проекту Российского научного фонда¹ опубликована подборка из пяти статей и объединяющего их предисловия руководителя указанного проекта О.А. Богдановой. Авторы представленных материалов раскрывают эволюцию образов усадьбы и дачи, содержание которых различалось в литературе разных периодов: в эпоху классики, в Серебряном веке, в советский и постсоветский периоды (Богданова, 2023с); анализируют конкретную репрезентацию указанных образов в художественной литературе (Каскина, 2023); обращаются к “модифицированным” примерам литературной усадьбы: к усадьбе, превращенной в заповедник (Борисова, 2023), и к локусу замка (Дмитриева, 2023). Кроме того, одна из статей посвящена лингволитературоведческому аспекту изучаемой темы. Г.А. Велигорский описал семантику и функцию элемента “-end” в названиях реальных и литературных усадеб Англии (Велигорский, 2023).

О.А. Богданова показывает жизнеспособность «дачного текста» в русской литературе XX в. благодаря его частичной конвергенции с одухотворяющей топикой усадьбы. Вслед за Е.Е. Дмитриевой автор утверждает существование особого «дачного текста». Описав историю изучения вопроса, перечислив имена литературоведов и

культурологов, обращавшихся к теме «дачного текста», О.А. Богданова приходит к выводу о том, что «исследование литературной дачи как особого типа художественного пространства в русской словесности XVIII–XXI вв. только начинается» (Богданова, 2023с: 78). Автор подчеркивает, что статья – «практически первая попытка показать эволюцию литературной дачи на протяжении XIX–XXI вв.» (там же).

Описание эволюции образа дачи О.А. Богданова начинает с обращения к творчеству Ф.М. Достоевского, в произведениях которого, по мнению автора статьи, сформирован классический вариант «дачного текста», типичный для литературы второй половины XIX в. Однако и внутри творческой лаборатории писателя анализируемый образ претерпевал изменения. Ранее О.А. Богданова писала о семиотике дачи в рассказе Достоевского «Вечный муж» (Богданова, 2023b), в данной статье автор показывает, что в 1840–1860-е гг. дача для Достоевского была лучшей частью «городского топоса», обладающей потенциалом нравственного совершенствования человека, а в 1870-е гг. Достоевский изображал дачу уже в «сниженно-ироническом», «мещански-бытовом» ключе. Следовательно, уже здесь наметилась тенденция, полностью проявившая себя в литературе Серебряного века: идеализированная усадебная культура была противопоставлена сниженной

¹ Проект РНФ № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала»

дачной культуре (А.П. Чехов «Вишневый сад» (1903), А. Блок «Незнакомка» (1906)). О.А. Богданова отмечает, что в произведениях Г.И. Чулкова «На даче» и «Сережа Нестроев» (1916) также была осуществлена негативная репрезентация «дачного топоса» как средоточия безнравственности и беспочвенности. У О.А. Богдановой есть и другие работы, посвященные образу дачи у отдельных писателей XIX–XXI вв., например, формированию «дачного мифа» в прозе Ю.В. Мамлеева в 1990–2010-е гг. (Богданова, 2023а). Статья О.А. Богдановой, опубликованная в рецензируемой подборке, носит обзорный характер и, рассматривая эволюцию «дачного текста» в русской литературе на протяжении XIX–XXI вв., выявляет его жизнеспособность.

Уже в советскую эпоху, в 1930-е гг., дача в русской литературе начинает идеализироваться (Б. Пастернак «Вторая баллада» (1930)), но во второй половине XX столетия образ дачи инфернализируется («Шатуны» Ю.В. Мамлеева (1968)), а на рубеже XX–XXI вв., наоборот, приобретает положительные коннотации. Проследив эволюцию образа дачи, его динамичное развитие в отечественной литературе, подчеркнув важность антитезы «усадьба – дача», автор статьи приходит к выводу: дача – один из символов национального менталитета России.

Положительными коннотациями наделен образ дачи в рассказе И.С. Шмелева «На пенях» (рассказ бывшего человека), который обстоятельно анализирует Ю.У. Каскина (Каскина, 2023). Исследователь считает, что одним из главных в произведении является мотив подведения жизненных итогов, а к решению вспомнить прошлое и сделать выводы главного героя рассказа, профессора Мельшаева, подводят воспоминания о даче. По мнению Ю.У. Каскиной, в данном рассказе дача выполняет две основные функции. С одной

стороны, она выступает «катализатором для принятия профессором важного решения» (речь идет об эмиграции) (Каскина, 2023: 88). С другой стороны, она же становится символом утраченного рая, счастья, прежнего наполненного познанием и светлой радостью бытия, «спасительным воспоминанием» (Каскина, 2023: 88), которое продолжает поддерживать героя в трудные минуты жизни, помогает сохранять в себе духовность, ценности, которых, по убеждениям профессора, лишена Европа.

Примечательно, что одной из главных деталей, формирующих светлый аспект образа дачи в XX в., являются соловьи, соловьиное пение. Воспоминания о соловьях, о студентах, бывавших в гостях у профессора, об умеренном русском лете способствуют соединению внутреннего мира героя с внешним, выстраивают духовный фундамент, помогающий оказавшемуся на чужбине человеку не потерять себя. Статья Ю.У. Каскиной становится закономерным продолжением изучения «дачного топоса» в русской литературе, утверждающим выраженные в материалах О.А. Богдановой константы относительно репрезентации усадьбы (а здесь дореволюционная дача наделяется функциями и признаками усадьбы) как утраченного рая.

К образу превращенной в заповедник усадьбы обращается Д.М. Борисова. Соглашаясь с М.С. Акимовой, статья которой об усадебном мифе и музейном мифе в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» также написана в рамках усадебного гранта (Акимова, 2020), исследователь утверждает, что музей-усадьба – это модификация усадебного топоса, которая, с одной стороны, является противопоставлением «живой» усадьбе, а с другой – сохраняет некоторые исходные функции классической усадьбы. Предметом исследования Д.М. Борисова выбирает корпус текстов К.Г. Паустовского, связанных с Пушкинским Заповедником, а именно:

«Михайловские рощи», «Дым Отечества» и «Ветер скорости».

Очерк «Михайловские рощи» представляет Пушкинский Заповедник 1930-х гг. По замечанию Д.М. Борисовой, сам архитектурный комплекс, измененный с приходом советской власти, не впечатлил писателя. Паустовского гораздо больше привлек природный ландшафт, сохраненный с пушкинских времен. Природа хранит дух поэта, так как именно она становилась источником его вдохновения. Этим же объясняется минимальный интерес Паустовского, проявленный к усадебному быту. По словам исследователя, писателя не волновали вопросы социальные и экономические, для него Заповедник не был символом утраченного рая, напротив, Паустовский воспринимал эти места как высочайшую культурную и эстетическую ценность.

Роман «Дым Отечества» изображает Музей-Заповедник как источник сил для героев, сражающихся за сохранение культурного памятника в годы Великой Отечественной войны. Здесь же Паустовский выразил переживания за судьбу культурного и творческого наследия. Закономерно обращение Д.М. Борисовой к очерку «Ветер скорости», изобразившему усадьбу в послевоенный период. Изменившийся, приобретший новый опыт, автор вновь оказывается в заповедных местах и приходит к выводу, что прошлое не вернуть, время неумолимо мчится вперед, поэтому и такие значимые для России места будут претерпевать некоторые изменения, но святость их для человека неоспорима. Таким образом, заключает исследователь, Паустовский определил для себя некоторые константы в восприятии Заповедника («Домик няни», могила поэта, природа усадьбы), однако он смог изобразить его жизнь в динамике.

Еще один модифицированный вариант «усадебного текста» – замок – описывает Е.Е. Дмитриева (Дмитриева,

2023). Автор отмечает, что Вальтер Скотт трансформирует традиционный вариант готического романа, сохраняя в нем черты романа антикварного, добавляя элементы романа Нового времени, обязательным компонентом которого было описание чувств и страстей. Анализируя роман «Уэверли», исследователь приходит к выводу, что смена замков героем напрямую связана с его духовным ростом и развитием, иначе говоря, каждый новый замок символизирует собой новый этап личностного становления главного героя. При этом в замке, как пишет Е.Е. Дмитриева, «переплетаются в противоречивом единстве легенды, родовые страсти и современность» (Дмитриева, 2023: 107). Кроме того, каждый замок, встречающийся на пути главного героя, выполняет особенную функцию, но все они в целом отражают стремление В. Скотта соединить историю и современность. Еще одним интересным замечанием, на наш взгляд, является установление сходных эпизодов в романах В. Скотта «Уэверли» и А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Финальным аккордом «усадебного» раздела журнала стала статья Г.А. Велигорского о некоторых нюансах англоязычной дачной семантики (Велигорский, 2023). Автор статьи анализирует неоднозначность топонимического элемента “-end”, который может стать частью названия как роскошной, богатой усадьбы, так и рыбацкого поселка или деревни пастухов. Г.А. Велигорский дает обширный список значений данного элемента, тем самым объясняя причины, по которым частичка “-end” участвует в образовании разных топонимов, называющих как реально существующие, так и вымышленные здания/ архитектурные ансамбли/ территориальные единицы.

Особенно интересной частью статьи видится нам раздел, посвященный интерпретации названий романов Дж. Элиот. Так, исследователь отмечает,

что «в ранних романах Дж. Элиот элемент “-end” осуществляет вполне явную функцию; он указывает на пространственное положение усадьбы или деревни (“дом на опушке”, “дом подле выпаса”, “дом под сенью тополей”))» (Велигорский, 2023: 118). Здесь же особенно ценным замечанием становится упоминание о необходимости в процессе художественного перевода учитывать дополнительные коннотации значений анализируемого элемента, чтобы сохранить все смыслы, вкладываемые автором в выбранный или вымышленный топоним.

Значимо и утверждение Г.А. Велигорского, согласно которому в начале двадцатого столетия, в эпоху модернизма, в европейской литературе наметилась та же тенденция сакрализации усадебного пространства, восприятия его как утраченного рая, которая была свойственна «усадебному» тексту того же периода и в русской литературе. Соответственно, и элемент “-end” приобрел этот дополнительный смысл.

Необходимо отметить, что Г.А. Велигорский является постоянным автором журнала «Вестник КГУ». Ранее в этом издании им были опубликованы две статьи, посвященные усадебному миру в зарубежной литературе для детей². Очень интересна статья, в которой автор осмысляет реализацию игры в Робинзона Крузо в поэзии Р.Л. Стивенсона и Р. Киплинга, в прозе К. Грэма, а также в воспоминаниях писателей о детстве и их автобиографической прозе (Велигорский, 2019). В другой своей работе Г.А. Велигорский показывает, что в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX в., в период ее наибольшего расцвета, сформировался негативный миф о России как о стране варваров, убийц и головорезов, а позднее – как о «полицейском государстве»

(Велигорский, 2020). В рамках продолжающегося в 2022–2024 гг. гранта РФФИ, при финансовой поддержке которого написаны и статьи для 3-го номера журнала за 2023 г., Г.А. Велигорским подготовлена и опубликована статья о том, как «усадебный роман» Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив» (1869) повлиял на жанр «романа об усадьбе», получивший развитие в XX и XXI вв. (Велигорский, 2022). Кроме того, в рамках работы коллектива ученых по указанной теме, в «Вестнике КГУ» в 2022 г. были опубликованы статьи В.Г. Андреевой об образе усадьбы Ясная Поляна в мемуаристике В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера (Андреева, 2022) и М.В. Скороходова о музейном усадебоведении (Скороходов, 2022).

В заключение отметим, что все пять статей, составляющих подборку «Усадьба и дача в литературе XIX–XXI вв.: горизонты изучения», соединяются в общий интертекст, раскрывающий особенности функционирования «усадебного текста» русской и зарубежной литературы в разные эпохи. Авторы статей на практике, в конкретных литературоведческих анализах выделяют набор характеристик, которыми наделены произведения, связанные с топикой усадьбы и дачи. При изменяющемся отношении человека к образам усадьбы, дачи, дома-музея или замка все они содержат в себе общие константы: ощущение свободы и безопасности, определенные правила жизни в данном месте (на бытовом и бытийном уровнях) и, главное, восприятие утраты усадьбы как потери «рая на земле».

Делая выводы, можно отметить, что современными авторами, работающими в рамках усадебно-дачной тематики, реализуется как теоретико-методологический, так и междисциплинарный аспект, широко

² Статьи были подготовлены по гранту РФФИ № 18-18-00029 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

охватываются различные периоды изображения усадеб и дач в литературе. Не остается без внимания ученых и компаративный аспект, в рамках которого показаны сходства и различия отражения образов усадьбы и дачи в различных литературах и их эволюции от XIX в. к настоящему времени.

Литература

Акимова, М.С. Усадебный мир и музейный миф в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 6. С. 22–29.

Андреева, В.Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909-1910 гг. (мемуаристика В.Ф. Булгакова, Н.Н. Гусева, А.Б. Гольденвейзера) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 117–125. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125

Богданова, О.А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // Studia Litterarum. 2023a. Т. 8. № 2. С. 200–219. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219

Богданова, О.А. Семиотика дачи в рассказе Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023b. № 3 (23). С. 66–80. DOI: 10.22455/2619-0311-2023-3-66-80

Богданова, О.А. Ф. М. Достоевский и эволюция семантики «дачного текста» в русской литературе XIX–XXI вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023c. Т. 29. № 3. С. 76–84. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84

Борисова, Д.М. Образ Пушкинского Заповедника в прозе К.Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 91–100. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100

Велигорский, Г.А. Варварская страна или полицейское царство: негативный образ России в детской литературе Великобритании конца XIX–начала XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 155–160. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160

Велигорский, Г.А. Греза о России: образ идеальной усадьбы «Река-Дом» в романе Джулианы Хорейши Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив»: генезис, поэтика, рецепция // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 185–192. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-185-192

Велигорский, Г.А. Топонимический элемент “-end” в англоязычном «усадебном» тезаурусе: семантика и функция (англо-русский контекст) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 113–121. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121

Велигорский, Г.А. «Тропинкой тесной и глухой / Между диваном и стеной»: «Игра в Робинзона Крузо» и ее пространство (река, лес, усадебный дом) в детской литературе и воспоминаниях (русско-английский контекст) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 75–82. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-75-82

Дмитриева, Е.Е. Локус замка в романах Вальтера Скотта («Уэверли») // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 101–112. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-101-112

Каскина, Ю.У. Образ дачи в рассказе И.С. Шмелева «На пенях» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 85–90. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-90

Скороходов, М.В. Музейное усадебоведение: создание достопримечательных мест как способ сохранения литературных ландшафтов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 3. С. 127–133. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-3-127-133

References

Akimova, M. S. (2020), “Estate World and Museum Myth in S. D. Dovlatov's Story ‘Pushkin Hills’”, *Philology. Theory & Practice*, 13 (6), 22–29 (in Russ.).

Andreeva, V. G. (2022), “Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909-1910 (memoirs by Valentin Bulgakov, Nikolay Gusev, Alexander Goldenweiser)”, *Vestnik of Kostroma State University*, 28 (2), 117–125, DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125 (in Russ.).

Bogdanova, O. A. (2023a), "The 'dacha myth' in Russian literature of the turn of the 20th-21st Centuries: The Case of Yuri Mamleev", *Studia Litterarum*, 8 (2), 200-219, DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219 (in Russ.).

Bogdanova, O. A. (2023b), "The Semiotics of Dacha in Dostoevsky's Story 'The Eternal Husband'", *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, 3, 66 – 80, DOI: 10.22455/2619-0311-2023-3-66-80 (in Russ.).

Bogdanova, O. A. (2023c), "The evolution of the semantics of the 'dacha text' in Russian literature of the 19th-21st centuries", *Vestnik of Kostroma State University*, 29 (3), 76-84. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-76-84 (in Russ.).

Borisova, D. M. (2023), "The image of Pushkin reserve in the prose of Konstantin Paustovsky", *Vestnik of Kostroma State University*, 29 (3), 91-100. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-91-100 (in Russ.).

Dmitrieva, E. E. (2023), "The locus of the castle in the novels of Walter Scott ('Waverly')", *Vestnik of Kostroma State University*, 29 (3), 101-112. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-101-112 (in Russ.).

Kaskina, Yu. U. (2023), "The image of the dacha in the short story 'On the stumps' by Ivan Shmelyov", *Vestnik of Kostroma State University*, 29 (3), 85-90. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-85-9 (in Russ.).

Skorokhodov, M. V. (2022), "Museum homestead science: landmarks as a way to preserve literary landscapes", *Vestnik of Kostroma State University*, 28 (3), 127–133. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-3-127-133 (in Russ.).

Veligorsky, G. A. (2020), "The Police Kingdom of Russia in the children's literature of Great Britain of the late 19th – the early 20th century", *Vestnik of Kostroma State University*, 26 (4), 155–160. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160 (in Russ.).

Veligorsky, G. A. (2022), "Dreaming about Russia: the image of the ideal estate 'Reka Dom'

(house by the river) in Juliana Horatia Ewing's novel 'Mrs. Overtheway's Remembrances': genesis, poetics, reception", *Vestnik of Kostroma State University*, 28 (2), 185–192. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-2-185-192 (in Russ.).

Veligorsky, G. A. (2023), "The toponymic element '-end' in the English-language 'estate' thesaurus: semantics and function (English-Russian context)", *Vestnik of Kostroma State University*, 29 (3), 113–121. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121 (in Russ.).

Veligorsky, G. A. (2019), "'A narrow and deaf Path / Between the sofa and the wall': 'The Game of Robinson Crusoe' and its space (river, forest, manor house) in children's literature and memoirs (Russian-English context)", *Vestnik of Kostroma State University*, 25 (4), 75-82. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-75-82 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Яцкив Екатерина Олеговна, магистр филологии, специалист Центра русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета, ул. М. Пироговская, д. 1, г. Москва, 119435, Россия; katya.yatskiv@mail.ru

ORCID: 0009-0001-4871-5529

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina O. Yatskiv, Master of Philology, Specialist, Losev Center for Russian Language and Culture, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; katya.yatskiv@mail.ru

ORCID: 0009-0001-4871-5529

УДК 091

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-4

Унукаев Г. А.

Познавательный потенциал фэнтези 1985-2000-х гг.

Московский педагогический государственный университет,
ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия; zzogark@gmail.com

Аннотация. Автор подходит к рассмотрению вопросов познания, а также познавательного потенциала, обращаясь к явлению фэнтези в конкретный временной период с его характерными особенностями и проблематикой в сфере историко-философских идей и познания, связанной с формой и смысловыми структурами. В статье это рассматривается с нескольких сторон, как то: исторические пути к осознанию необходимости изменений в понимании познания; роль в познании конкретного человека в качестве познающего субъекта; влияние на познавательный потенциал фэнтези произведений А. Сапковского и ряда других авторов; самопознание в контексте разнородного воздействия фэнтези на человека. Показано, что в анализе познавательного потенциала исследуемого периода играют важную роль не только подходы и формы, но и исторические вопросы и закономерности, поскольку важно учитывать живого и познающего субъекта в условиях окружающего мира, а также проблемы процесса познания в рамках переосмысления мифа и традиции. Необходимость обращения к фэнтези для понимания процесса познания и его потенциала в 1985–2000-х гг. обосновывается через исследование эссе А. Сапковского «Вареник, или Нет золота в Серых Горах», в котором польский писатель как выдвигает свои идеи, связанные с явлением фэнтези, так и дискутирует с Дж.Р.Р. Толкином и его работой «О волшебных сказках». Автор статьи приходит к выводу, что познавательный потенциал фэнтези не только предоставляет возможности для понимания мира и действительности, но и в значительной мере раскрывает историко-философскую характеристику конкретного временного периода.

Ключевые слова: познание; субъект; дух времени; сегментация; фэнтези

Для цитирования: Унукаев Г. А. Познавательный потенциал фэнтези 1985–2000-х гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 152-159. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-4

G. A. Unukaev

The cognitive potential of fantasy in the 1985-2000s

Moscow State Pedagogical University,
bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; zzogark@gmail.com

Abstract. The author approaches the consideration of issues of cognition and cognitive potential by referring to the phenomenon of fantasy in a specific period with characteristic features and problems both in terms of historical and philosophical ideas and cognition, and in terms of new aspects of the form and semantic structures of fantasy. The article considers this from a number of angles, such as: historical ways of

becoming aware of the need for changes in the understanding of cognition; the role of a specific person as a cognitive subject in cognition; the influence of the works of A. Sapkowski and a number of other authors on the cognitive potential of fantasy; self-knowledge in connection with the changeability of various spheres of influence of the phenomenon of fantasy on a person. It is shown that in the analysis of the cognitive potential of the period under study, not only approaches and forms play an important role, but also historical issues and patterns, since it is important to take into account the problems of the cognitive process in the framework of rethinking myth, tradition, as well as a living and cognitive subject in the conditions of the surrounding world. The need to turn to fantasy in order to understand the process of cognition and its potential in the 1985-2000s is substantiated. This is done by studying A. Sapkowski's essay "Varenik, or No Gold in the Grey Mountains", in which the Polish writer presents his ideas on the phenomenon of fantasy and discusses them with J.R.R. Tolkien and his work "On Fairy Tales". The author concludes that the cognitive potential of fantasy not only provides opportunities for understanding the world and reality, but also reveals the historical and philosophical characteristics of a particular period.

Keywords: cognition; subject; spirit of the times; segmentation; fantasy

For citation: Unukaev G. A. (2024), "The cognitive potential of fantasy from 1985–2000", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 152-159, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-4

Чем больше изменений выпадает на определенную эпоху, контексты и дух времени, чем более сегментированным становится мир, в котором общество обретается, тем сложнее и серьезнее возникают проблемы в подходах, методах, процессах, связанных с приобретением знаний человеком как о мире, так и о самом себе. Обращаясь к изменениям в познании, мы видим, что они приобретают все более широкий характер, выступают за грани предшествующих форм и с кумулятивным эффектом требуют от человека обращаться не только к гносеологии и логике рации, но и к аспектам существования конкретных людей, к их экзистенции, истории, метафизике. Особенно это становится заметным в контексте глобализации, упрощения доступа к информации, объединения идей и теорий, что диктует стремящееся все быстрее вперед время от второй половины XX века. Оформляется потребность оживления познания, ибо очевидным становится его «неполноценность», когда уходят

метанарративы, и познающий субъект становится в центр. Это «порождает новые и актуализирует существующие в истории философии проблемы, не выявленные или отвергавшиеся в традиционной гносеологии», – как пишет Л.А. Микешина (Микешина, 2008: 6).

Действительно, современная философия все больше стремится к тому, чтобы соединить абстрактные концепции и логические умозаключения с реальным человеком – мыслящим, познающим, действующим, чувствующим. Существовавшая ранее тенденция игнорировать человека или считать его второстепенным, уходит, оставаясь лишь в классических философских системах или в технических методах формализации знания. Сегодня мы понимаем, что человек всегда играет важную роль, и его игнорирование неизбежно сказывается на понимании событий и процессов. Традиционная рациональность, игнорируя сложности эмпирического субъекта, не доверяет человеку, считая его

подверженным эгоизму, предрассудкам и иллюзиям. Это заметно в движении мысли от О. Конта до «пролиферации» П. Фейерабенда (Фейерабэнд, 2007: 53), и в скептически относящемся к человеческому «Я» методе познания Декарта, и в идеях Платона в «Теэтете» и «Государстве».

Познание требует не только новых форм и подходов, но и выявления его исторических особенностей, ведь сейчас оно стоит не только перед «проблемой отношения к традиции», но и перед переосмыслением мифа, особенностями изменяющегося аксиологического базиса, мировоззренческого статуса в контексте конкретности экзистирующего, живого и познающего человека. Наиболее ярко данные изменения можно проследить на примере произведений искусства. Чем сильнее они воздействуют на людей, тем явственнее их взаимосвязь как с историей, так и с идеями в истории, т. е. с познанием человека и его потенциалом. Именно поэтому следует обратиться к жанру фэнтези, чтобы проследить в нем особенности познания и потенциал, который он в данном разрезе приобретает.

Мы можем видеть, что начало XIX века является временем господства “fantasy”. Однако речь идет не о жанре фэнтези как таковом, а о предваряющем исследуемое нами явление романтическом варианте фантастики. Исследовательница Е.Н. Ковтун в работе 1999 г. так и называет этот вариант – “fantasy” (Ковтун, 1999: 57). Исходя из основ, структуры и традиции готических произведений (М.Г. Льюиса, Жака Казота, основателя жанра Х. Уолпола и др.), в которых будут рассматриваться с поэтической и эстетической сторон ужасное и сокрытое, авторы будут придавать значение фантазии в общем и вымыслу в более конкретном смысле. Этот аспект вымысла станет для них неким хранилищем, силосом, если угодно, чувств прекрасных и великих, идеальных ощущений. «Основной тип фантастической посылки в это время (у Э.Т.А. Гофмана, Э. По, В. Жуковского, М. Лермонтова,

Н. Гоголя) – допущение существования сверхъестественного мира (описываемого, как правило, в традициях христианской демонологии или восточной мистики), где царят абсолютные Добро и Зло, оказывающие непосредственное влияние на человеческие судьбы», – пишет о готическом романе Е. Ковтун (Ковтун, 2008: 82). Однако в эру романтиков уже начнут проявляться рациональные зерна, подход к фантазии станет выражаться в рассудочном аспекте. Нет сомнений в том, что эти зерна не созревают сами по себе. К примеру, «Франкенштейн», «Песочный человек» уже будут содержать примеры неких выдуманных, но наделенных интеллектом механических существ. Безусловно, в них чувствуется влияние и ощущаются отголоски легенд о Големе. Данный посыл говорит о стремлении гармонизировать человека, развить потенциал, наделить его возможностями и титаническими способностями, что черпается из эпохи Возрождения. А реализация данных мотивов возможна только при развитии интеллектуально-рациональных сил, которые имеют как современные корни, так и потребности в «закалке» человека. Именно стремление к проработке «возможностей» человека, то есть познающего субъекта, включая его экзистенцию, но с сохранением логики рации, подход к познанию в философии языка М. Хайдеггера («дом бытия») (Хайдеггер, 1993: 192), либо же обоснованная вера в него, например, по Дьюи, с «традиционной» гносеологией Д. Локка и И. Канта, дает фэнтези как явлению, обращающемуся к философским идеям, возможность осмыслять действительность без отчуждения человека (без падения в культурно-аксиологические кризисы).

Следующей важной для нас вехой представляется эпоха Дж.Р.Р. Толкина (середина XX века), которая в фэнтези обозначила себя в контексте формирующегося постмодерна, общества, все еще находящегося в периоде

глобального кризиса после мировых войн, общества в процессе изменений. Однако также мы можем наблюдать, что в это время явление фэнтези имело свои дихотомии – добро и зло, порядок и его отсутствие, правильные интенции и падение в пучину отсутствия смыслов. Все же Толкин имеет благого бога – Эру Илуватара, сотворившего мир посредством Айнулиндалэ, даровавшего своим детям свободу выбора и воли (Толкин, 2015). Однако, наряду с абсолютно правильными и интенционально благими действиями и видением Валар, присутствует противовес абсолютного (с точки зрения самого Толкина) зла и ужаса, порабощения и отсутствия голоса, подавления и отчуждения. Мелькор в стремлении к власти, силе и искажению; Саурон, стремящийся подавить волю, навязать огонь, машины и смерть (Толкин, 2009). При этом действия простых людей, аналогичных хоббитам, единство, смелость, чувство долга и стремление к подлинному (от Эру) добру, приводят к разрешению ситуации, грозящей крахом всему миру. Безусловно, настроения и характеристика духа времени здесь недвусмысленна. Волшебная сказка открывает пути реализации творческого потенциала, заполняя дыру в человеческих душах размером с Бога, как писал Сартр (см.: (Сартр, 1989)). Безусловно, это важнейшая особенность фэнтези, которую данное явление, если оно не является суррогатом, несет в себе и по сей день. Однако мир меняется, пути трансляции культуры подвергаются изменениям, глобализация охватывает человечество все сильнее, вырабатываются новые «правила» международного, также и межличностного взаимодействия, возникают новые философские идеи и течения. История философии учит нас, что нельзя стойко верить в ограниченность человеческой мысли, в неизменность форм и смыслов в контексте эволюции общества и восприятия бытия общего и индивидуального. Именно здесь познание

мира представляется не только уделом ученых, мыслителей и различных методологий, но и задачей каждого – задачей сохранения себя и своего места в мире. Ощущение потерянности же будет приходить с прогрессией сегментации, что особенно ярко начнет проявляться в 80-е годы XX века. Посему и стоит обратить внимание на то, чем характеризуются познавательные возможности фэнтези именно этого отрезка.

В рамках фэнтези 80-х и начала 90-х годов наблюдается парадоксальная ситуация: жанр, со времен Толкина связанный с глубокими философскими и эстетическими идеями, вернее, ставящий их на пьедестал собственной актуализации, превращается в простое, лишённое смысла развлечение, перестает нести в себе интеллектуальность. Эта тенденция имеет несколько причин, и одна из них заключается в отсутствии понимания и поддержания канона, который установили великие мастера жанра, такие как Дж.Р.Р. Толкин, У. Ле Гуин и некоторые другие. Вместо того чтобы искать и открывать новые миры на пути к познанию собственного творческого начала и сил духа, авторы массово склоняются к «банальному» и «примитивному» стилю, который сосредоточен на физическом насилии и сексуальных сценах, лишённых эстетической и интеллектуальной глубины. Это обусловлено не только отсутствием творческого видения, но и желанием угодить инфантильному читателю, который стремится только к легкому развлечению. Безусловно, здесь невозможно во всем обвинить самих индивидов, это продукты культуры и тенденция времени, однако ситуация приводит к тому, что многие авторы, способные создавать интересные и глубокие произведения в других жанрах, в фэнтези деградируют, попадая под влияние поверхностных стереотипов и «низких» вкусов массовой аудитории. Польский автор А. Сапковский связывает это с природой начала фэнтези – бульварного

читава, однако складывающаяся «погода» в духе времени, безусловно, принадлежит циклону, формирующемуся в пучине постмодерна. Таким образом, фэнтези находится в кризисе, который не только отрицательно сказывается на развитии жанра, но и лишает читателей возможности открыть для себя бесконечный потенциал и глубину фэнтези как литературного жанра – так можно посчитать, однако литературное упрощение, снятие флера серьезного выражает новый способ прийти к пониманию этой новой постметафизической реальности. Самоидентификация, новый поворот познания внутри себя – вот роль фэнтези, которая добавляется к классическим аспектам, сформированным Дж. Толкином. Но что приводит к таким особенностям, формирующимся в литературе, в идеях, отражающихся в фэнтези? Особенно показательны здесь творчество А. Сапковского, характерного и значимого представителя фэнтези исследуемого нами периода, чьи произведения, персонажи, взгляды и сюжеты оказывают влияние на развитие жанра и по сей день.

Для нас важно эссе Анджея Сапковского “*Piróg albo Nie ma złota w Szarych Górach*” («Нет золота в Серых Горах»), вышедшее в 1993 г. – в новое время, которое напиталось всей полнотой инаковости предшествующих лет, время разуверившихся и время ищущих. Эссе является большим вопросом, если угодно, актом познания субъекта, находящегося во времени «дешевизны», сегментации и утраты предпосылок. Новая реальность – реальность вторичного, реальность повтора, попыток играть на низменных интересах жаждущей простоты, похоти и крови толпы. Не все так ограничено и витально-вульгарно, но затрагивает злободневные вопросы как философского характера (смысл и попытки опознания новой методики познания изменений), так и литературного, социального и конкретно постмодернистского.

Эссе Сапковского, можно сказать, является попыткой постдискуссии с толкиновской работой «О волшебных сказках» (Толкин, 1994). Однако если последняя работа затрагивает вопросы роли волшебной сказки, влияния творчества на людей и «вскрытие» (эвкатастрофу) способности творить, то есть благо, утешение, праведный эскапизм, то «Нет золота в Серых Горах» является попыткой осознать не исток фэнтези, а также его роль для человеческой фантазии и значение классического восприятия морали, но познать реакцию фэнтези на современную Сапковскому реальность. Да, польский автор кратко затрагивает специфику появления и истоки фэнтези в разделах «Фэнтези – большой взрыв» и «Фэнтези – расширение», дает определение в разделе «Определения в карете из тыквы», однако упор делает на потребность людей в идентификации себя, в познании собственных особенностей. Он замечает: «А мы? От чего убежать нам (не говоря о нестерпимом желании бежать вообще как можно дальше от того, что мы видим вокруг себя)?» (Сапковский). Говорит он это в контексте осознания потребности эскапизма в середине XX века, но в его время попытки опознания глобальных смыслов уже распространились на все сферы жизни, следуя всеобщей сегментации. Системы отопления, которые не дают тепла, поезда, которые беспощадно опаздывают, люди, которые хамят друг другу, дурно пахнущая и холодная вода, текущая из кранов и т. д. Речь идет о том, что деконструкция, присущая духу времени, проявляется в тексте, низводя роль фундаментальных, важных вопросов до способов и даже потребности в оправдании себя в данном нам в ощущении мире. Сапковский отмечает и проблемы самого жанра фэнтези, переживающем, как он считает, упадок.

Анализируя работу Сапковского, а также само фэнтези, мы выявляем интересную тему, которая выходит за рамки простого обсуждения проблематики

массового общества и повсеместного упрощения и затрагивает более фундаментальные вопросы о роли и статусе канона в искусстве, а также о природе постмодернизма в контексте познания и литературы. Автор, признавая свои собственные «ошибки» в отсутствии стремления к реализму, который характерен редукции развитого постмодерна, в стиле своих произведений, сталкивается с осуждением со стороны среды, связанной с литературой. Ему предъявляется упрек в незнании священных правил и законов фэнтези, в отрицании канона, установленного Толкином и другими классиками жанра. Однако в этом упреке скрывается глубокое недоразумение.

Постмодернистская философия, которая в большей степени отражает современное мышление, отвергает идею единственного и неизбежного положения вещей. Она считает, что каждый текст является продуктом своего времени и культуры и должен быть осмыслен в контексте этой реальности (ибо познание зависит от текста и субъекта). «Ляпсусы», как переводит Сапковский Е. Вайсброт, в постмодернистском стиле могут быть интерпретированы не как ошибки, а как проявления творческого импульса и деконструкции традиционных норм и стереотипов. Описанные польским автором в «Саге о Ведьмаке» «батистовые трусики», принадлежащие Ренфри, в этом смысле не являются формой греха или некой анафемой, а могут быть рассмотрены как элемент постмодернистского путешествия во времени, который размывает границы между миром фэнтези и реальностью, поскольку мы заведомо понимаем, что в аналоге средневекового общества ничего подобного быть не могло, но и отказаться от характеристик духа времени не можем. Нерелевантным будет сказать, упрощая, что это ошибка; нет, это стилистический прием, который выступает как проявление творческой свободы и независимости от канонов, поскольку, несмотря на

упрощение, сегментация мира для обывателя усложняет его понимание. Таким образом, новые, характерные для фэнтези с 80-х гг., «ляпсусы» перерастают в философскую дискуссию о природе познания искусства и постмодернизма. Это симптомы новой эстетической парадигмы, которая отвергает устоявшиеся нормы и каноны и стремится к творческой свободе и деконструкции традиционных представлений. Опасность здесь заключается в том, что вместо того, чтобы искать и открывать новые миры и философские концепции, многие авторы фэнтези склоняются к бульварному, легкому стилю, последователей которого характерно описывает Сапковский термином «фанатики». Упор зачастую делается на обложку, обертку, не на праведный эскапизм Толкина и даже не на познание, но на обратную ситуацию – полный отказ от осознания действительности, противоположность платоновскому движению к свету, к благу, к истине, к «настоящей» природе вещей. А. Сапковский делает акцент на том, что фэнтези отходит от эстетики артурианы, но обращается внутрь каждой конкретной культуры, в которой осуществляется творчество. В разделе «8 : 33» он пишет: «Ибо кто-то вдруг вспомнил, что мы-де тоже не лыком шиты. Отталкиваясь от верного, на первый взгляд, положения, что опираться на архетипы есть ретроградство и вторичность, авторы младшего поколения схватили авторучки – и “процесс пошел”! Неожиданно в нашей фэнтези стало славянско, пресно и красно, похотливо, кисло и льняно. Свойски» (Сапковский).

Эта «свойскость» характерна интуитивизму, так значимому для эпистемологии второй половины XX века. Аксиологические основы, хоть и распределены исторически в тех или иных культурных пластах, философских школах, становятся в фэнтези интуитивно понятными и начинают господствовать над всем произведением. Нарративно-лингвистический дискурс эпистемологии

здесь особенно читаем. Похожим образом характерны и работы Ф. Анкерсмита – исторический опыт, привносимый фэнтези в меняющийся мир, – доступный нам опыт, который мы постигаем через рефлекссию того, что нам досталось из былых времен и культуры (Анкерсмит, 2007).

Подобного рода рефлексия, точнее, необходимость ее и рамки для осознания/подхода к ней – вот доминирующая возможность фэнтези, потенциал в познании, открывающийся с 80-х гг. и заметный до начала XXI века. Он пришел на смену самоутешению и познанию себя путем реализации творческой составляющей человека, описанной Дж. Толкином. А. Сапковский, отражая реальность в своих произведениях, говорит об идеях познания, возникающих у субъекта, находящегося в контексте сегментации, турбулентности и утери смысла, об акте познания, укорененном в тело человеческого (конкретно – ведьмачьего) стремления выжить, то есть про «весь путь познающего субъекта в мире эмоций и переживаний, в мире познания и ценностей» (Грифцова, 2021: 13). Эту тенденцию чуть позже подхватит и Дж. Мартин в своем цикле «Песнь льда и огня», вводя в познание действительности героями своих произведений особенности человека своего времени, вместе со всеми его вопросами и проблемами, а также обращаясь к историческим примерам. Учитывая популярность и влияние явления фэнтези, его читательский охват, мы можем с уверенностью говорить, что познавательный потенциал фэнтези, раскрывшийся по-новому в 80-е годы XX века, не только обнажил элементы и проблематику познания эпохи, открывающиеся перед человеком, но и предложил свои возможности в понимании мира и действительности. Именно они проложили дорогу новому витку популярности и возможностей фэнтези в XXI веке, но это уже дело другого анализа.

Литература

- Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А.А. Олейникова. М.: Европа, 2007. 608 с.
- Грифцова, И.Н. Образ современного философа: Л.А. Микешина // Ценности и смыслы. 2021. № 1. С. 6-23.
- Ковтун, Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М.: Издательство МГУ, 1999. 306 с.
- Ковтун, Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высшая школа, 2008. 405 с.
- Микешина, Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008. 560 с.
- Сапковский, А. Нет золота в Серых Горах // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/sapkovskiy_andgey/net_zolota_v_serih_gorah.html#55642 (дата обращения: 20.08.2024).
- Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева. М.: «Политиздат», 1989. С. 319–344.
- Толкин, Дж.Р.Р. Властелин колец / пер. с англ. А.А. Кистяковского, В.С. Муравьева. М.: АСТ, 2009. 1120 с.
- Толкин, Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб.: Северо-Запад, Академический проект, 1994. С. 365-450.
- Толкин, Дж.Р.Р. Сильмариллион / пер. с англ. С.Б. Лихачевой. М.: АСТ, 2015. 432 с.
- Фейерабенд, П. Против метода: Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.
- Хайдеггер, М. Время и бытие: Ст. и выступления / пер. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 445 с.

References

- Ankersmit, F. (2007), *Vozvyshenny istoricheskiy opyt* [Sublime Historical Experience], Transl. by Oleynikov, A. A., Evropa, Moscow, Russia (in Russ.).

Feyerabend, P. (2007), *Protiv metoda: Ocherk anarkhistской teorii poznaniya* [Against method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge], Transl. by Nikiforov, A. L., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Griftsova, I. N. (2021), "The image of a modern philosopher: L. A. Mikeschina", *Values and meanings*, 1, 6-23 (in Russ.).

Heidegger, M. (1993), *Vremya i bytie: Statyi i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches], Transl. by Bibikhin, V. V., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Kovtun, E. N. (1999), *Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny XX veka)* [Poetics of the Extraordinary: The Artistic Worlds of Fantasy, Magic Fairy Tale, Utopia, Parable and Myth. Based on the Material of European Literature of the First Half of the 20th Century], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Kovtun, E. N. (2008), *Khudozhestvenny vymysel v literature XX veka* [Artistic fiction in the literature of the 20th Century], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Mikeschina, L. A. (2008), *Filosofiya poznaniya. Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Philosophy of cognition: Problems of epistemology of knowledge in the humanities], Kanon+, Reabilitatsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Sapkovsky, A., "No Gold in the Gray Mountains", *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [Electronic library RoyalLib.com] [Online], available at: https://royallib.com/read/sapkovskiy_andgey/net_zolota_v_serih_gorah.html#55642 (Accessed 20 August 2024) (in Russ.).

Sartre, J-P. (1989), "Existentialism Is a Humanism", *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], in Yakovlev, A. A. ed., Politizdat, Moscow, Russia, 319-344 (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (1994), "About fairy tales", *Priklyucheniya Toma Bombadila i drugie istorii* [The Adventures of Tom Bombadil and Other Stories], Severo-Zapad, Akademicheskii proyekt, St. Petersburg, Russia, 365-450 (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (2009), *Vlastelin kolets* [The Lord of the Rings], Transl. by Kistyakovskiy, A. A. and Muravyov, V. S., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolkien, J. R. R. (2015), *Sil'marillion* [The Silmarillion], Transl. by Likhachyova, S. B., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Унукаев Глеб Андреевич, аспирант кафедры философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, строение 1, г. Москва, 119435, Россия; zzogark@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Gleb A. Unukaev, PhD Post-Graduate Student, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119435, Russian Federation; zzogark@gmail.com

УДК 101.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-5

Щедрина И. О.¹,
Чистякова Е. Ю.²

Международная научная конференция «Чтения памяти
Н.Н. Страхова»: сфера разговора ученых и философов.
Субъективные заметки участников*

¹Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, д. 21/4, г. Москва, 105066, Россия;
echiscar@yandex.ru

²Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, д. 21/4, г. Москва, 105066, Россия;
chistyakova.e.j@yandex.ru

Аннотация. В обзоре представлен ретроспективный взгляд на «Чтения памяти Н.Н. Страхова» – событие, за два десятилетия ставшее знаковым в отечественной интеллектуальной культуре. Благодаря исследовательским и организаторским инициативам (Белгородского государственного национального исследовательского университета, Института мировой литературы РАН, Института философии РАН и журнала «Вопросы философии») выявляются ключевые этапы формирования научного сообщества, предметно ориентированного на «почвенную», или «органическую» традицию русской герменевтической мысли XIX–XX вв. Крупнейшим представителем этой традиции был Н.Н. Страхов, петербургский мыслитель, уроженец Белгорода. Хотя сегодня еще далеко до подведения итогов изучения его интеллектуального наследия, однако, даже основываясь на существующих публикациях и исследованиях, можно сказать, что страховский архив – яркий иллюстративный пример «архива эпохи». Обращение к текстам Н.Н. Страхова, его исследованиям, критическим работам и эпистолярному каждому раз по-особенному раскрывает сферу разговора ученых и философов его времени. Именно поэтому крупные конференционные мероприятия, такие как «Чтения памяти Н.Н. Страхова», в определенном смысле консолидируют отечественное философское сообщество. Хроника этих «Чтений», как показывает обзор, имеет вполне определенную перспективу развития междисциплинарного диалога (историков философии и науки, физиологов, литературоведов), а обращение к сфере разговора Страхова и его собеседников открывает череду новых исследований, посвященных русской философии в ее диалогической полноте и герменевтической открытости.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; «Чтения памяти Н.Н. Страхова»; «архив эпохи»; сфера разговора; сообщество; собеседник

Для цитирования: Щедрина И. О., Чистякова Е. Ю. Международная научная конференция «Чтения памяти Н.Н. Страхова»: сфера разговора ученых и философов. Субъективные заметки участников // Научный результат.

* Исследование выполнено в рамках проекта НИУ ВШЭ, поддержанного грантом РНФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения».

Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 160-174.
DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-5

I. O. Shchedrina¹,
E. Yu. Chistyakova²

***Readings in Memory of N.N. Strakhov:
The Sphere of Conversation Among Scholars and Philosophers****

¹Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya St.,
Moscow, 105066, Russian Federation
echiscar@yandex.ru

²Higher School of Economics, 21/4, Staraya Basmannaya St.,
Moscow, 105066, Russian Federation
chistyakova.e.j@yandex.ru

Abstract. The article presents a retrospective review of the Readings in Memory of N.N. Strakhov - an event that has become a landmark in Russian intellectual culture. Thanks to the research and organisational initiatives of the Belgorod State National Research University, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (RAS), the journal *Voprosy Filosofii*, the Institute of World Literature of the RAS, it is possible to identify the key stages in the formation of a scholarly community focused on the soil-based or organic tradition of Russian hermeneutic thought of the 19th and 20th centuries. The most prominent representative of this tradition was N.N. Strakhov, a thinker from St. Petersburg and a native of Belgorod. Although the final points in the study of his intellectual legacy have not yet been placed, even on the basis of existing publications and research, it can be said that Strakhov's archive is an illustrative example of an archive of the epoch. Returning to Strakhov's texts - his studies, critical works and correspondence - each time reveals in a unique way the sphere of conversation among the scholars and philosophers of his time. It is precisely for this reason that major conference events such as the Readings in Memory of N.N. Strakhov, in a certain sense, consolidate the Russian philosophical community. The chronicle of these Readings, as the article shows, has a clear perspective for the development of interdisciplinary dialogue (between historians of philosophy, physiologists, and literary scholars), while turning to Strakhov's sphere of conversation and that of his interlocutors opens up a series of new studies dedicated to Russian philosophy in its dialogical completeness and hermeneutic openness.

Keywords: N.N. Strakhov; "Readings in Memory of N.N. Strakhov"; "archive of the epoch "; sphere of conversation; community; interlocutor

For citation: Shchedrina I. O., Chistyakova E. Yu. (2024), "*Readings in Memory of N.N. Strakhov: The Sphere of Conversation Among Scholars and Philosophers*", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 160-174, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-5

В 2024 году состоялись уже XIII «Чтения памяти Н.Н. Стрехова». За свою историю «Чтения» сформировались

как характерное явление отечественного гуманитарного знания, как определенная традиция, приглашающая к разговору о

* The research has been performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 23-28-01799 "Archive of an epoch of N.N. Strakhov: existential contexts and interdisciplinary intersections".

специфических характеристиках русской философской мысли XIX–XX вв. История этой конференции берет начало на родине Н.Н. Страхова – в Белгороде. Первая конференция состоялась в 2003 году, была всероссийской и носила название «Творческое наследие Н.Н. Страхова» (Творческое наследие..., 2003). С этого времени разворачиваются систематические работы по изучению архивного наследия Н.Н. Страхова, которые становятся значимой частью публикационной активности философской кафедры и научно-квалификационного роста ее членов. В 2010 году состоялись VI «Чтения» (Шестые Страховские чтения..., 2010), вышла одна из первых концептуальных коллективных монографий (Н. Н. Страхов в диалоге с современниками, 2010), а в 2016 году Е.Н. Мотовникова защитила первую в России докторскую диссертацию по философскому наследию Н.Н. Страхова (Мотовникова, 2016). Телепередача «Страницы истории» на ГТРК «Белгород» с П.А. Ольховым «Беседы о Страхове»¹ для широкой публики вышла в 2018 году. С 2018 года организацией конференции занимались сотрудники Международного научно-исследовательского центра (МНИЦ) НИУ «БелГУ» «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования»².

Эта предварительная работа послужила основанием для проведения в 2018 году VIII Чтений памяти Н.Н. Страхова (VIII Страховские чтения..., 2018), приуроченных к 190-летию со дня рождения Н.Н. Страхова и ставших крупнейшим форумом, собравшим в живом разговоре самых авторитетных исследователей жизни и творчества Н.Н. Страхова – М.Н. Щербакову, Н.П. Ильина, В.А. Фатеева, с которыми

были счастливы встретиться и поучаствовать в дискуссиях гости из разных городов России, Украины и Китая. Важнейшим событием конференции стала презентация альбома-биографии «Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь. Начало» (Николай Николаевич Страхов..., 2018), которую провел П.А. Ольхов. В альбоме представлены редкие материалы интеллектуальной биографии Страхова, в том числе не публиковавшиеся ранее, помогающие искать ответы на многочисленные загадки формирования и развития личности выдающегося ученого и философа.

В рамках этой многодневной конференции состоялся выезд в ближайшие районы области с экскурсиями и докладами «Гуманитарное музееведение: опыт работы с персональными фондами, интерактивные образовательные практики». Участники конференции объехали памятные места, связанные с периодом жизни Н.Н. Страхова в Белгороде. В пригородном селе Таврово были представлены ландшафты усадьбы Ю.Н. Говоруха-Отрока, ученика А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова.

В этом же «юбилейном» году в рамках Международной научной конференции-телемоста «Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы» 6-8 декабря состоялся круглый стол-телемост, в котором участвовали как организации – философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, институт общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», журнал «Вопросы философии» – так и отдельные заинтересованные ученые-гуманитарии, философы. В процессе проведения круглого стола-телемоста прошел обмен опытом исследований проблемы понимания в контекстах философской

¹ Беседы о Страхове (web) // Страницы истории [Электронный ресурс]. URL: https://belgorodtv.ru/?page_id=136097 (дата обращения 10.10.2024).

² Руководитель МНИЦ – П.А. Ольхов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ БелГУ.

логики, эпистемологии гуманитарного знания, антропологии и онтологии человека; состоялись испытания различных историко-философских стратегий и практик герменевтической реконструкции парадигмальных ориентаций и программ русской герменевтики XIX–XXI вв. Обсуждались результаты работы ведущих ученых в области гуманитарных исследований герменевтической традиции³.

Мастер-класс-презентация «История русской философии: проблемы реконструкции и понимания» был проведен Б.И. Пружининим и Т.Г. Щединой. Ученые представили участникам книжную серию «Философия России первой половины 20в.» (27 т.), собрание сочинений Шпета (12 т.), некоторые монографические издания. Часть представленных книг были подарены Научной библиотеке имени Н.Н. Страхова. Презентации новых книг и дарение ценных и редких изданий давно стало доброй традицией Страховских чтений, и Библиотека-музей Н.Н. Страхова, преобразившаяся после концептуальной реконструкции 2017 года, ответно продолжает радовать гостей каждых очередных чтений новыми приобретениями прижизненных и новых изданий книг Н.Н. Страхова (в том числе переводов), а также его философских, научных и литературных собеседников.

В 2020 году, несмотря на ковидные ограничения и препятствия для живого общения, состоялись очередные IX Чтения памяти Н.Н. Страхова под заглавием «Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: линии преемственности и разрывы». В формате онлайн конференцию провели совместными организационными усилиями НИУ «БелГУ» и академических организаций РАН: Института философии, Института мировой литературы, Института русской литературы (Пушкинского дома), журнала «Вопросы философии». С приветственным словом к участникам

конференции обратился Б.И. Пружинин, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии» (Москва). Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН А.А. Гусейнов в своем приветствии отметил, что в академической среде сейчас происходит смена поколений, Шестидесятники уходят, оставляя своих учеников, в чем проявляется линия преемственности. Приветствовала участников конференции М.И. Щербакова – заведующая отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва). Она отметила, что в современных социально-гуманитарных исследованиях особую актуальность приобретает многодисциплинарное наследие Н.Н. Страхова.

Крупным событием первого дня конференции стал мемориальный коллоквиум «Философ на границах понимания: разговор, письмо, молчание». В коллоквиуме приняли участие научный руководитель Института философии РАН, академик РАН А.А. Гусейнов, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, Ю.В. Синеокая (Москва), ректор Белорусского государственного университета Андрей Король (Республика Беларусь, Минск), профессора философии В.П. Римский и П.А. Ольхов (Белгород). В чтениях впервые приняло участие такое количество именитых персон в области философии.

Пленарное заседание «Русское самосознание XIX – начала XX вв.: ценностные установки и герменевтические структуры», которое провела заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» профессор Т.И. Липич, отличалось разнообразием тематики (тем не менее прямо или косвенно связанной с биографией и творчеством Н.Н. Страхова) и хронотопа выступлений, вызывавших

³ См. об этом материалы сборника

(Герменевтическая традиция в России, 2019).

неизменный интерес участников конференции, выразившийся прежде всего во множестве заданных докладчикам вопросов. Профессор кафедры русского языка и русской литературы, почетный профессор НИУ «БелГУ» В.К. Харченко выступила с докладом о гносеологической культуре нации, нашедшей свое отражение в философии Н.Н. Страхова. Профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛПГУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) Д.А. Беляев в своем выступлении рассмотрел литературно-художественные и философские рецепции идеи сверхчеловека в отечественном интеллектуальном дискурсе XIX – начала XX веков. Профессор систематического богословия Питтсбургской богословской семинарии (Пенсильвания, США) Джон Берджесс проанализировал вопрос смысла жизни в разговорах П.А. Флоренского с детьми по материалам переписок репрессированного философа. Директор музея истории НИУ «БелГУ» (Белгород) И.В. Денисова на примере создания юбилейной экспозиции в возглавляемом ею музее затронула проблему реконструкции биографии Г.П. Дмитриева, директора Старооскольского учительского института (преемника Белгородского государственного учительского института, прекратившего существование во время военной оккупации Белгорода из-за тотальной мобилизации кадрового состава) с 1944 по 1951 год.

Второй день конференции был чрезвычайно насыщен: в видеоформате прошла презентация уникальной книги постоянного участника Страховских чтений В.А. Фатеева «Н.Н. Страхов. Личность. Творчество. Эпоха» (Фатеев, 2021), а также два пленарных заседания: «Н.Н. Страхов и его современники в истории отечественной и зарубежной мысли: исследовательские приоритеты и актуальные издательские программы» и «Смысловое пространство русской словесности: толкования и концептуальные проекции». Во второй половине дня

прошла работа четырех секций, основными участниками которых были студенты бакалавриата, магистратуры и аспирантуры российских и зарубежных университетов: «Практическая философия и герменевтическая традиция в истории русской интеллектуальной культуры: рецепции и репрезентации XIX столетия», «Социальная память, личность и история: перипетии XIX – XXI вв.», «Университет, библиотека, музей: культурно-исторические взаимодействия» и «Социальная и теологическая герменевтика: христианская антропология и социальное служение». И здесь, заразившись исследовательским настроением старших коллег и наставников, докладчики и слушатели активно полемизировали и дискутировали практически по всем поднимаемым темам и вопросам.

Конференция завершилась мемориальным заседанием, приуроченным к 200-летию со дня рождения А.А. Шеншина (Фета) «Вместе с А.А. Фетом: встречи, сотрудничество, переписка Л.Н. Толстого, Я.П. Полонского, Н.Н. Страхова». По охвату тем и персоналий эти Чтения были одними из самых насыщенных, интересных и впечатляющих, они надолго запомнились всем участникам и стимулировали молодежь к развитию своих научно-исследовательских планов. Плотность программы подсказала организаторам переход к ежегодному режиму проведения Чтений, начиная с 2020 года.

В 2021 году состоялись X Чтения памяти Н.Н. Страхова «Н.Н. Страхов в интеллектуальной истории России: собеседники, оппоненты, исследователи», включавшие в себя симпозиум «Вместе с Н.Н. Страховым: к 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» и молодежную лабораторию медленного чтения «Ф.М. Достоевский. “Преступление и наказание”»: комментарии Н.Н. Страхова». Научные мероприятия чтений были организованы совместно с

Отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук – давним и близким партнером МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» – основного центра исследования наследия Н.Н. Страхова на Белгородчине.

В симпозиуме приняли участие ведущие российские и зарубежные ученые ИМЛИ РАН, НИУ «БелГУ», Санкт-Петербургского государственного университета, Абхазского государственного университета, Дома Гоголя, Московского педагогического государственного университета. За время работы симпозиума прозвучало около двадцати научных сообщений о Ф.М. Достоевском, о Н.Н. Страхове, их многолетнем непростом сотрудничестве и дружбе. В подобном сотрудничестве проходила и работа симпозиума, где происходил широкий междисциплинарный диалог в гуманитарной сфере. Открыв симпозиум в день 200-летия Ф.М. Достоевского, заведующая кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» Т.И. Липич после приветствия гостей конференции обратилась в своем выступлении к давней проблеме диалога романтизма и реализма в раннем творчестве Ф.М. Достоевского. Почетный профессор НИУ «БелГУ» В.К. Харченко выясняла, какие уроки могут быть извлечены для сегодняшнего дня из содержания и приемов литературной критики Н.Н. Страхова. Руководитель МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» П.А. Ольхов поставил вопрос о почвенническом стиле мышления Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова, максима которого отражена во фразе Ф.М. Достоевского «Стать русским прежде всего». Доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского

государственного университета А.В. Тоичкина рассмотрела работы Н.Н. Страхова по психологии как источник психологического реализма Ф.М. Достоевского. Профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Е.Н. Мотовникова проанализировала аргументативные стратегии в литературно-философской публицистике Ф.М. Достоевского, соотнесла их со стратегиями Н.Н. Страхова.

Зарубежная гостья конференции, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Абхазского государственного университета Н.Г. Бахия обратилась в своем выступлении к проблеме государственности, религии и церковного суда в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Дом Гоголя» Д.Л. Рясков рассмотрел образы немцев в произведениях Ф.М. Достоевского и соотнес их с гоголевской традицией. Старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН И.И. Сизова поделилась наблюдениями текстолога в отношении редакторской работы Н.Н. Страхова над народной литературой Л.Н. Толстого в 1880-х гг. Руководитель студии практической философии, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Е.Ю. Чистякова рассмотрела педагогические стратегии старшего учителя естественной истории II петербургской гимназии Н.Н. Страхова на материале работы «О методе естественных наук и значении их в общем образовании». Завершил первый день симпозиума экспериментальный доклад заведующей музейным отделом Пушкинской библиотеки-музея г. Белгорода О.В. Коровиной и магистранта кафедры философии и теологии К.В. Месяца «Этико-философские ориентации цензуры в России XIX столетия (опыт ситуативного анализа)».

Второй день симпозиума, 13 ноября, открывался выступлением доцента

кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ» В.В. Кичигиной «Ф.М. Достоевский и славянский вопрос». Доцент кафедры русской классической литературы Московского педагогического государственного университета О.Н. Смыслова обратилась к теме денег и способам ее художественного воплощения в «Дневнике писателя» (1876 г.) Ф.М. Достоевского. Заведующий отделом Научной библиотеки имени Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ», хранитель Библиотеки-музея Н.Н. Страхова А.Г. Масалов рассказал о прижизненных изданиях трудов Н.Н. Страхова в фонде библиотеки-музея Н.Н. Страхова. Завершил второй день симпозиума цикл концептуальных докладов магистрантов кафедры философии и теологии: А.А. Попова, А.А. Шульженко, И.С. Рудя, А.В. Винграновской.

Второй день чтений продолжился Молодежной лабораторией медленного чтения «Ф.М. Достоевский. “Преступление и наказание”»: комментарии Н.Н. Страхова». Модераторами лаборатории выступили руководитель студии практической философии, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Е.Ю. Чистякова и соискатель Института мировой литературы РАН Д.Д. Сорокина. Работа лаборатории проходила под руководством экспертов: заведующей Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН М.И. Щербаковой и профессоров кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» П.А. Ольхова и Е.Н. Мотовниковой. В работе лаборатории принимали участие студенты кафедры философии и теологии, кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ» и Московского педагогического государственного университета. Открыли работу молодежной лаборатории выступления экспертов, а продолжили ее модераторы в совместном чтении и обсуждении трудных моментов литературного отзыва Н.Н. Страхова о романе Ф.М. Достоевского

«Преступление и наказание». В ходе обсуждения участники лаборатории отметили глубокую укорененность позиции Н.Н. Страхова в рамках школьного литературоведения, а также то, насколько затруднительно было от нее дистанцироваться. Участники обсудили особенности литературного стиля и языка Н.Н. Страхова, иронию, через которую проступают черты его личности. Лабораторный разговор остался открытым для многих участников и поставил больше новых вопросов, чем дал ответов – что и являлось основной целью обсуждения.

В следующем, 2022 году на первый план по актуальности вышла самая знаменитая страховская тема «борьбы с Западом» – и по общероссийским международным обстоятельствам, и по ситуации в белгородском приграничье, и в связи с вековым юбилеем первой волны послереволюционных интеллектуальных изгнанников. События эти переплелись и отразились в тематике осенних научных форумов, в дискуссиях по докладам.

28 сентября 2022 года большая делегация белгородских ученых приняла участие в международной научной конференции «Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию» (Русская философия XX века..., 2022). Приуроченная к дням 100-летия отплытия «Философского парохода», встреча проходила с 27 по 30 сентября в Москве, в Институте философии РАН. Белгородская секция «Герменевтическая традиция в русской философии XX столетия» (Русская философия XX века..., 2022, 2: 191-234) прошла в режиме онлайн при активной поддержке и участии кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» и МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования». В работе секции приняли участие ведущие ученые Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгородского юридического института

МВД России имени И.Д. Путилина, Белгородского государственного института искусств и культуры, Орловского государственного института культуры, Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. За время заседания прозвучало более десяти научных сообщений о представителях герменевтической традиции в русской философии XX столетия, шло активное и заинтересованное их обсуждение. Участники постоянно возвращались к мысли о том, что основателем русской герменевтической традиции можно по праву считать Н.Н. Страхова, белгородского по своему происхождению русского мыслителя.

Открыл заседание секции директор Института общественных наук и массовых коммуникаций С.Н. Борисов. После приветствия гостей конференции он рассмотрел размышления и параллели разговора на пароходе в контексте работы Николая Сербского «Библия и война». Тему герменевтики насилия продолжил С.В. Резник, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ», который обратился к полемике о насилии и ненасилии в философии русского зарубежья.

Профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» Т.И. Липич в своем выступлении обратилась к проблеме нравственности и права в опыте философской рефлексии Б.П. Вышеславцева. Продолжил исследовать тему духовно-нравственных оснований личности С.А. Колесников, профессор БелЮИ МВД имени И.Д. Путилина, который рассмотрел на материалах биографии В.Н. Лосского философско-религиозные аспекты высылки русской интеллигенции в 1922 году. В работе секции прозвучали доклады представителей МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования». П.А. Ольхов поставил вопрос о герменевтике истории,

обратившись к «общим местам» исторического понимания Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли. Е.Н. Мотовникова проанализировала типологические особенности и актуальность социального мышления Н.А. Бердяева. Е.Ю. Чистякова рассмотрела проблему «чужого я» в философском наследии И.И. Лапшина. Далее взяли слово орловские гости белгородской секции: доцент ОГИК, руководитель Бахтинского семинара А.Ю. Титов уточнил онтологические и инстинктивные начала герменевтики театральности Н.Н. Евреинова, а В.В. Петрунин, доцент ОГУ им. И.С. Тургенева рассмотрел типологию религий в историософской концепции Н.Я. Данилевского. Выступили на секции представители философской кафедры БГИИК. Профессор В.П. Римский, член Союза писателей России, рассмотрел проблему философской литературы и литературных версий философии, а О.Н. Римская выступила с критикой некоторых концептов в трактовке русской истории философии.

В ходе работы секции прозвучали доклады выпускников кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ». Н.Н. Тинус, выпускник аспирантуры НИУ «БелГУ» рассмотрел проблему взаимоотношения итальянского автономизма и философии диалога М.М. Бахтина. А.О. Маслеников, выпускник философского специалитета НИУ «БелГУ» обратился к анализу герменевтики открытости присутствия И. Бродского в литературно-философском опыте интеллектуальной культуры XX в. Выпускница аспирантуры НИУ «БелГУ» А.О. Кучерова сопоставила взгляды Х. Арендт и представителей русского неогегельянства в эмиграции А. Кожева и А. Койре. В конференции приняли участие и студенты-исследователи белгородской кафедры философии и теологии. А.А. Шульженко, магистрант НИУ «БелГУ» сопоставил размышления Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского о русском характере. Студентка НИУ «БелГУ» по

направлению «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры») Л.Е. Кускова рассмотрела взгляд Д.И. Чижевского на Ф.М. Достоевского из 1932 года. Секция имела открытый финал и завершилась фразой С.С. Аверинцева «Мы призваны в общение».

XI Чтения памяти Н.Н. Страхова: «Почвенничество Николая Страхова: философия, наука, культура» состоялись и в 2022 году, несмотря на тревожную обстановку, и продолжили обсуждение проблематики «Россия и Запад». Научное мероприятие было организовано в формате видеоконференции в сотрудничестве с Институтом философии РАН и журналом «Вопросы философии». Открыли конференцию приветственные слова директора Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» С.Н. Борисова, главного редактора журнала «Вопросы философии», руководителя сектора философии естественных наук Б.И. Пружинина, профессора кафедры философии МПГУ Т.Г. Щедриной.

Первое пленарное заседание началось с доклада П.А. Ольхова, руководителя МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», профессора кафедры философии и теологии, «Герменевтика истории Н.Н. Страхова (открытые вопросы)». В.В. Липич, профессор кафедры философии и теологии, русского языка и русской литературы, рассмотрел в своем выступлении русское почвенничество XIX века как общественно-литературный феномен. В.Ю. Даренский, профессор Луганского государственного педагогического университета, охарактеризовал в докладе принципы поэтологии Н.Н. Страхова. Заведующий отделом редких книг (библиотекой-музеем Н.Н. Страхова) Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова А.Г. Масалов выступил с программным докладом по теме: «Страхов и Запад. К вопросу о том, была ли борьба мнимой». В

докладе философов из Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, профессора В.С. Поповой и доцента В.И. Савинцева прозвучал сравнительный анализ «Концепты “время” и “пространство” в творчестве Н.Н. Страхова и Б.П. Чичерина». Т.И. Липич, профессор кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций, и Д.В. Липич, аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института, обратились как соавторы к теме «Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников». Завершил работу первого пленарного заседания А.А. Бондарев, магистр юриспруденции, преподаватель-исследователь, который рассмотрел общее и особенное в концепциях нравственно-правового идеала Н.Н. Страхова и Л.И. Петражицкого.

Второе пленарное заседание открыл А.Ю. Титов, профессор кафедры режиссуры и мастерства актера Орловского государственного института культуры, с докладом «Нелинейный мир: к герменевтике “театра идей” на сцене сознания в российской синергетической эпистемологии». О.И. Нифонтова, старший преподаватель кафедры философии и теологии, рассмотрела учение о предопределении человека в рукописи трилогии «Богословское Человечество» архимандрита Евтихиана (Лестева). И.В. Гончаренко, преподаватель-исследователь кафедры философии и теологии, предпринял герменевтический комментарий к антропологическим основам письма свт. Феофана Затворника. В завершение второго пленарного заседания студенты направления «Философия» по профилю «История отечественной философии и культуры» познакомили участников со своими изысканиями в истории русской мысли: Александр Кальницкий – по вопросу об особенностях «русской цивилизации» в постановке Н.Я. Данилевского, и Никита

Винаков, рассмотревший понятие коммунизма в русских словарях конца XIX – начала XX вв.

Работа секции «Эпоха Н.Н. Страхова: долгий XIX век» проходила под знаком тем непосредственно страховских и его ближайших современников; началась она с доклада магистранта кафедры философии и теологии М.А. Жилиной «Н.Н. Страхов в графических образах и живописи современников: И.Е. Репин, Т.Л. Сухотина-Толстая, Я.П. Полонский (опыт сравнения)». Продолжила выступление выпускница кафедры философии и теологии, преподаватель русского языка в Ляонинском университете международной торговли и экономики (Далянь, провинция Ляонин, КНР) Е.Ю. Макарова с рассуждениями Дж.Ст. Милля, Н.Н. Страхова и Кан Ювэя на тему «женского вопроса», и эта интересная тема была поддержана В.Н. Даренской, доцентом Луганского государственного педагогического университета. Продолжили работу выступления студентов направления подготовки «Философия», профиля «История отечественной философии и культуры»: Ольги Козак с темой «Путешествия русских интеллектуалов второй половины XVIII в. (к целеполаганию Д.И. Фонвизина и Н.М. Карамзина)», Михаила Брызгунова – «Ф.И. Тютчев в сфере разговора Н.Н. Страхова (публикации и переписки)», Дарьи Леоновой – «“Логика” М.И. Владиславлева: к восприятиям и оценкам А.Е. Светилина», Елизаветы Ермоловой – «Взаимная критика Н.Н. Страхова и В.П. Буренина (опыт систематического обзора)». Завершил работу секции доклад А.О. Кучеровой, младшего научного сотрудника сектора живописи, скульптуры и ДПИ Белгородского государственного художественного музея «Лесковское возрождение в западной и отечественной мысли первой трети XX века».

Секция «Философская герменевтика и культурно-исторические практики XX–

XXI вв.» началась выступлением Е.Д. Говорун, аспирантки кафедры философии и теологии, на тему «Моральная экономика: история понятия и актуальные смыслы». Далее последовал доклад И.Л. Першиной, магистранта кафедры философии и теологии, «Мышление архитектора (к толкованиям Г.И. Ревзина)». И.О. Штейнмиллер, преподаватель-исследователь, соискатель кафедры философии и теологии, включился в разговор с опытом обзора эстетико-философских понятий и характеристик театральной герменевтики Г.Г. Шпета. А.О. Кучерова, младший научный сотрудник Белгородского государственного художественного музея, рассмотрела герменевтику желаний в политическом театре У. Шекспира сквозь призму интерпретаций Р. Жирара. Завершилась секция выступлениями студентов направления подготовки «Философия» (профиль «История отечественной философии и культуры») Алексея Шаляпина – «П.К. Энгельмейер и Ф.Г. Юнгер – два подхода к вопросу о философии техники», Антона Боболя – «Л.В. Выготский о переплавке человека» и Кирилла Лоткова – «Психофизическая проблема у Э.В. Ильенкова».

Значимым интеллектуальным событием в истории исследовательской консолидации стали XII чтения памяти Н.Н. Страхова, приуроченные к 195-летию со дня рождения философа. Чтения прошли с 26 октября по 1 ноября 2023 года в формате международной конференции, которую принимал Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) – alma mater Страхова.

На этот раз тема звучала максимально актуально и широко: «Наследие Н.Н. Страхова в междисциплинарных контекстах: философия, антропология, наука». Особое достоинство конференционному событию придала ситуация вновь возникшего диалога между достоевсковедами и страхововедами,

который стал возможен благодаря активной поддержке конференционных мероприятий со стороны Музея Ф.М. Достоевского. Организаторами конференции выступили НИУ «БелГУ» (Белгород), РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Институт философии РАН (Москва), БГУ (Минск), редколлегия серии «Философия России первой половины XX века», журнал «Вопросы философии» (Москва) в сотрудничестве с Институтом русского языка и литературы ИРЛИ РАН (Пушкинским домом) (Санкт-Петербург), МПГУ (Москва), Университетом Сучжоу (КНР, провинция Цзянсу), Восточно-Китайским Педагогическим Университетом (КНР, Шанхай), Домом А. Ф. Лосева – научной библиотекой и мемориальным музеем (Москва) при участии научного проекта, поддержанного Российским научным фондом⁴.

Участников конференции – ведущих ученых, специалистов в области русской философии и методологии гуманитарных наук – приветствовали ректор РГПУ имени А.И. Герцена С.В. Тарасов, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» С.Н. Борисов, главный редактор журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинин, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу, КНР) Чжу Цзяньган, известный исследователь творчества Н.Н. Страхова В.А. Фатеев.

На пленарном заседании выступили с докладами многолетние исследователи страховского наследия, известные авторы научных работ о нем из разных городов России, профессора Н.В. Снетова (Пермь), А.В. Тоичкина (Санкт-Петербург), П.А. Ольхов (Белгород), Е.Н. Мотовникова (Белгород), Е.Ю. Чистякова (Белгород), А.А. Ермичев (Санкт-Петербург), О.Д. Маслобоева (Санкт-Петербург),

М.А. Маслин (Москва), Т.И. Липич (Белгород), С.М. Климова (Москва), В.С. Попова (Калининград) и др. Обсуждались приоритетные вопросы: антропологический поворот Н.Н. Страхова (человек как «узел мироздания»); актуальные прочтения научных и философско-научных трудов Н.Н. Страхова по естествознанию; связанный с интеллектуальной биографией Н.Н. Страхова феномен почвенничества в отечественной и мировой философии и культуре; эпистолярное наследие Н.Н. Страхова в текущих исследованиях русской культурной истории – страховская «сфера разговора» русских философов и писателей (А.А. Фет, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, И.А. Аксаков, Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.В. Розанов и др.); актуальность философской и литературной критики Н.Н. Страхова в социально-политическом аспекте; Н.Н. Страхов как переводчик философских текстов; методы, достижения и вопросы Н.Н. Страхова в деле «умственного воспитания читателей», духовно-нравственные основы образования просвещения.

В продолжение начатого разговора представители журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина провели 28 октября 2023 года в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского круглый стол «Актуальные проблемы современного страхововедения» (Пружинин, Гачева, Грякалов и др., 2024), посвященный памяти писателя, переводчика, старейшего исследователя трудов Н.Н. Страхова и его окружения, доктора физико-математических наук Н.П. Ильина (1947–2023) и известного филолога, специалиста в области изучения и публикации трудов В.В. Розанова и его эпохи, доктора филологии А.Н. Николукина (1928–2023).

⁴ Грант РНФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н.Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения».

Ведущие специалисты в области русской философии (А.Г. Гачева, А.А. Грякалов, И.А. Едошина, А.А. Ермичев, К.Г. Исупов, Л.Н. Летягин, М.А. Маслин, О.Д. Маслобоева, П.А. Ольхов, Б.И. Пружинин, Б.Н. Тихомиров, В.А. Фатеев, Чжу Цзяньган, Т.Г. Щедрина) обсуждали дальнейшие направления исследований Н.Н. Страхова в контексте современных проблем философии, образования и науки.

Нынешней осенью, 28-30 октября состоялась международная видеоконференция – XIII чтения памяти Н.Н. Страхова, получившая название «“Золотой век” русской философии: сфера разговора и виртуальные архивы XIX–XXI вв.». Основными соорганизаторами конференции выступили: Институт философии РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, НИУ «ВШЭ», РГПУ им. А.И. Герцена, а также впервые присоединившаяся в качестве организатора и одной из площадок разговора Белгородская государственная универсальная научная библиотека. Конференция состоялась при информационной поддержке журналов «Вопросы философии», «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования» и в сотрудничестве с ИРЛИ РАН (Пушкинским домом), МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), МПГУ (Москва), Университетом Сучжоу (КНР, провинция Цзянсу), Восточно-Китайским Педагогическим Университетом (КНР, Шанхай), Исследовательским педагогическим центром им. Я.А. Коменского (Санкт-Петербург), Тульским государственным педагогическим университетом им. Л.Н. Толстого (Тула), Севастопольским государственным университетом (Севастополь), научно-просветительским центром имени М.М. Бахтина (Орел).

Открыли конференцию приветственные слова директора ГБУК «Белгородская государственная универсальная научная библиотека», вице-президента Российской библиотечной

ассоциации, председателя Общественной палаты Белгородской области Н.П. Рожковой, главного редактора журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинина, руководителя научно-исследовательского центра «Русская литература и христианская традиция» Института мировой литературы РАН М.И. Щербаковой, директора института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ», председателя региональной организации общества «Знание» С.Н. Борисова, профессора университета Сучжоу Чжу Цзяньгана (провинция Цзяньсу, КНР), заведующей кафедрой философии и теологии НИУ «БелГУ» Т.И. Липич, писателя и переводчика В.А. Фатеева.

На первом симпозиуме «Белгородская словесность: опыт XXI столетия (60-летие Белгородского регионального отделения общероссийской общественной организации “Союз Писателей России”)» с докладами выступили И.А. Климова, В.П. Кобзарь, Ю.А. Гусаков. Второй симпозиум был посвящен русской мысли «золотого» XIX столетия в ее гуманистических измерениях, в частности, сквозь призму проблемы почвенничества. Здесь обсуждались темы, в каждой из которых пересекаются вопросы современной методологии религиозной философии и герменевтики текстов, проблематичного возвращения к идеям отечественных философов и их развития в актуальном контексте. Видением этих сложных процессов и дискуссионных проблем поделились ведущие российские и зарубежные ученые в области гуманитарных междисциплинарных исследований из Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, Даляня (Китай). Свои доклады представили: С.В. Резник, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина, П.А. Ольхов, А.В. Тоичкина, Н.А. Меркурьева, Е.Н. Мотовникова, Р.А. Лопин, А.Ю. Титов, Е.Ю. Макарова, Д.Д. Сорокина, О.И. Нифонтова.

В завершающий день состоялся ставший постоянным спутником Чтений третий симпозиум, посвященный герменевтике детства, образовательным традициям и эстетико-литературной реальности XXI в., на котором прозвучали доклады ведущих российских ученых и практиков из Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода и Тулы: С.М. Марчуковой, С.М. Машевской, З.А. Лурье, Р.М. Руповой, С.С. Почепцова, Е.Ю. Чистяковой. В рамках конференции были также проведены методологический семинар молодых ученых «БелГУ» и Белгородской Православной Духовной семинарии на тему: «Патрологическая герменевтика и нравственное богословие Николая Николаевича Глубоковского» и круглый стол молодых ученых «Философия комикса: российские лепты».

История проведения Страховских чтений является, как видно из этого далеко не полного обзора, в некотором важном необходимом для нас роде смысловой переключкой сфер разговора: от Н.Н. Страхова и его собеседников до современного сообщества исследователей русской гуманитарной традиции. Философы, ученые, историки, литературоведы, культурологи, специалисты по «фигурам» – Достоевскому, Толстому, Данилевскому и др. – объединяют свои усилия, вновь актуализируя проблематику, рассматривая философское наследие Н.Н. Страхова с самых разных дисциплинарных ракурсов. Тем самым снова и снова выявляется поразительная специфика его научно-философского и литературно-критического наследия, энциклопедичность и самый широкий проблемно-тематический охват его текстов и переписки с собеседниками, оппонентами и друзьями как яркий пример «архива эпохи» и неизмеримой глубины личностного знания.

Литература

VIII Страховские чтения: Николай Николаевич Страхов и его собеседники в мире

архивов, музеев и библиотек (к 190-летию со дня рождения Н.Н. Страхова): сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Белгород, 21-23 нояб. 2018 г. / отв. ред. П.А. Ольхов. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. 220 с.

Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы / под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М., СПб., Белгород: ЦГИ «Принт», 2019. 270 с.

Мотовникова, Е.Н. Герменевтические стратегии в философской публицистике Н. Н. Страхова (историко-философский анализ). Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. М., 2016. 32 с. [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/17679/1/Motovnikova_Germenevt_Strategii_Avtoref.pdf (дата обращения 10.10.2024).

Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь: начало: Альбом-биография к 190-летию со дня рождения / О.Н. Полухин, М.И. Щербакова, П.А. Ольхов [и др.]; МНИЦ «Интеллектуальная история России и регион. биогр. исслед.», НИУ «БелГУ». Белгород: КОНСТАНТА, 2018. 124 с.

Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / С.М. Климова (ред.-сост.) и др. СПб.: Алетейя, 2010. 207 с.

Пружинин, Б.И., Гачева, А.Г., Грякалов, А.А. Едошина, И.А., Ермичёв, А.А., Летягин, Л.Н., Маслин, М.А., Маслбоева, О.Д., Мотовникова, Е.Н., Ольхов, П.А., Петров, Р.И., Снетова, Н.В., Тихомиров, Б.Н., Тоичкина, А.В., Фатеев, В.А., Чистякова, Е.Ю., Щедрина, И.О., Щедрина, Т.Г. Актуальные проблемы исследования философии Н.Н. Страхова (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 92-122.

Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию. К 100-летию «Философского парохода». Тезисы междунар. конф. / Отв. ред. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. В 2 т. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. Т. 1. 400 с. Т. 2. 288 с.

Творческое наследие Н.Н. Страхова и современная социально-гуманитарная мысль: Материалы Всерос. науч. конф., Белгород, 31 окт.-1 нояб. 2003. Белгород: БелГУ, 2003. 236 с.

Фатеев, В.А. Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха: Монография. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 652 с.

Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке: Материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25-26 нояб. 2010 г. / отв. ред: Е.А. Антонов. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 412 с.

References

Antonov, E. A. (ed.) (2010), *Shestyte Strakhovskiye chteniya: filosofskiye problemy ponimaniya v kulture i nauke* [The Sixth Strakhov Readings: Philosophical Problems of Understanding in Culture and Science], *Materials of the international scientific conf., Belgorod, November 25-26. 2010*, Belgorod State University Publishing House, Belgorod, Russia (in Russ.).

Fateev, V. A. (2021), *N. N. Strakhov: Lichnost. Tvorchestvo. Epokha: Monografiya* [N. N. Strakhov: Personality. Creativity. Epoch: Monograph], Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Klimova, S. M. (ed. and comp.) (2010), *N. N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami. Filosofiya kak kultura ponimaniya* [N.N. Strakhov in Dialogues with Contemporaries. Philosophy as a Culture of Understanding], Aletheia, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Motovnikova, E. N. (2016), "Hermeneutic strategies in philosophical journalism by N. N. Strakhova (historical and philosophical analysis)". Abstract of D.Sc. Dissertation in Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia (in Russ.).

Olkhov, P. A. (ed.), (2018), *Nikolay Nikolayevich Strakhov i yego sobesedniki v mire arkhivov, muzeyev i bibliotek* [Nikolay Nikolaevich Strakhov and his interlocutors in the world of archives, museums and libraries (on the 190th anniversary of N. N. Strakhov's birth)], *Proceedings of the VIII Strakhov Readings: All-Russian scientific and practical conference (with international participation)*, Belgorod, November 21-23, 2018, Belgorod Publishing House, National Research University "BelSU", Belgorod, Russia (in Russ.).

Polukhin, O. N., Shcherbakova, M. I., Olkhov, P. A. [etc.] (2018), *Nikolay Nikolayevich Strakhov. Zhiznennyy put: nachalo: albom-biografiya k 190-letiyu so dnya rozhdeniya* [Nikolay Nikolaevich Strakhov. Life's Path: Beginning: Biography Album for the 190th

Anniversary of His Birth], CONSTANTA, Belgorod, Russia (in Russ.).

Pruzhinin, B. I., Gacheva, A. G., Gryakalov, A. A., Edoshina, I. A., Ermichev, A. A., Letyagin, L. N., Maslin, M. A., Masloboeva, O. D., Motovnikova, E. N., Olkhov, P. A., Petrov, R. I., Snetova, N. V., Tikhomirov, B. N., Toichkina, A. V., Fateev, V. A., Chistyakova, E. Yu., Shchedrina, I. O., Shchedrina, T. G. (2024), "Current Problems in the Study of N.N. Strakhov's Philosophy ("Round Table" Materials)", *Voprosy filosofii*, 8, 92-122 (in Russ.).

Pruzhinin, B. I. & Shchedrina, T. G. (eds.) (2019), *Germenevticheskaya traditsiya v Rossii: aktualnyye konteksty i sovremennyye problemy* [Hermeneutic Tradition in Russia: Current Contexts and Contemporary Problems], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, St. Petersburg, Belgorod, Russia (in Russ.).

Pruzhinin, B. I. & Shchedrina, T. G. (eds.) (2022), *Russkaya filosofiya XX veka i eyo vklad v mirovuyu intellektualnuyu traditsiyu. K 100-letiyu "Filosofskogo parokhoda"* [Russian Philosophy of the Twentieth Century and Its Contribution to the World Intellectual Tradition. On the 100th Anniversary of the "Philosophical Steamship"], *Proceedings of the International Conference, in 2 volumes*, Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tvorcheskoye nasledie N. N. Strakhova i sovremennaya sotsialno-gumanitarnaya mysl [The creative legacy of N. N. Strakhov and modern social and humanitarian thought], *Proceedings of the All-Russian scientific conference*, October 31 – November 1, 2003, BelSU Publishing House, Belgorod, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Щедрина Ирина Олеговна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105066, Россия; echiscar@yandex.ru

Чистякова Екатерина Юрьевна, кандидат философских наук, научный

сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, д. 21/4, Москва, 105066, Россия; доцент кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; chistyakova.e.j@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Irina O. Shchedrina, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Senior

Research Fellow, Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation; echiscar@yandex.ru

Ekaterina Yu. Chistyakova, Cand. Sc. (Philosophy), Research Fellow, Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation; Associate Professor, Department of Philosophy and Theology. Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; chistyakova.e.j@yandex.ru

УДК 111.85

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-6

Гэ Цили¹,
Чжоу Цзе²

Одиссей и резонанс: рецензия на книгу Юка Хуэя
«Искусство и космотехника»
(М.: Издательство АСТ, 2024. 384 с.)

^{1, 2} Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308009, Россия; joanna.jie.zhou@qq.com

Аннотация. В рецензии на книгу (Юк Хуэй. Искусство и космотехника. М.: Издательство АСТ. 2024. 384 с.) предлагаются размышления о некоторых проявлениях рефлексивности и перспективности опубликованной на русском языке совокупности основных книг популярного автора, заинтересовавшего философское сообщество попыткой не только переописать мир, но существенно продвинуть стратегию философского, научного и политического диалога между культурными «мирами» Запада и Востока.

Ключевые слова: Юк Хуэй; искусство; философия; техника; мышление; истина

Для цитирования: Гэ Цили, Чжоу Цзе. Одиссей и резонанс: рецензия на книгу Юка Хуэя «Искусство и космотехника» (М.: Издательство АСТ, 2024. 384 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 175-178. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-6

Ge Jili¹,
Zhou Jie²

Odysseus and Resonance: review of the book by Yuk Hui “Art
and Cosmotechnics” (Moscow, AST Publishing House, 2024. 384 p.)

1, 2 Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Korolev St., Belgorod, 308009, Russia; joanna.jie.zhou@qq.com

Abstract. The review reflects on the manifestations of reflexivity and perspective in Yuka Hui's books published in Russian. The books of the popular author have interested the Russian and international philosophical community with the author's attempt not only to re-describe the world, but also to make progress in promoting philosophical, scientific and political dialogue between the cultural "worlds" of the West and the East.

Keywords: Yuk Hui; art; philosophy; technology; thinking; truth

For citation: Ge Jili, Zhou Jie (2024), “Odysseus and Resonance: review of the book by Yuk Hui “Art and Cosmotechnics” (Moscow, AST Publishing House, 2024. 384 p.)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 175-178, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-1-6

В предисловии к «Рекурсивности и контингентности», более ранней работе Юка Хуэя, Говард Кэйгилл обращается к

образу Одиссея, который согласно пророчеству Тиресия должен был странствовать до тех пор, пока не заберется

в столь далекие края, что весло, которое он будет нести на плече, не примут за лопату для веянья зерна. И если сравнить книги Юка Хуэя с эпизодами путешествия Одиссея, то работа «Искусство и космотехника» – очередное из них (Хуэй, 2020: 15), в котором он покидает землю технических феноменов и отправляется на территории, населенные культурными явлениями.

Веслом можно считать саму космотехнику, ключевой концепт автора, отражающий специфический и культурно обусловленный способ отношения людей к миру. Нам представляется, что образ весла точен, поскольку оно необходимо, чтобы передвигаться и править, направлять движение в подвижной среде, хаосе мирового океана идей. Космотехника присутствует во всех работах Юка Хуэя и отражает его главную методологическую позицию, способы обращения с объектами в разных культурах отличаются (Хуэй, 2023). Эта эпистемология вызывает у некоторых читателей аналогии с методологическим анархизмом П Кропоткина и П. Фейерабенда и в той форме, как они изложены в предыдущих книгах (Хуэй, 2020; Хуэй 2023), принципы альтеркосмологии как альтернативного знания и понимания одними приветствуются (Королёва, 2021) а другим могут показаться пугающими в последовательном их развитии (Кучинов, 2019: 135). Как раз основы этого страха и расшатывают последовательно выходящие работы оппонента дихотомичного мышления в рамках технико-технологического универсализма (охватывающего и технологию мышления), который считает, что настало время переоткрыть и переизобрести в некотором смысле «изначальное» удивление, органичность и «цветущую сложность» философского творчества (Борисов, 2020). Рефлексивное движение предметного внимания автора от техники и проблемы диалога между Западом и Востоком в понимании ее антропологического

смысла – к выявлению более глубокого метафизического уровня онтологии и эпистемологии – и теперь, не теряя ничего из уже контингентно обретенного в проработанных текстах, – новый рекурсивный шаг к переовладению органическим единством через переосмысление движения-кружения логико-эстетических противоречий в истории западной философии (Аристотель, Кант, Гегель, Шеллинг и др.) к новому синтезу, выраженному на новом языке.

В разных культурах различается сам подход, видение проблемы, том числе объекты исследования, объекты в рамках научного дискурса и технологий. А значит, пределы и угрозы, которые возникают при западном взгляде на мир, доминирующем сегодня, могут быть преодолены в другой оптике. Как пояснял философ в одном из своих интервью, «на Западе мы можем думать об абсолюте как о некоей окончательности или высшей реальности... но в китайской мысли трудно найти такой абсолют. Даосы считают, что нет смысла даже задаваться вопросом, что является самым большим, самым маленьким, абсолютным, конечной точкой, потому что всегда есть что-то за пределами всего этого: дао, путь, постоянное создание и воссоздание чего-то большего и меньшего, чем то, что мы можем знать». (<https://www.thealternative.org.uk/dailyalternative/2020/7/4/yuk-hui-chinese-thought-techno-diversity>)

Практически-политический смысл работ Юка Хуэя замечен и, в полном соответствии с традицией западного критического рационализма, вызвал прежде всего дискуссию (Шиповалова, 2022). Услышан и примиряющий, гармонизирующий посыл всего корпуса работ, опубликованных талантливым воспитанником (и уже учителем) обоих полюсов Евразии: «Хуэй стремится преодолеть европейский трансгуманизм посредством ценностного “оплодотворения” техники и мироздания, заимствованного из философии как его

европейских учителей, так и философии древнего и современного Китая» (Ивахненко, 2022: 230).

Собственно, это и можно считать целью путешествия Юка Хуэя по замысловатому маршруту перебегания с Запада на Восток и обратно. Движении через сравнение древнегреческой драмы и китайской живописи шань-шуй. Можно сказать, что он протаптывает новые пути в обход классических оппозиций западной философии, показывая, что можно уйти от самой идеи конфликта, будь то в форме драматического катарсиса или любой другой. Мировосприятие возможно строить на основе опыта срединности (чжун) и гармоничности (хэ), обоснованного в конфуцианстве (Хуэй, 2024: 46). Опыт такого отношения к миру ярче всего раскрывается в китайском искусстве, не ориентирующемся на экзотичность дионисийства, а работающего на принципах умеренности и гармонии.

Верно также и то, что в современном мире интенсивной коммуникации невозможно существовать изолированно. И китайская культура соприкасается в диалогичном общении с западной. Для Юка Хуэя важно, чтобы между космотехниками обеих культур возникал резонанс. Не принятие или заимствование, а диалог, дающий возможность выхода из сложных ситуаций современного мира. И тогда Одиссей действительно встретит собеседника, который будет радикально отличаться, но распознает в его инструменте нечто свое, а весло сможет стать лопатой.

Источники

Хуэй, Юк. Искусство и космотехника / пер. с англ. А.В. Смоляка, под ред. В.А. Матвеев. М.: Изд-во АСТ, 2024. 384 с.

Литература

Борисов, Д. Грядущие кибервойны эпохи катастроф: краткое введение в философию Юка Хуэя. Онтология цифровых объектов, контингентность и космотехника // Горький Медиа. 16 июня 2020. URL:

<https://gorky.media/context/gryadushhie-kibervojny-epohi-katastrof-kratkoe-vvedenie-v-filosofiyu-yuka-hueya/>

Ивахненко, Е.Н. Навстречу «новой эпистемологии»: рекурсивность и контингентность Юка Хуэя // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 220–233.

Королёва, М. Не всюду жизнь. О книге Юка Хуэя «Рекурсивность и контингентность» // Spectate. 12.03.2021. URL: <https://spectate.ru/yuk-hui/> (дата обращения 11.11.2024)

Кучинов, Е. Made in China: космотехника (pl.) // Стадис. 2019. № 1. С. 125–135.

Хуэй, Юк. Рекурсивность и контингентность / пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: V-A-C Press, 2020. 398 с.

Хуэй, Юк. Вопрос о технике в Китае / пер. Дениса Шалагинова. М.: Ad Marginem, 2023. 320 с.

Шиповалова, Л.В. Рекурсивность и контингентность: к вопросу об управлении в цифровую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 3. С. 397–409. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.311>

Sources

Hui, Yuk (2024), *Iskusstvo i kosmotekhnika* [Art and Cosmotechncs], Translated by Smolyak, A. V., in Matveyenko, V. A. (ed.), AST Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

References

Borisov, D. (2020), “Coming Cyberwars of the Catastrophe Era: A Brief Introduction to the Philosophy of Yuk Hui. Ontology of Digital Objects, Contingency, and Cosmotechncs”, *Gorky Media*. 16 June 2020 (in Russ.), available at: <https://gorky.media/context/gryadushhie-kibervojny-epohi-katastrof-kratkoe-vvedenie-v-filosofiyu-yuka-hueya/> (Accessed 24 August 2024).

Hui, Yuk (2020), *Rekursivnost i kontingentnost* [Recursivity and Contingency], Translated by Kralechkin, D., V-A-C Press, Moscow, (in Russ.).

Hui, Yuk (2023), *Vopros o tekhnike v Kitaye* [The Question Concerning Technology in China: An Essay in Cosmotechncs], Transl. by

Shalaginov, D., Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Ivakhnenko, E. N. (2022) "Towards a 'New Epistemology': Yuk Hui's recursivity and contingency", *Epistemology & Philosophy of Science*, 59 (3), 220–233 (in Russ.).

Koroleva, M. (2021), "Not Everywhere Life. About Yuk Hui's Book *Recursivity and Contingency*", *Spectate*, 12.03.2021 (in Russ.), available at: <https://spectate.ru/yuk-hui/> (Accessed 11 November 2024)

Kuchinov, E. (2019), "Made in China: kosmotekhnika (pl.)" [Made in China: Space Technology (pl.)], *Stadis*, 1, 125–135. (In Russ.)

Shipovalova, L. V. (2022) "Recursivity and contingency: To the question of governance in the digital era", *Vestnik of Saint Petersburg University Philosophy and Conflict Studies*, 38(3), 397-409, DOI:10.21638/spbu17.2022.311 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Гэ Цили, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308009, Россия; joanna.jie.zhou@qq.com

Чжоу Цзе, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308009, Россия; joanna.jie.zhou@qq.com

ABOUT THE AUTHORS:

Ge Jili, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308009, Russia; joanna.jie.zhou@qq.com

Zhou Jie, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science Studies, Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308009, Russia; joanna.jie.zhou@qq.com